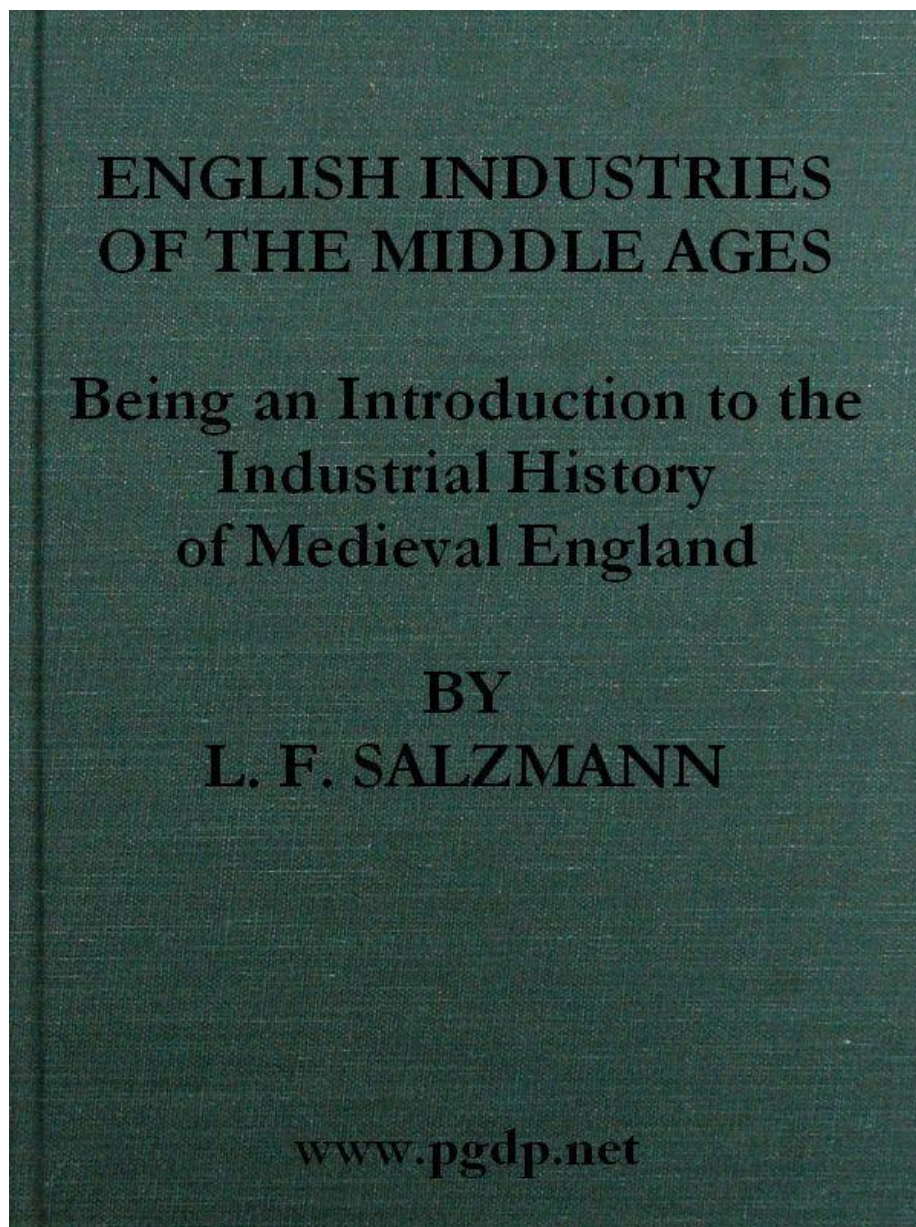

Английская промышленность Средневековья. Введение в промышленную историю средневековой Англии

Л. Ф. Зальцман

The Project Gutenberg eBook of English Industries of the Middle Ages.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Английская промышленность Средневековья

Автор: Л. Ф. Зальцман

Дата выхода: 26 марта 2015 [eBook #48588]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено deaurider, MWS и Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА АНГЛИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СРЕДНИХ ВЕКОВ ***

Изображение обложки было создано транскриптором и является общественным достоянием.

АНГЛИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СРЕДНИХ ВЕКОВ

АНГЛИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Введение в промышленную историю средневековой Англии

Л. Ф. ЗАЛЬЦМАНН, БАКАЛАВР ГУМАНИТАРНЫХ НАУК.

АВТОР "СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДОРОГ

ЛОНДОН

CONSTABLE AND COMPANY LTD.

1913

ПРЕДИСЛОВИЕ

Название этой книги одновременно указывает и на ее цель, и на ее ограничения. Она не претендует на то, чтобы быть полной историей ранней промышленной жизни Англии, но в то же время претендует на то, чтобы стать введением в изучение этой темы. Я надеюсь и даже верю, что широкий читатель, интересующийся историей своей страны, а не обладающий техническими знаниями, получит из нее нечто большее, чем простое представление о промышленных условиях в доелизаветинские времена. Студент, желающий углубиться в рассматриваемые здесь темы, может использовать эту книгу как дорожную карту, а сноски - как указатели, которые направят его к вершинам более глубоких знаний.

Исходя из характера моего предмета, было неизбежно, что книга должна быть полна технических деталей, цифр и статистики, но я постарался сделать их понятными и не допустить, чтобы значение статистики было затуманено избытком деталей. Принятая мною схема заключается в том, чтобы рассмотреть ведущие средневековые отрасли по очереди, по возможности показывая их главные центры, хронологическое развитие, условия и методы работы. Распоряжение готовой продукцией через посредников, купцов или лавочников я не рассматривал, считая, что такие вопросы относятся скорее к сфере торговли и коммерции, чем к промышленности; по этой же причине, а также потому, что об этом уже писали другие авторы, я не касался великого источника богатства Англии - шерсти. Сельское хозяйство, а также рыболовство я исключил из своего определения промышленности. Более позорное упущение, которое, как мне кажется, требует пояснений, проявляется в случае со строительством. Однако это упущение не по недосмотру и не из-за желания избавить себя от лишних хлопот. Я собрал огромное количество материала для предполагаемого раздела о строительной промышленности, но после тщательного рассмотрения пришел к выводу, что имеющийся материал настолько техничен, а неясность деталей настолько превышает их ценность при разъяснении, что такой раздел скорее утомит студента и станет для него камнем преткновения, чем поможет. Темы, рассматриваемые в нескольких разделах, в полной мере отражают, если не полностью исчерпывают, английскую промышленную жизнь, и общий обзор этой темы содержится в моей последней главе, где я как можно шире обрисовал общие принципы, определяющие контроль над промышленностью - типичные правила, принимаемые ремесленниками или для них в интересах работодателя, рабочего или потребителя. Этот последний раздел, конечно, можно было бы легко расширить, чтобы он занял больше страниц, чем весь этот том, но сомнительно, что множественность деталей способствует легкости усвоения. Один типичный пример преобладающего обычая или правила столь же значим, как и список дюжины местных вариаций, и его гораздо легче запомнить. Правило легче запомнить по одному примеру, чем по нескольким, а при таком обилии материала, как существует, риск неясности больше от усиления, чем от концентрации.

Что касается определения того, что подразумевается под средневековым периодом, то здесь нелегко установить какое-либо жесткое и быстрое правило, поскольку переход от старых методов или условий к новым, который практически составляет разделение между средневековым и современным периодами, произошел в разное время в каждой отрасли. В оружейном деле переломным моментом стало изобретение сплошного бура во времена Генриха VIII; в суконной промышленности - появление "новых драпировок" у протестантских беженцев в эпоху правления Елизаветы; в железорудной - использование шахтного угля для выплавки в XVII веке; в угледобыче - применение паровой энергии для решения проблем водоотлива на большой глубине в начале XVIII века. И все же, если брать одно с другим, шестнадцатое столетие можно считать переходным периодом. Возвышение капиталиста и

монополиста, социальная революция Реформации с упразднением монастырских домов и зарождением системы Poor-Law представляли собой новую эру для рабочих классов, даже если не сопровождались какими-либо поразительными изменениями в методах или механических средствах. Более того, с середины XVI века документы и записи, касающиеся промышленных вопросов, становятся все более многочисленными и доступными, и именно с этого времени обычно начинают те, кто пишет на эти темы. По этим причинам мои рассказы о различных выбранных отраслях промышленности будут заканчиваться такими датами в пределах шестнадцатого века, которые показались мне удобными, хотя я не воздерживался от того, чтобы взять из семнадцатого века некоторые детали, применимые к более раннему периоду.

Таковы, таким образом, линии, на которых я построил свою книгу. Если кто-то из критиков считает, что этот предмет должен был быть рассмотрен по другому плану, он вправе доказать свое утверждение, рассмотрев его самостоятельно.

Что касается источников, из которых я черпаю информацию: Я полагаю, что каждое утверждение будет подкреплено по крайней мере одной ссылкой, и я могу добавить, что эта ссылка неизменно относится к фактическому источнику, из которого я получил информацию. Из печатных источников наиболее ценными были серии статей о местной промышленности, напечатанные в "Истории графства Виктория", причем статьи о горном деле и родственных предметах, написанные мистером К. Х. Веллакоттом, имеют исключительное значение. В очень немногих случаях мне удалось найти опубликованную историю какой-либо отрасли, полностью посвященную раннему периоду: заметным исключением стала книга мистера Г. Рэндалла Льюиса "Станары", на втором месте после которой можно поставить "Анналы угледобычи" мистера Галлоуэя. Различные тома муниципальных документов, опубликованные общественными властями некоторых наших старинных округов, в частности Норвича, Бристоля, Ковентри и Лестера, или с их согласия, были для меня очень ценны, как и "Мемориалы Лондона" мистера Райли и его издания Liber Albus и Liber Custumarum. Другие печатные работы, которые я использовал, отмечены в сносках, но по мере возможности я использовал неопубликованные рукописные материалы, хранящиеся в Британском музее и еще больше в Бюро записей. Нет нужды говорить, что я собрал гораздо больше материала, чем было возможно использовать, и я могу только надеяться, что мой отбор был мудрым, поскольку он, безусловно, был тщательным, и что я не упустил ни одного свидетельства, имеющего существенное значение. Изначально я намеревался составить серию расшифровок промышленных документов по аналогии с "Документами по промышленности" М. Фаньеца, но огромная масса материала, доступного для такой работы, в сочетании с тем фактом, что в Англии такие оригинальные исследования должны проводиться за счет несчастного исследователя, положили конец этому проекту и лишили эту работу того, что могло бы стать ценным, хотя и грозным, сопутствующим томом.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА.	СТРАНИЦА
I. ДОБЫЧА УГЛЯ	1
II. "ЖЕЛЕЗНАЯ РУДА	20
III. "СВИНЕЦ И СЕРЕБРО	38

IV.	"ОЛОВО	62
V.	КАРЬЕРНЫЙ КАМЕНЬ, МРАМОР, АЛЕБАСТР, МЕЛ	76
VI.	ОБРАБОТКА МЕТАЛЛОВ	92
VII.	КЕРАМИКА - ЧЕРЕПИЦА, КИРПИЧ	114
VIII.	ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОДЕЖДЫ	133
IX.	ОБРАБОТКА КОЖИ	171
X.	ПИВОВАРЕНИЕ - ЭЛЬ, ПИВО, СИДР	184
XI.	КОНТРОЛЬ НАД ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ	200
	ИНДЕКС	241

ГЛАВА I ДОБЫЧА УГЛЯ

Уголь так тесно связан со всем современным - машинами, паром, черной дымкой, нависшей над нашими большими городами и промышленными районами, - что почти неожиданно обнаружить его использование в Британии в начале христианской эры. Однако раскопки доказали, что уголь использовался римлянами: зола и запасы необожженного минерала были найдены вдоль Стены, в Ланчестере и Эбчестере в Дареме,^[1] в Вроксетере^[2] в Шропшире и в других местах. По большей части он использовался для обработки железа, но, возможно, также применялся для обогрева каминов, и есть все основания полагать, что он служил топливом для священного огня в храме Минервы в Бате, поскольку Солинус, писавший в конце третьего века, комментирует "каменные шары", которые остались в виде пепла от этого священного огня.^[3] Более чем вероятно, что уголь, который использовали римляне, добывался из обнажений, где пласты выходили на поверхность. Нет никаких определенных доказательств регулярной добычи угля в этот период.

С уходом римлян из Британии уголь вышел из употребления, и никаких следов его использования нельзя обнаружить до Нормандского завоевания, да и вообще в течение более чем столетия после него. Только в конце двенадцатого века уголь был открыт заново, и историю его использования в Англии можно считать начавшейся со времени правления Генриха III (1216 год). (1216). В "Болдонской книге"^[4], составленной в 1183 году, есть несколько упоминаний о кузнецах, которые должны были сделать лемехи и "найти уголь" для них, но, к сожалению, латинское слово *invenire* имеет такое же двойное значение, как и его английский эквивалент "найти", и может означать либо открытие, либо простое обеспечение. Учитывая тот факт, что слово, используемое для обозначения угля (*carbonem*) в этом отрывке, не имеет оговорок, а *carbo*, как и английское "cole", практически всегда подразумевает древесный уголь, было бы небезопасно делать вывод о том, что здесь упоминается минеральный уголь. Последний почти всегда снабжается отличительным прилагательным, представляясь как земляной уголь, подземный уголь, каменный уголь, карьерный уголь и т. д., но чаще всего как "морской уголь". На происхождение этого термина, возможно, указывает фрагмент из отчета XVI века о соляных заводах в графстве Дарем:^[5] "Когда наступает прилив, он приносит небольшую порцию морского угля, который используется для производства соли и топлива для бедных рыбацких городов, расположенных по соседству". Скорее всего, первым углем был тот, который вымыло море, и тот, который можно было добыть с поверхности скал, где пласты обнажались под действием

волн. Затем для удобства этот термин стали применять к аналогичному углю, добываемому внутри страны, а с развитием экспортной торговли он приобрел второстепенное значение морского угля.

В Трубных списках Генриха II, а также, насколько мне известно, Ричарда I и Иоанна, нет упоминаний о покупке морского угля, но, похоже, о его существовании было известно еще до конца двенадцатого века, поскольку Александр Некам в своем трактате *De Naturis Rerum*,^[6] имеет любопытный и загадочный раздел "De Carbone" в начале своего рассуждения о минералах, часть которого, кажется, применима к морскому углю, хотя другие части, кажется, относятся к древесному углю. Насколько можно судить, он считал морской уголь древесным углем, найденным в земле; он комментирует чрезвычайную прочность угля и его устойчивость к воздействию влаги и времени, а также делает интересное заявление о том, что когда люди устанавливали межевые камни, они закапывали под ними некоторое количество угля, и в случае спора о положении камня в последующие годы наличие этого угля было определяющим фактором. Существуют ли какие-либо подтверждающие доказательства этого предполагаемого обычая, мне не удалось выяснить, но это, по крайней мере, доказательство того, что минеральный уголь был известен, хотя, очевидно, и не использовался широко для топлива в этот период. Уголь, очевидно, начали добывать в Шотландии около 1200 года^[7], и кажется, что примерно четверть века спустя его начали импортировать в Лондон, поскольку упоминание о Морском угольном переулке, расположенном за стенами города, недалеко от Ладгейта, встречается в 1228 году.^[8] Поскольку владения в этом переулке принадлежали Уильяму "де Плесси", вероятно, что уголь привозили из Плесси, близ Блайта, в окрестностях которого монахи Ньюминстера получили право брать уголь на берегу около 1236 года.^[9] Примерно в то же время монахи получили разрешение от Николаса де Акетона брать морской уголь в его лесу Миддлвуд для использования в своей кузнице в Стреттоне, недалеко от Алнвика. Следует отметить, что в это время и на протяжении большей части последующих трех столетий уголь использовался только для обработки железа и обжига извести, поскольку отсутствие дымоходов делало его непригодным для топлива в обычных жилых помещениях. Угольный переулок был настолько связан с обжигом извести, что мы находим Морской угольный переулок, также известный как Переулок обжигальщиков извести, а упоминания в строительных счетах о закупках морского угля для обжига извести бесчисленны.

Именно в 1243 году мы получаем первое датированное упоминание о фактической добыче угля. В том же году Ральф, сын Роджера Влгера, был записан как утонувший "в омуте морских углей" (*in fossato carbonum maris*).^[10] Употребление слова *fossatum* интересно, поскольку оно явно указывает на "открытую разработку", то есть на сравнительно неглубокую траншею, проложенную вдоль пласта, где он выходит на поверхность, - промежуточный этап между простой разработкой обнажений и проходкой обычных шурфов. Указание на распространение добычи угля можно найти в одной из статей запроса для Лесной ассамблеи 1244 года, которая касается "морского угля, найденного в лесу, и того, брал ли кто-нибудь деньги за его добычу".^[11] Вероятно, речь идет о Динском лесу, где в это время добывали уголь в Блейкни, Стентоне и Абингхолле; из последнего места констеблю Сент-Бриавельса, как смотрителю леса, выплачивался пенни с каждой лошадиной упряжки угля.^[12] К 1255 г. в доходы леса Дин были включены платежи за выемку морского угля, а также пошлины на весь морской уголь, привезенный по Северну.^[13] Часть последнего, возможно, добывалась в Шропшире, поскольку около 1260 года Уолтер де Клиффорд разрешил сэру Джону де Халстону копать угли в лесу Кли,^[14] . Есть и другие свидетельства раннего освоения угольных месторождений Шропшира. В Дербишире и Нотсе также велись работы, уголь добывали в Даффилд Фрит в 1257 году,^[15] в год, когда королева Элеонора

была изгнана из Ноттингемского замка из-за неприятных испарений морского угля, использовавшегося в оживленном городе внизу,^[16] необычайно ранний пример дымовой неприятности, которую мы склонны считать современным злом. Полвека спустя, в 1307 году, все более широкое использование угля для обжига извести в Лондоне стало настолько серьезной помехой, что его использование было строжайшим образом запрещено, но насколько успешно - можно сомневаться.^[17]

К концу XIII века, похоже, практически все английские угольные месторождения в той или иной степени обрабатывались. В Нортумберленде вокруг Ньюкасла было столько копей, что к городу было опасно подходить в темноте, а монахи Тайнмута также хорошо использовали свои богатства;^[18] в Йоркшире уголь добывали в Шиппене по крайней мере в 1262 году,^[19] а в Уорикшире и в Чилверс-Котоне - в 1275 году.^[20] Небольшое сомерсетское месторождение близ Страттона на Фоссе и угольные пласты Стаффордшира могут быть возможными исключениями, но в последнем графстве уголь копали в Брэдли в 1315 году и в Амблекоте во время правления Эдуарда III.^[21] По большей части копатели все еще работали открытым способом, но уже начали появляться ямы. Эти "колокольные ямы", число которых до недавнего времени сохранялось в окрестностях Лидса,^[22] в Олдхэме (Ланкашир),^[23] и других местах, представляли собой узкие шахты, погруженные в уголь, затем расширенные внизу и расширенные настолько, насколько это было безопасно, а иногда и дальше, если судить по нескольким случаям в Дербишире, когда шахтеры погибали при падении из шахт.^[24] Когда было добыто столько угля, сколько можно было безопасно извлечь, шахту покидали и закладывали новую, как можно ближе к ней. Как правило, старая яма должна была быть засыпана, и в Нунитоне мы видим, что судебный пристав очень тщательно следил за этим в 1343,^[25] и в более поздние даты. Открытые угольные ямы были источником значительной опасности для людей и животных, особенно когда в них скапливалась вода. В 1372 году в Морли в Дербишире утонуло несколько голов скота,^[26] а в 1313 году в заброшенной выработке в Уингерворте, вероятно, погибла нищенка Мод Вебстер, на которую упала масса земли, когда она собирала уголь.^[27] Из ям уголь поднимали в рогожах, или больших корзинах, и уже в 1291 году в Денби в "колпите" был убит человек, на голову которого упала одна из таких рогож.^[28]

Интересный случай произошел в Дербишире в 1322 году, когда Эмма, дочь Уильяма Кулхара, черпая воду из "колепита" в Морли, погибла от "ле Дамп", *то есть* удушливой сырости.^[29] Это одно из немногих ранних упоминаний о задыхающейся сырости, или "ститхе", как ее часто называли, и случай интересен еще и тем, что, поскольку вода из угольной ямы вряд ли годилась для питья или стирки, она, должно быть, занималась осушением ямы, а это говорит о том, что яма была довольно исключительных размеров. Более определенное указание на то, что яма была достигнута значительной глубины, дается сорок лет спустя в случае с другой ямой в Морли-Парк, о которой говорят, что она была утоплена или затоплена "из-за отсутствия водостока".^[30] Возможно, речь идет только о поверхностном водоотводе, но существует множество доказательств того, что регулярный дренаж с помощью водопропускных труб, шахт или штолен уже вошел в обиход, а добыча угля достигла стадии "ямы и штольни". При такой системе работы вода, всегда самый неприятный враг шахтера, отводилась по подземному стоку, ведущему со дна шахты. Вряд ли стоит указывать на то, что эта система была применима только на достаточно высоких участках, где дно ямы находилось выше уровня свободного дренажа: в этом случае горизонтальная галерея, или штольня, могла быть проложена от подходящей точки на склоне холма чуть ниже дна ямы до удара по последнему, и деревянный сугроб,^[31] или сток, секции которого в Уорикшире назывались "деарнами", мог быть проложен для отвода воды из ямы к удобной точке сброса. В 1354 году монахи Дарема, получив в аренду угольные шахты в Ферри, разрешили

устраивать ямы и водопропускные сооружения там, где это будет уместно[32], а десять лет спустя аренда шахты в Гейтсхеде предусматривала заготовку древесины для ям и водопропускных сооружений.[33] В течение следующего столетия некоторое количество ям было вырыто в более низком грунте или на большей глубине, ниже уровня свободного дренажа, а в 1486 году мы видим, как монахи Финчейла, активные эксплуататоры северных угольных месторождений, возвели насос, работающий от лошадиной силы, в Мурхаусе,[34]. Но только во второй половине шестнадцатого века, почти в конце средневекового периода, мы находим такие насосы, "джины", или прессовальные машины, и подобные машины в общем пользовании.

Собрав воедино информацию, предоставленную разрозненными записями, мы можем получить некоторое представление о работе угольного карьера в конце пятнадцатого века. После того как надсмотрщик или группа шахтеров осматривали землю и выбирали подходящее место, размечалось пространство, и небольшая сумма распределялась между рабочими в качестве заработка. Затем яму засыпали за оговоренную плату: в Хьюорте в 1376 году она составляла шесть шиллингов за сажень,[35] в Гриффе в 1603 году - шесть шиллингов за элл.[36] При обнаружении угольной жилы выплачивалось небольшое "вознаграждение", после чего яму очищали и заготавливали древесину, а также прокладывали водяные ворота или штольни, чтобы обеспечить дренаж и вентиляцию. Над устьем ямы возводили соломенную "хижину" с плетеными боками, чтобы ветер и дождь не попадали в яму, а в ней находился брашпиль для подъема угольков. Рабочие состояли из конопатчиков, которые рубили уголь, и носильщиков, которые носили его на дно ямы и заполняли рогожи: они находились под контролем "зрителя", в чьи обязанности входило "наблюдать под землей за тем, чтобы работа велась аккуратно", и "надсмотрщика", который должен был "следить за тем, чтобы работа, выполняемая на каждой яме, приносила прибыль владельцу угля".[37] Судя по всему, их заработная плата была не намного, если вообще была, выше, чем у обычного рабочего или неквалифицированного ремесленника. Несомненно, из-за сравнительно позднего развития отрасли и простоты работы, не требующей обогащения или квалифицированных манипуляций, как в случае с металлическими рудами, угольщики никогда не занимали привилегированного положения "свободных шахтеров" Дина, Дербишира, Камберленда и Корнуолла.[38] Работа была непривлекательной, а запасы рабочей силы, похоже, периодически иссякали. Так было после Черной смерти 1350 года и второй эпидемии 1366 года, когда арендаторы больших шахт в Уикхеме и Гейтсхеде были вынуждены прибегать к принудительному труду и получать разрешение на принудительную работу.[39] Значительно позже, около 1580 года, Винлатонские шахты столкнулись с нехваткой рабочих рук, и владельцы, безрезультатно отправившись в Шотландию за новыми рабочими руками, были вынуждены нанимать женщин, но и тогда им не хватало рабочих рук, не говоря уже о том, что им приходилось иметь дело с некомпетентными людьми, которых за их халатность и ложную работу приходилось "сажать в колодки" и даже "изгонять с работы".[40]

Вопрос о правах на уголь осложняется разнообразием местных обычаев. В некоторых случаях, как, например, в Болсовере,[41], арендаторы манора имели право копать морской уголь на пустующих и лесных землях для собственного использования; но, вероятно, было принято взимать плату за лицензию на копание, и это, очевидно, практиковалось в Уэйкфилде.[42] Что касается копигольдных земель, то, как правило, лорд поместья или его фермер имели право копать без выплаты арендатору компенсации. Это, несомненно, делалось в Хоутоне, в Йоркшире, и в соседнем поместье Кипакс в 1578 году, и несомненный ущерб для владельцев копигольда был признан уравновешен преимуществом для окрестностей в виде дешевых поставок угля.[43] Неопределенность закона и

противоречивые притязания землевладельцев, арендаторов и старателей привели к обильному количеству судебных исков. По большей части это были иски о нарушении границ, когда уголь копали без разрешения, иногда осложненные встречными апелляциями.[44] Например, в первой половине XVI века Николас Стрелли, обвиненный сэром Джоном Уиллоуби в незаконном проникновении, заявил, что у него есть яма в Стрелли, из которой он добывает много угля, к выгоде окрестностей и "школ Лейчестера и Линкольна, где очень мало и скудно всякого топлива"; и, несомненно, хотя он и не сказал об этом, к своей собственной выгоде; теперь, из-за глубины шахты и количества воды, старую яму можно было разрабатывать только при условии строительства водоотвода или дренажа с неоправданными затратами; поэтому он вырыл новую яму на границах Стрелли, недалеко от поместья сэра Джона в Воллатоне, намереваясь использовать старый водоотвод, проходящий через землю сэра Джона. Сэр Джон незамедлительно перегородил канаву "контрмурой" и подал иск о нарушении границы, а Николас Стрелли, сильно огорченный, обратился за помощью в Звездную палату.[45] В этот же суд через несколько лет обратился Уильям Боллес, который жаловался, что по наущению сэра Уильяма Хасси некие лица прибыли в Ньютон-Мир в Гресли и "самым жестоким и злонамеренным образом разрубили на куски тормозные и литые рамы из тимбера, сделанные на и в одной яме, сделанной и засыпанной для получения кулей, и перерезал на куски большие веревки и инструменты, прикрепленные к упомянутой крыше на упомянутом питте", преступники не были установлены, так как возмущение произошло "в ночное время, когда каждый добрый и верный подданный должен отдыхать".[46]

Предполагая наличие неоспоримого права собственности, владелец угольных пластов мог эксплуатировать их различными способами. Он мог разрабатывать их сам; затраты были бы невелики, если бы не требовались обширные дренажные работы, поскольку заработная плата, как мы уже говорили, была низкой, а оборудование шахты, состоящее из нескольких кирок, железных брусьев или клиньев, деревянных лопат, обутих в железо, корзин, ведер и веревок, недорогим, и на уголь существовал постоянный сбыт, хотя цена угля так сильно колебалась и так сильно зависела от стоимости перевозки, что невозможно дать даже приблизительную среднюю стоимость для средневекового периода; Вопрос еще больше осложняется чрезвычайным разнообразием используемых мер. Уголь котируется в терминах "сотый вес", "четверть" (в Колчестере в 1296 году она оценивалась в 6 ден. ед.),[47] "пласт" (или лошадиный груз), "груз", который может быть как лошадиным, так и вьючным, "размах", который, по-видимому, эквивалентен "корфу" или корзине, "рок" или "роу", "прут" или "окунь" (мера, очевидно, свойственная Уорикширу),[48] "бутресс" и "три четверти" (контрфорс), а в районе Тайна - чаще всего "фотер", "чалдер" или "чалдрон" и "десятка", а также "киль" или груз на барже. Если владелец не занимался добычей угля самостоятельно, он мог либо выдавать ежегодные лицензии на добычу угля, либо сдавать шахты в аренду на несколько лет.[49] Самые ранние договоры аренды давали расплывчатое общее разрешение на добычу угля в любом месте, но вскоре стало принято ограничивать добычу либо путем установления максимального количества, которое можно взять за один день, либо, как правило, в ранних договорах аренды, путем ограничения количества нанимаемых рабочих. В 1326 году Хью из Шейнтонна предоставил Адаму Пейсону землю в Бенталле со всеми каменоломнями морского угля, наняв четырех рабочих для его добычи, и столько же - для перевозки угля к Северну.[50] Немного раньше этой даты мы узнаем, что в Белпере оплата производилась в зависимости от количества использованных кирок, причем плата за одну кирку в 1315 году составляла более 4 фунтов стерлингов.[51] В 1380 году приор Бовейл, сдавая в аренду шахту морского угля в Ньютон-Роберту Паскайлу и семи другим партнерам,[52] оговорил, что они должны иметь только двух человек в яме, смотрителя (*servaunt de south la terre*) и трех человек над землей. Арендаторы ямы в Триллесдене в 1447 году должны были "работать и добывать уголь каждый

день overable [т.е. рабочий день] с тремя кирками и киркой, чтобы добывать каждый день 60 скопов"[53], а в Нунитоне в 1553 году арендаторы не должны были нанимать более шести рабочих в то время.[54] В этом последнем случае было еще одно условие, что ямы после истощения должны быть заполнены "дрожжами и санями", а в Триллесдене ямы должны были обрабатываться с особой тщательностью, а шахтеры должны были "сохранять поле стоящим", что указывает на довольно сложную систему галерей и столбов, которые могли проседать, если не были правильно спланированы.[55] Но самым важным договором был договор аренды пяти шахт в Уикхеме, заключенный в 1356 году епископом Даремским Хэтфилдом с сэром Томасом Греем и ректором Уикхема за огромную арендную плату в 500 марок (£333, 6s. 8d.).[56] В этом случае арендаторы ограничивались одним килем (около двадцати тонн) в день с каждой шахты; но, с другой стороны, епископ согласился никогда не забирать своих рабочих, не открывать новых шахт в округе и не продавать уголь из своих существующих шахт в Гейтсхеде кораблям. Столетие спустя сэр Уильям Юр взял в аренду некоторые из самых важных угольных шахт Дарема, ограничив ежедневную добычу 340 кубами в Рэли, 300 в Тофтесе, 600 в Харткелде и 20 на любых других шахтах, с правом восполнения из одной шахты недостатка в другой, а также восполнения недостатка, вызванного задержками из-за "стита" или удушливой сырости, которая, похоже, была настолько неприятна в жаркое время года, что могла привести к полной остановке работ. По этой аренде сэр Уильям получил в Рэли за одну неделю 1460 года около 1800 кусков угля, каждый по 2½ бушеля, что составило более 140 чалдеров, выплачивая по 5 д. в день каждому из трех конопатчиков, трех кузнецов, которые подносили уголь к подножию шахты, и четырех черпальщиков, которые поднимали и складывали его в банки.[57]

В договоре аренды Уикхема от 1356 года можно заметить, что епископ обязался не разрешать вывозить уголь из своих ям по морю. Морская торговля углем из Ньюкасла и Тайн приобретала значительные размеры; десять лет спустя, в 1366 году, в Винлатоне была произведена крупная закупка угля для королевских заводов в Виндзоре. Шериф Нортумберленда отчитался за 165 фунтов 5 шиллингов. 2d., потраченных на покупку и перевозку в Лондон 576 чалдеров угля, считая по "великой сотне" в шесть баллов, так что фактически было отправлено 676 чалдеров, но из них 86 чалдеров пришлось списать, частично из-за того, что некоторые были выброшены во время внезапного шторма на море, а частично из-за того, что лондонские чалдеры были намного больше тех, что использовались в Нортумберленде, разница составила около пяти процентов.[58] Изначально вес чалдера, или чалдрона, составлял от восемнадцати до двадцати центнеров, и с ранних времен двадцать таких чалдеров составляли груз кили, или угольной баржи, но чтобы избежать экспортной пошлины в 2 д. с каждого кили или хотя бы компенсировать ее, стало принято строить кили в двадцать два или двадцать три чалдера весом. Это было запрещено в 1385 году,[59] но запрет был обойден, и в 1421 году был принят закон[60], согласно которому на каждом киле должна была быть указана его фактическая вместимость. Этого, в свою очередь, удалось избежать благодаря быстрому увеличению размера чалдера, пока ко времени Елизаветы он не удвоил свой первоначальный вес, и "десятка" (чалдер) стала эквивалентом кили в двадцать тонн.[61] Возвращаясь к XIV веку, отметим, что, согласно таможенным счетам порта Ньюкасл[62], в период с 1377 по 1378 год было экспортировано в иностранные государства 7338 чалдеров угля по цене 2 шиллинга за чалдер. По большей части уголь отправлялся в Низкие страны - Слюйс, Бремерхафен, Флушинг и Дюнкерк были в числе упомянутых портов, хотя в ряде случаев встречаются корабли "Лумбардые", среднее количество, взятое каждым судном, было чуть меньше пятидесяти чалдеров. О внутренней торговле за этот период не сохранилось никаких сведений, и только во времена Елизаветы мы можем сравнить экспорт в отечественные и зарубежные порты. За семь лет 1591-7 гг. за границу было отправлено 95 558 чалдеров, сумма выросла с 10 000 в 1591 г. до 18 000 в 1593

г., а затем постепенно снизилась до 10 000, в то время как внутренняя торговля составила 418 200 чалдеров, постоянно увеличиваясь с 45 700 до более чем 70 000.[63] О превосходстве Ньюкасла свидетельствует сравнение количества угля, вывезенного в иностранные государства из главных английских портов в 1592 году.[64] Ньюкасл занимает первое место с 12 635 чалдерами, затем Бристоль с 580, Уэльс с 464 и Ливерпуль с 448.

Расширение внутренней торговли, отмеченное в отчетах за 1591-7 годы, подтверждается множеством доказательств и может быть в значительной степени связано с большим ростом использования дымоходов в этот период. Практически дымоход был елизаветинским изобретением, если говорить о небольших домах, и "множество дымоходов, возведенных в последнее время" было одним из изменений, которые наиболее часто отмечали старые друзья Гаррисона во время написания его "Описания Англии", опубликованного в 1577 году. Таким образом, правление Елизаветы, когда стремительный рост спроса на каменный уголь в сочетании с ростом цен привел к быстрому расширению отрасли во всех частях страны, знаменует собой конец средневекового периода угледобычи и начало новой эпохи, которая нас не касается.

ГЛАВА II ДОБЫЧА ЖЕЛЕЗА

Железо обрабатывалось в Британии с самых ранних исторических времен, а кремневые орудия были найдены в Стейтон-ин-Фернесс и в Бэттле в Сассексе в местах, позволяющих предположить, что железоделательные заводы существовали в этих местах в конце каменного века.[65] Юлий Цезарь сообщает, что железо производилось вдоль побережья Британии, но только в небольших количествах; из-за своей редкости оно считалось драгоценным металлом, поэтому железные слитки ходили среди туземцев в качестве денег. Приход римлян вскоре изменил ситуацию. Они не замедлили увидеть ценность минеральных богатств острова и обратить их в свою пользу. Железные заводы возникли по всей стране: в Маресфилде в Сассексе они были в полном разгаре ко времени Веспасиана (умер в 79 г. н.э.), а в окрестностях Батла - пятьюдесятью годами позже. Еще более важными были разработки на западе, на берегах реки Уай и в лесу Дин. Недалеко от Коулфорда были найдены остатки римских шахт с неглубокими шахтами и штольнями, а вокруг Уитчерча, Гудрича и Редбрука - огромные залежи "гари", или шлака, относящиеся к тому же периоду.[66] Арикониум, близ Росса, был городом кузнецов и ковщиков; а про Бат (Aquae Sulis) часто говорят, что в нем была "коллегия фабрикантов", или гильдия кузнецов, поскольку один из ее членов, Юлий Виталис, оружейник 20-го легиона, умер после девяти лет службы, и его гильдия устроила здесь публичные похороны; но более вероятным кажется, что гильдия располагалась в Честере, а Юлий приехал в Бат за здоровьем.[67]

Примечательно, что, несмотря на многочисленные косвенные свидетельства римской эксплуатации британского железа в виде монет и других реликвий, найденных на месте работ, в саксонский период практически нет никаких следов такой обработки, вплоть до самого Завоевания. Печи, должно быть, еще работали, когда саксы высадились на берег; они были воинственной расой, прекрасно знавшей железо и испытывавшей нечто вроде скандинавского восхищения кузнечным делом, но следов их работы с железом в этой стране почти нет. На месте железоделательных заводов было найдено очень мало предметов, если вообще можно отнести их к этому периоду, а документальные свидетельства практически

отсутствуют. Существует грамота Осви, короля Кента, данная в 689 году, в которой он дарит аббатству Святого Петра Кентерберийского земли в Лиминге, "в которых, как известно, есть железный рудник";[68] и есть легенда о том, что около 700 года н.э. Альстер, в Уорикшире, был центром оживленных железоделательных заводов, населенных кузнецами, которые за свою черствость, отказавшись слушать святого Эгвина и пытаясь заглушить его голос ударами по наковальне, были поглощены землей;[69] , но об остальном ничего не известно, пока мы не дойдем до времен Эдуарда Исповедника. Согласно "Domesday Survey", во времена Исповедника Глостер предоставлял в качестве части своего хозяйства 36 дикре железа, вероятно, в форме подков, и 100 прутьев, пригодных для изготовления болтов для королевских кораблей,[70] , а из Паклечерча в той же стране ежегодно поступало 90 "цветков" железа.[71] В том же "Обзоре" упоминается, что в Херефорде было шесть кузнецов, каждый из которых ежегодно изготавливал для короля 120 подков, а также говорится о железных рудниках на границах Чешира, в Сассексе и других местах.

В двенадцатом веке эта отрасль, по-видимому, расширилась. На севере, в Эгремонте, мы читаем о пожаловании железного рудника монахам Сент-Бис,[72] , а в Денби аналогичное пожалование было сделано около 1180 года Уильямом Фиц-Осбертом аббатству Байланд.[73] В Дербишире в конце века сэр Уолтер де Аббеттофт подарил монахам Лут-Парка лес в Бирли-ин-Брамpton и две кузницы, а именно: одну плавильню и одну кузницу, с правом брать бук и вяз для топлива.[74] Но наибольшее развитие получило именно на юго-западе. В течение всего этого столетия лес Дин был центром железной промышленности и играл ту же роль, что и Бирмингем в более поздние времена. На протяжении всего правления Генриха II. В отчетах шерифов Глостера[75] говорится о постоянном производстве железа, как грубого, так и обработанного: железные прутья, гвозди, кирки и молотки отправлялись в Вудсток, Винчестер и Брилл, где король вел обширные строительные работы, подковы поставлялись в армию, стрелы и другие военные материалы, отправленные во Францию, лопаты, кирки и другие инструменты для ирландской экспедиции 1172 года, железо, купленное для крестового похода, который Генрих планировал, но не дожил до его начала, и 50 000 подков, изготовленных для настоящего крестового похода Ричарда I. На протяжении всего тринадцатого века лес Дин сохранял практическую монополию на торговлю английским железом, по крайней мере, в южных графствах, и в течение всего этого времени члены семьи Малеморт работали в кузнице возле замка Сент-Бриавельс, изготавливая огромные запасы болтов для арбалетов и других военных материалов.[76] Но в Сассексе и Кенте, в районе Уолд, уже подрастает соперник. Уже в 1254 году шерифа Сассекса призвали предоставить 30 000 подков и 60 000 гвоздей, предположительно местного производства[77] , а в 1275 году мастер Генри из Льюса, который был главным кузнецом короля в течение последних двадцати лет,[78] приобрел 406 железных прутьев (*кивилл*) "в Уолде" за 16 фунтов 17 шиллингов. 11d.,[79] , а через год или два он приобрел еще 75 прутьев из того же источника и заплатил 4 фунта 3 шиллинга. 4d. "некоему кузнецу в Уолде за 100 железных прутьев".[80]

Уолденские заводы имели преимущество - огромное преимущество в случае с таким тяжелым материалом, как железо, - близость к Лондону, и вскоре они заняли прочные позиции на лондонских рынках благодаря импорту испанского железа за счет Глостершира, который в начале правления Генриха III отправлял свое железо в Вестминстер и в Сассекс.[81] Не следует думать, что северные графства пренебрегали своими минеральными богатствами все это время; напротив, они были очень активны и эксплуатировали свое железо энергично и успешно. На землях Питера де Бруса в Кливленде в 1271 году было пять небольших кузниц, каждая из которых оценивалась в 10 с., и две большие стоимостью 4 фунта стерлингов каждая:[82] эти суммы могут показаться не очень внушительными, но следует помнить, что лучшие земли в этом районе стоили тогда всего 1 с. за акр. Двадцать

лет спустя кузницы, принадлежащие аббатству Фернесс, принесли прибыль в размере 6 фунтов 13 шиллингов. 4d., в то время как прибыль от овец и стад составляла всего 3 фунта 11 с. 3d., и вполне вероятно, что в то время на землях аббатства работало не менее сорока кузниц.[83] Большое количество железа, полученного в Фернесе, также составляло наиболее ценную часть добычи, унесенной шотландцами во время их набега в 1316 году.[84] Но большое производство железа в северных графствах было поглощено их собственными местными потребностями, и это еще в большей степени относилось к меньшим количествам, выплавляемым в Нортгемптоншире и Ратленде. Дербишир, должно быть, был еще одним важным центром, поскольку уже в 1257 году четыре или пять кузниц в Белпере, приходе Даффилд Фрит, приносили около 10 фунтов стерлингов в год каждая, а в 1314 году две кузницы в Белпере принесли 63 фунта 6 шиллингов. 8d. за тридцать четыре недели, а третья дала почти 7 фунтов 10 шиллингов за одиннадцать недель работы[85]. Но ничто не свидетельствует о том, что дербиширское железо когда-либо отправлялось на юг, и с середины XIV века такое английское железо, которое использовалось в Лондоне, почти полностью было получено из Уолда.

Чтобы понять, как Сассекс и Кент, где последние сто лет не обрабатывали железо, стали центрами великой железной промышленности в средневековые времена, необходимо помнить, что древесный уголь был единственным топливом, используемым для обработки железа[86], пока Дад Дадли не открыл метод использования каменного угля, примерно в 1620 году, что можно считать концом средневекового периода в добыче железа. Самый ранний и примитивный метод выплавки железа заключался в том, что на холме, продуваемом ветром или находящемся в другом месте, где не было сквозняков, устанавливали очаг из дров и древесного угля, насыпали на него чередующиеся слои руды и древесного угля и покрывали все глиной, чтобы сохранить тепло, оставляя в основании отверстия, через которые ветер проникал внутрь, а железо выходило наружу.[87] Немного продвинувшись вперед, римляне заменили содержащий слой глины коротким цилиндрическим горном из камня, а гениальное устройство для увеличения тяги использовали в Ланчестере, в Дареме, где на склоне холма были сделаны два узких туннеля с широкими устьями, обращенными на запад, откуда ветер дует чаще всего в этой долине, и сужающимися к узкому отверстию у горна. [88] Даже при самых благоприятных условиях такая печь могла превратить в металл очень небольшой процент руды,[89] и использование вспомогательного дутья, производимого сильфоном, должно быть, было применено довольно рано. До пятнадцатого века такие мехи почти всегда работали вручную или, скорее, пешком, поскольку воздуходувы стояли на мехе, держась за перекладину, но в пятнадцатом веке во многих частях страны была введена водная энергия, и мехи стали приводиться в движение водяными колесами. Так было в Уирдейле в 1408 году,[90], вероятно, в лесу Дин примерно в ту же дату, и, очевидно, в Дербишире к концу века.[91]

В нескольких ранних хартиях, предоставляющих права на минералы аббатству Фернесс, упоминается привилегия использовать воду из ручьев дарителя; но там, где дается конкретная информация, как в случае с хартией Хью де Моресби, составленной в 1270 году, всегда говорится, что вода предназначена для промывки руды, а не для получения энергии.[92] Руда, или "шахта", если использовать более распространенный средневековый термин, иногда добывалась "открытым способом", но чаще всего - серией колокольных или ульевых ям.[93] Затем ее грубо очищали промывкой на крупном сите и подвергали предварительному обжигу, или "элингу", [94] как его называли в кузнице в Тьюдли в XIV веке.[95] Затем обожженную руду разбивали и несли в печь. В XVI веке это было здание в форме усеченного конуса, диаметром около двадцати четырех футов и высотой не более тридцати футов, в основании которого находился чашеобразный очаг из песчаника, и можно

предположить, что такими были и более ранние печи. Чередующиеся заряды шахты и древесного угля подавались в печь сверху, железо оседало в чаше очага, откуда его извлекали в виде кусков или "блюмов". Начиная с XVI века, когда с помощью более мощного дутья удалось добиться более высокой температуры и получить чугун, расплавленный чугун время от времени отводили через вентиляционное отверстие в нижней части горна в песчаную подушку. В Сассексе и Глостершире, по-видимому, было принято формировать в песке одно большое продолговатое углубление на прямом пути потока чугуна с рядом меньших углублений под прямым углом к первому; большая масса чугуна, сформованная таким образом, была известна как "свиноматка", а меньшие блоки - как "свины".

В более ранние периоды существования этой отрасли существовало очень большое количество плавильных горнов, состоящих практически из обычной кузницы с чашеобразным горном, или тиглем, на дне которого скапливалось не полностью расплавленное железо. Такими были передвижные кузницы (*fabricæ errantes*) в лесу Дин, которых в конце XIII века насчитывалось до шестидесяти.[96] Здания при таких кузницах, естественно, были лишь временными сараями, о которых упоминал граф Ричмонд в 1281 году, когда разрешил монахам из Жерво рубить в своем лесу лес для выплавки железа и сделать два небольших сарая (*logias*) "без гвоздей, болтов и стен", чтобы в случае переезда плавильщиков на другое место (как это делали эти странствующие кузницы, когда руда или топливо заканчивались) они могли снести эти сараи и возвести другие.[97] В данном случае предоставление двух сараев может означать две плавильни, но более вероятно, что одна из них была "блюмери", или плавильной кузницей, а другая - кузницей, которая неизменно сопровождала блюмери.[98] При таком простом типе кузницы продуктом был кусок ковкого железа, который очищался молотом и обрабатывался в кузнице, но чугун, получаемый в более крупной высокой домне, требовал более тщательной обработки. Чугун переносили из печи в кузницу, "финифть" или "стрингер", где его нагревали на открытом горне и с помощью саней или водяного молота[99], если таковой имелся, превращали в крупный слиток или "блюм".[100] Последний, как правило, повторно нагревался, делился и превращался в слиток, завершение которого в XVII веке обычно осуществлялось на третьем горне, "хафери", но это, по-видимому, было усовершенствованием постсредневекового периода. Размеры горнов, естественно, варьировались в зависимости от вместимости печи, и, как можно заметить, в конце "дутья" они были гораздо больше, чем в начале, из-за того, что огонь разъедал горн, особенно если использовалась слишком большая доля неподатливой "горячей" руды;[101] но горны делались стандартного веса. В то же время вес цветмета, хотя и был постоянным в любом районе, варьировался в разных частях страны. В Уирдейле он, по-видимому, весил около двухсот килограммов, состоял из пятнадцати камней по тринадцать фунтов каждый;[102] и в Фернессе он был примерно такого же веса, но содержал четырнадцать камней по четырнадцать фунтов.[103] С другой стороны, мы видим, что на кентском железоделательном заводе в Тьюдли цветмет продается за 3s. 4d. в царствование Эдуарда III,[104] когда железо, купленное для ремонта замка Лидс, стоило около 7s. за центнер,[105] что, с учетом стоимости перевозки, вполне согласуется с тремя четвертями центнера, приписываемыми сассекскому цветмету в семнадцатом веке.[106] Что касается цены на железо, то в средневековый период она всегда была высокой, но, естественно, менялась в зависимости от условий спроса и предложения, стоимости перевозки и качества железа. Например, в Стаффордшире в 1583 году "холодное", или хрупкое, железо стоило всего 9 фунтов стерлингов за тонну, в то время как прочное железо стоило 12 фунтов.[107] В Сассексе[108] в 1539 году железо продавалось на месте от 5 до 7 фунтов за тонну, что давало прибыль в 20 с. за тонну, а десять лет спустя - 8 фунтов в кузнице и около 9 фунтов 5 с. в Лондоне, причем стоимость перевозки в Лондон составляла 9 с. за тонну.[109]

Количество рабочих, занятых на разных, естественно, варьировалось, но смотритель железных заводов в Эшдаун Форест в 1539 году установил правило:[110] "Для плавки сеялок в ij кузницах или финориях должно быть iiij человек, а в кузнице для плавки чернил должно быть ij человек. Так и в каждой кузнице есть ij человек, из которых один держит работу на ^{молоте}, а второй поддерживает ее в горячем состоянии. ^{Может}быть, один человек не может держать молот, потому что работа должна быть в таком состоянии, чтобы они не могли поменять руки".

В кузнице в Бедберне в 1408 году на сайте[111] трудились "забойщик" или "смитмен", кузнец и бригадир, а также "колье" или выжигатель угля. Заварщику платили 6 д. за каждый выплавленный блум, из которых в среднем получалось шесть за неделю, а наибольшее количество за неделю составляло десять блумов. За обработку блюма в кузнице кузнец получал 6 д. и еще пенни за то, что разрезал его на слитки, а бригадир, который, несмотря на свое имя, похоже, не имел в подчинении никакого штата рабочих, получал 2 д. за блум, когда помогал при плавке, и 3 д. при повторной обработке. Дополнительный труд, который требовался, обеспечивали жены кузнецов и бригадиров, которые выполняли непостоянную работу, разбивали руду, обслуживали мехи или помогали своим мужьям, получая за это зарплату, которая сначала выплачивалась по неопределенной, но довольно высокой шкале, но затем снизилась до установленной ставки в полпенни за блум. На эль для рабочих выделялось по одному пенни в неделю; аналогичное щедрое пособие было выделено "на выпивку для четырех воздуходувов" в Тьюдли в 1353 году.[112] В кузнице в Тьюдли в 1333 году рабочим платили натурой, получая каждый седьмой блум[113], что примерно равнялось 6 д. за блум, но к 1353 году эта система была отменена, и им платили от 7½ д. до 9½ д. за блум. Помимо "седьмого блюма", в 1333 году мы находим упоминание об обычной плате "форблуверису"[114] в размере 2¼ д. за блум, а в счете 1353 года мы находим "вознаграждения", выплачиваемые мастеру-воздуходуву и трем другим воздуходувам; другие рабочие не упоминаются по имени, и поскольку весь процесс изготовления блюмов здесь называется "blowyng", можно предположить, что персонал этих кентишских заводов состоял из четырех человек. На сассекских железных мельницах в Шеффилде в Флетчинге в 1549 году работали один молотобоец и его помощник,[115] два файнштейна и два их слуги, основатель и заливщик,[116] в обязанности последнего входило поддерживать печь в заряженном состоянии. Здесь основателю платили 8 с., а заливщику - 6 с. за каждую 'foundye', или рабочую неделю из шести дней, а молотобоец и финифтяник получали между собой 13 с. 4 д. за тонну, при этом за каждый "литейный год" производилось около трех тонн.

Помимо собственно рабочих, каждая кузница давала работу нескольким угольщикам и шахтерам. По большей части эти последние, как и угольщики, относились к категории обычных рабочих, но в Лесу Дина они образовали тесную корпорацию "свободных шахтеров", обладающую организацией и привилегиями значительной важности и древности.[117] Насколько можно судить, обычаи свободных рудокопов были традиционными, основанными на предписании, признанном еще во времена Генриха III и официально подтвержденном Эдуардом I. Согласно этим обычаям, право добычи ограничивалось свободными рудокопами, проживающими в пределах леса, и они же контролировали экспорт железной руды; все, кто перевозил ее вниз по Северну, были обязаны платить рудокопам пошлину под страхом лишения судна. Свободные рудокопы также имели право копать в любом месте леса, за исключением садов, огородов и приусадебных участков; хозяин земли, который мог быть королем или частным землевладельцем, имел право на долю в качестве члена товарищества, почти всегда состоявшего из четырех "вернов" или партнеров. Помимо права на открытие шахты, шахтеры имели право на доступа к ней со стороны шоссе, а также на древесину для своих работ.

Взамен король получал от каждого рудокопа, поднявшего три груза руды за неделю, один пенни, который собирал "гавеллер" каждый вторник "между Маттенсом и Массой", а также имел право на определенное количество "законной руды" с разных рудников каждую неделю. За это рудокопам платили по пенни за груз, а если он работал в передвижной кузнице, то они обязаны были поставлять руду по той же ставке, и, наконец, с каждого груза руды, вывезенного из леса, взималась королевская экспортная пошлина в размере полупенни.^[118]

Право на добычу руды в лесу, как мы уже говорили, было ограничено свободными рудокопами-резидентами, которые могли использовать только труд членов своей семьи или подмастерьев. Эти права на свои шахты или доли в них были определенными и могли быть завещаны по завещанию; а для предотвращения посягательств было установлено правило, согласно которому никто не должен начинать новую выработку рядом с выработкой другого шахтера "на таком расстоянии, чтобы шахтер мог стоять и бросать^[119] и камни на таком расстоянии от него с тюком, как это принято". Когда между шахтерами возникали споры, они решались в их собственном суде, который проводился каждые три недели в Сент-Бриавельсе под председательством констебля; при необходимости подавались апелляции от обычного жюри из двенадцати шахтеров к присяжным из двадцати четырех или сорока восьми человек. Эти суды шахтерского права продолжали существовать до второй половины XVIII века; но мы не будем рассматривать их последующие заседания и постоянные попытки сохранить ограничения, которые давно устарели; попытки, которые, похоже, привели главным образом к поощрению "отвратительного греха лжесвидетельства", так что было сочтено необходимым постановить, что любой шахтер, осужденный за это, должен быть изгнан, а "все рабочие инструменты и костюм сожжены перед его лицом". Какими были эти инструменты и одежда в XV веке и до наших дней, можно увидеть на латуни в церкви Ньюленда, где изображен свободный шахтер в шапке и кожаных бриджах, подвязанных ниже колена, с деревянной мотыгой, перекинутой через плечо, с маленьким мотыгой в правой руке и подсвечником между зубами.^[120]

Хотя они не были так тесно связаны с обработкой железа, как кузнецы, плавильщики и шахтеры, угольщики были вспомогательными работниками, без которых эта отрасль не могла бы существовать, и которые, в свою очередь, получали от нее значительную часть средств к существованию. Количество древесины, потребляемой металлургическими заводами, было огромным. В качестве примера можно привести данные по двум сассекским мельницам Шеффилда и Уорта за 1547-9 годы.^[121] В Шеффилде для печи было заготовлено 6300 кордов древесины, а для кузницы - 6750 кордов; в Уорте - соответственно 5900 и 2750 кордов; объем кордов составляет 125 кубических футов, что означает расход около 2 175 000 кубических футов древесины только для этих двух заводов менее чем за два года. Позже, в 1580 году, было заявлено, что из букового дерева площадью в один фут "у корешка" можно получить полтора груза древесного угля, а для железоделательного завода в Монксвуде, близ Тинтерна, потребуется 600 таких деревьев в год^[122], а еще через тридцать лет Норден упоминал, что только в Сассексе было около 140 кузниц, использующих по два, три или четыре груза древесного угля в день. В 1558, 1581 и 1585 годах были приняты законы, регулирующие заготовку древесины для печей и запрещающие использование лесных деревьев для получения древесного угля, но они были обойдены, и уничтожение деревьев продолжалось до тех пор, пока в XVIII веке древесный уголь не был вытеснен минеральным углем, первое успешное использование которого для выплавки железа Дадом Дадли в 1620 году ознаменовало, как мы уже говорили, завершение средневекового периода.

ГЛАВА III

ДОБЫЧА СВИНЦА И СЕРЕБРА

Свинцовая промышленность в Англии важна и интересна своей древностью, ценностью продукции, которую она дает, поскольку в средневековый период из этого источника получали большое количество серебра, а также организацией рабочих. Несмотря на отсутствие той полноты организации, которая сделала жестянщиков Корнуолла и Девона почти независимой расой, свинцовые рудники Алстон-Мура, Дербишира и Мендипса, трех великих шахтерских поселков Англии, были более высокоорганизованными, чем железные рудники Дина, которые составляют низший класс привилегированных "свободных рудников".

Свинцовые рудники Британии разрабатывались римлянами с самых ранних дней их оккупации острова. В Мендипсе были найдены свинцовые свинки с клеймами Британника (44-48 гг. н.э.) и Клавдия (49 г. н.э.).^[123] Шахты этого периода существуют в Шелве и Снейлбиче в Шропшире и других местах, а плавильные печи были найдены в Минстерли в том же графстве и в Мэтлоке. ^[124] После ухода римлян эта отрасль также не была прекращена. Свинцовые рудники в Вирксворте в Дербишире были сданы в аренду аббатисой Рептонской некоему герцогу Гумберту в 835 году^[125], а "свинцовый рудник" в Пенпарк Хоул в Глостершире упоминается в 882 году^[126], хотя это графство не было большим центром производства свинца в более позднее время. Во времена Эдуарда Исповедника дербиширские рудники Бейквелл, Эшфорд и Хоуп приносили 30 фунтов стерлингов, а также пять вейнгрузов свинца, но в 1086 году их годовая стоимость по какой-то причине упала до 10 фунтов 6 шиллингов. Кроме этих трех рудников, Domesday Book упоминает еще рудники в Вирксворте, Метесфорде и Криче.^[127]

В двенадцатом веке добыча свинца была значительной. Рудники Карлайла, то есть Олстон-Мур, расположенные на границе Камберленда, Йоркшира и Нортумберленда, упоминаются в Трубном списке 1130 года и обрабатывались во время правления Генриха II^[128] со средней арендной платой в 100 фунтов стерлингов; в то же время большое количество свинца из Дербишира перевозилось в Бостон и отправлялось в Лондон и на континент: шропширские рудники также были активны, только в 1181 году в Эймсбери было отправлено сто десять грузов свинца. Король Стефан пожаловал епископу Дарема некоторые рудники в Уирдейле, вероятно, с серебросодержащим свинцом, так как недорогоценные минералы уже принадлежали епископству, а во время вакантности Даремской кафедры в 1196 году были зафиксированы значительные поступления серебра.^[129] Аналогичное пожалование свинцовых рудников в Сомерсете было сделано Ричардом I епископу Бата Реджинальду.^[130] Как скоро три больших шахтерских поселка получили свои привилегии и организацию, точно сказать нельзя: некоторые правила, похоже, были традиционными с самых ранних времен, даже в случае с шахтами Мендипа, законы которых были в значительной степени основаны на Дербиширском кодексе. Что касается северных рудников, то в 1235 году Генрих III подтверждает шахтерам Олстона свободы и привилегии, "которые они имели раньше".^[131]

О правилах, действовавших в Алстон-Муре^[132], у нас мало подробностей, но о законах Дербишира^[133] и Мендипса^[134] мы располагаем обширной информацией. В каждом случае существовал шахтный суд, известный в Дербишире как "бергмот" или "бармот",

обычные заседания которого проводились каждые три недели, а специальные сессии - дважды в год, на Пасху и в Михайлов день. В "тело суда" входили двенадцать, а в "больших судах" двадцать четыре шахтера с хорошей репутацией, а председательствующим должностным лицом был в Дербишире бармастер, а в Сомерсете - лид-рив: в Алстоне[135] он фигурирует как бейлиф, "королевский сержант" и стюард. С этим чиновником был связан коронер:[136] эти две должности, похоже, действительно совмещались в Алстоне в XIII веке, поскольку в 1279 году поступила жалоба, что коронеры шотландской королевской вольности Тиндейл (часть нынешнего графства Нортумберленд, которая примыкает к Алстон-Муру) действовали в шахте, "где сержант шахты, назначенный английским королем, должен был во всем исполнять обязанности коронера":[137] Однако к 1356 году у рудокопов Алстона появился обычай избирать коронера отдельно от бейлифа или королевского сержанта.[138] Точную степень независимости, которой обладали эти шахтерские суды, определить сложно. Во время эйров в Камберленде было принято посылать в Алстон специальных судей для рассмотрения ходатайств короны. В 1246 году это уже было старым обычаем,[139] и мы узнаем, что Роберт де Випон, который в начале правления Эдуарда I создал поместье из того, что было болотом и пустырем, узурпировал право судить воров в суде своего поместья, когда их следовало судить только в шахтном суде.[140] Даже в Дербишире существовала тенденция использовать суды герцогства Ланкастерского вместо шахтерских судов или отменять их, по крайней мере, в XVI веке.[141]

По дербиширскому шахтерскому закону небольшое нарушение каралось штрафом в 2 д., но если он не выплачивался сразу, то штраф удваивался каждый последующий день, пока не достигал суммы в 5 с. 4d. Эта же сумма в 5s. 4d. (удвоенная аналогичным образом до 100 с.) была штрафом за кровопролитие или за посягательство на чужие права под землей. За трижды повторенную кражу руды руку преступника прикрепляли ножом к стойкам брашпиля, а если ему удавалось освободиться, он должен был навсегда покинуть шахту. Столь же дикая и примитивная мера правосудия была применена к шахтеру из Мендипа, укравшему свинец стоимостью 13½ д.: его имущество было конфисковано, а судебный пристав должен был привести его "туда, где он носит или носит [т.е. руду], его работу и башни со всеми инструментами, относящимися к этому занятию, а затем поместить его в его хаусс или рабочее место и установить фаер ин все вместе вокруг него - отлучить его от этого занятия навечно перед лицом всех тамошних шахтеров". Оба способа наказания явно раннего происхождения, и кажется вероятным, что первоначально они предполагали смерть вора, хотя более позднее и гуманное поколение попустительствовало его побегу, сохраняя древнюю форму наказания. Если сгоревший вор не уклонялся от огня, а возвращался и снова воровал, его передавали офицерам шерифа и отправляли в тюрьму, уже не принадлежа к привилегированному обществу. Стоит отметить, что большой шахтерский поселок на границе Корнуолла и Девона, хотя и не имел, по-видимому, шахтерского суда, но, как и следовало ожидать, имел определенный контроль над бесчинствами шахтеров, поскольку в 1302 году там была сделана "яма в шахте в качестве тюрьмы для устрашения (*ad terrorem*) злодеев и плохих рабочих".[142] Девонский шахтер, как мы только что сказали, не имел кодекса законов или привилегий; в Олстоне кодекс распространялся только на шахтеров, живущих в "шилах", или хижинах на болоте; в Дербишире вся система правил была ограничена королевским "полем", хотя несколько частных владельцев шахтерских полей создали бармоты по аналогичным принципам;[143] , но обычаи Мендипса, похоже, применялись во всем районе, кто бы ни был лордом земли.

По горному законодательству старатель имел право вести поиски в любом месте, кроме церковных дворов, садов, огородов и шоссе; однако на Мендипсе он должен был сначала пройти через формальности и попросить разрешения у лорда земли или у его свинцового

рива, который не мог отказать в разрешении; после этого он мог устраиваться там, где ему заблагорассудится, и разрабатывать землю так, как считал нужным. В Дербишире, когда старатель нащупывал перспективную "граблю" или жилу, он вырезал в земле крест и шел к бармастеру, который приходил и разбивал участок на "мееры", каждый из которых состоял из четырех перчей по двадцать четыре фута: первые два меера отдавались находчику, третий - королю, как повелителю земли, а остальные - тем старателям, которые первыми их потребовали. В течение трех дней владелец меера должен был установить "засидку",^[144] деревянную раму с двумя стойками, соединенными перекладиной или веретеном, которая размещалась в верхней части шахты и служила брашпилем. Если после этого заявка не срабатывала, бармастер зазубривал веретено, а если это делалось три раза, а заявка так и не срабатывала, ее объявляли недействительной и отдавали первому претенденту. Правила использования на Мендипском поле были совсем другими. Там поля или претензии, вместо того чтобы быть одного стандартного размера, определялись броском "хака" или маленькой кирки, весом 3 фунта. 14 унций. "Каждый человек, когда он начинает свою подачу, иначе называемую груфом, должен заставить своего хака бросить его вслед за граблями,^[145] так, чтобы он встал к гырдылу или оказался в груфе"; в то время как это определяло границы поля вдоль линии вены, подающий всегда имел восемнадцать футов по обе стороны от своего "груфа или грыба". Хак, однако, не бросали, если только другая сторона не желала подавать поблизости; в этом случае новичок или "младший подавальщик" мог потребовать, чтобы хак бросали "старший подавальщик" и его партнеры, "когда у них есть их шин, грабли или курс", то есть когда они ударили по жиле. После этого ведущий рив предлагал хак одному из старших подавальщиков, и если они не бросали его в течение четырнадцати дней, то бросок доставался младшему подавальщику.^[146] Правила резервирования претензий, вероятно, были основаны на тех, которые использовались в Дербишире. Первый питчер на любой земле должен довести ее до совершенства, выложив ее тимбером и заплатив стиллинги в течение пятнадцати и двадцати лет после питчинга". Хотя таков был строгий закон, обычаи, похоже, довольствовались изготовлением "кадделя", своего рода каркаса из дерева, в первый день, и давали месяц на "стиллинги", или укладку. Если участок оставался не обработанным в течение четырех недель, ведущий рив объявлял об этом, и если старые партнеры не появлялись в течение четырнадцати дней, участок терялся.

Помимо права вести поиски там, где им вздумается, горняки имели право доступа к ближайшей большой дороге, а в Дербишире, если им в этом отказывали, бармен и два помощника могли идти в ногу с вытянутыми руками и таким образом прокладывать путь прямо от шахт к дороге, даже через растущую кукурузу. Они также имели право брать древесину из соседних лесов для использования в шахтах, а в Камберленде, где топлива было мало, они могли даже запретить владельцам лесов рубить их, пока не получат достаточный запас для печей. Их право собственности на рудники было признано, и они могли распоряжаться ими, полностью или частично, без лицензии. Они также могли отвозить свою руду на плавку к любому "миндрию", единственным ограничением на продажу руды или свинца было то, что в некоторых местах король или другой лорд земли имел "соур", то есть преимущественное право покупки руды по рыночной цене до того, как она будет предложена любому другому покупателю, и в 1295 году мы видим, что шахтеры Дербишира платили 4 д. за груз в отношении "соур" за лицензию на продажу, кому они хотели.^[147]

Условия, на которых шахтеры держали свои рудники, были разными. На частных землях, если владелец не работал на рудниках сам с помощью наемного труда, он обычно выторговывал какую-то долю - восьмую, десятую или тринадцатую - от добычи. В Мендипсе хозяин земли получал десятую часть в качестве "лота"; на королевском поле в Дербишире король имел тринадцатую, а в Олстоне - девятую тарелку руды, причем в последнем случае

тарелкой считалось "столько руды, сколько может поднять с земли сильный человек".^[148] В Олстоне король получал дополнительно пятнадцать пенни с остальных восьми блюд, но должен был за свой счет предоставить человека, называемого "погонщиком", который понимал, как отделить серебро от свинца.^[149] Такой способ оплаты доли добычи был, очевидно, самым справедливым для всех заинтересованных сторон, поскольку, как заявили в 1278 году рудокопы Камберленда, хотя они и знали, что руды хватит до конца времен, никто не мог определить годовую стоимость рудников, поскольку она зависела от богатства руды, которую они добывали.^[150] И точно так же, когда Роберт де Торп был назначен смотрителем рудников Девона в 1308 году,^[151] было ясно сказано, что от него нельзя требовать никакой определенной суммы, потому что серебросодержащая руда, рафинированный свинец и переработанный шлак имеют "различную ценность и количество откликов".¹ В дополнение к плате за руду рудокопы должны были отдавать десятину в пользу церкви. В некоторых случаях эти десятины исходили из определенного гранта, чаще они, по-видимому, рассматривались как компенсация за десятину урожая, который иначе выращивали бы на земле, занятой рудниками; но самой странной причиной для их требования было то, что свинец сам по себе был десятиной, поскольку "рос и обновлялся в жилах".^[152]

Хотя на многих небольших рудниках работали партии свободных шахтеров на таких условиях, ради собственной выгоды и на свой страх и риск, с ранних времен, должно быть, существовало большое количество бедняков, которые работали на короля, владыку земли или капиталистических авантюристов, получая сдельную или повременную оплату. Значительный интерес представляют правила оплаты труда этих наемных шахтеров на королевских рудниках Бир-Алстона в Девоншире, составленные в 1297 году.^[153]

Что касается сдельной работы рудокопов, то те, кто может найти руду в своих выработках, должны получать за сдельную работу, как и раньше, то есть 5 с. за груз,^[154] как за черную, так и за белую руду, если белая не может быть разумно уложена ниже. А те, кто занимается "мертвой" [*т.е. не приносящей дохода*] работой и не может найти руду в своих выработках, но при этом работает больше, ибо мертвая работа труднее, чем копать жилу, должны получать жалованье (*a lour soutz*), пока не добудут руду, так что вся сдельная работа должна выполняться двумя или тремя бригадами, которые делят между собой прибыль, как тем, кто выполняет мертвую работу, так и другим".

О том, что цена в 5 шиллингов за груз была рассчитана на оплату предварительной непродуктивной "мертвой" работы горняков, можно судить по тому факту, что "десятинная руда", то есть руда, уплаченная церкви, выкупалась у настоятеля Бира по 2 шиллинга за груз, и из этой суммы вычиталось еще 9 шиллингов за промывку руды.^[155] В то же время очевидно, что там, где "мертвая" работа была исключительно тяжелой или конечный доход был небольшим, такая система оплаты не работала; в 1323 году мы видим, что "мертвая" работа по расчистке, поиску и рытью старой шахты в Девоне оплачивалась по ставке 3s. 4 д. за сажень, а двум бригадам из шести человек платили по 7-9 д. в день, около 1½ д. за голову, за поиск жилы и за пробивание твердой породы, чтобы проследить за жилой в надежде найти более богатую жилу.^[156]

Согласно Ордонансу 1297 года, заработная плата должна была выплачиваться каждую субботу, хотя на самом деле мы видим, что она постоянно задерживалась.

Вся руда каждой недели должна быть отмерена до субботы и отнесена к болам или другим местам, где она должна быть выплавлена. И каждую субботу или воскресенье должны быть известны результаты каждой недели во всем. Плата рудокопам и другим рабочим должна производиться в ту же субботу. И ни один горняк не должен оставаться в рыночном городе

под предлогом покупки продовольствия или иным образом после девятого часа в воскресенье без отпуска".

Кроме зарплаты, шахтеры бесплатно получали железо, сталь и канаты, которые им требовались, и пользовались кузницей для ремонта своих инструментов.[157] В Пиве в 1297 году было три кузницы, по одной на каждую из трех шахт, на которые было разделено месторождение,[158] и в каждой работали мужчина и мальчик. В дополнение к кузнецам[159] в качестве помощников работали один или несколько свечных мастеров, плотников, угольщиков и дровосеков. Во многих шахтах также требовалось несколько человек, чтобы вычерпывать воду из ям кожаными бадьями или ведрами; в апреле 1323 года в Бир-Алстоне этим занимались в среднем двадцать человек, а за одну неделю их число возросло до сорока восьми.[160] Скопление воды в ямах так сильно мешало работе, что в ранние времена шахты Девона закрывались на зиму[161], и только в 1297 году были найдены средства борьбы с этим злом. Примерно в это время на свинцовых рудниках был введен план осушения шахт с помощью "авидодов" или штолен, то есть горизонтальных галерей, проложенных от дна шахт до уровня свободного дренажа на поверхности, который уже использовался на оловянных рудниках. Согласно постановлениям 1297 года, сто жестянщиков должны были работать на "авидодах", а в счетах за работу этих рудников за тот же год указаны выплаты в среднем 12 фунтов 10 шиллингов "Уильяму Пеперкорну и его партнерам" и еще шести бригадам "за изготовление авидодов".[162] Вероятно, именно в следующем году Уолтер де Лангтон, епископ Честерский, сообщил, что доходность шахты Бир удвоилась благодаря новому методу дренажа, поскольку теперь зимой можно было работать так же хорошо, как и летом.[163]

Поднятая руда разбивалась молотом, механические штампы не использовались до XVI века, если вообще использовались, хотя в 1302 году упоминается машина (*ingenium*) для разбивания "черной работы" или шлака.[164] Затем руду промывали в "бадьях" или корытах с помощью грубых сит, для чего часто использовали женщин. Промытую руду, по возможности очищенную от камней и других примесей, несли в плавильную печь. Самым распространенным типом печи был "боул" - грубое каменное сооружение, похожее на известковую печь, с отверстием в верхней части, служившим дымоходом, а также для загрузки печи, и одним или несколькими вентиляционными отверстиями в основании для взрыва. Такие печи обычно строились на открытом месте и на сквозняке, и их можно было использовать только при благоприятном ветре. В ранние времена они были дополнены "шлаковыми очагами" или печами (*fornelli*) с искусственным дутьем и очень похожими на кузнечные горны. Меки этих очагов обычно приводились в движение ногами мужчин или женщин, но в Девоне водяная мельница использовалась, по крайней мере, в 1295 году[165], а в Уолсингеме, в Дареме, в 1426 году использовалась водяная энергия, когда она была доступна, а в сухое время года использовался ножной взрыв.[166] Топливом для печей служил хворост, а для очагов - древесный уголь, торф и, для переплавки свинца, морской уголь. В Девоне упоминается третий тип плавильни, "хатте", природа которого неясна. Обычно хатты классифицируются вместе с болами;[167] так, в 1297 году было отмечено, что "из каждого груза черной руды, выплавленного в хаттах и болах, получается 3½ фута серебристого свинца, каждый фут содержит 70 фунтов свинца, каждый фунт весит 25 фунтов стерлингов. А из груза черной руды, выплавляемой у мельничной печи, получается 3 фута серебристого свинца. А из белой руды, выплавленной в печи или в другом месте, получается 1½ фута серебристого свинца. Кроме того, фунт свинца из черной руды, выплавленной в болах и хаттах и в их печах, дает 2 фунта серебра; фунт свинца из черной руды, выплавленной в мельничной печи, дает 3 фунта серебра; а фунт из белой руды - 1½ фунта". Таким же образом в печах перерабатывалась "черная работа", или шлак, как из болей, так и из

хаттов.[168] Возможный намек на содержится в том факте, что при первом зажигании в хатту необходимо было положить большое количество рафинированного свинца, "поскольку хатты не могут обжигать руду или плавить свинец без добавления достаточного количества расплавленного свинца в самом начале, чтобы обжечь (*coquenda*) руду в добавленном свинце".[169] Это, несомненно, говорит о том, что речь идет о каких-то купельных печах. Еще одним типом печей был "поворотный очаг", использовавшийся в Мендипсе; конструкция его, опять же, неясна, но, похоже, он получил свое название из-за того, что часть очага была подвижной и подстраивалась под переменчивый ветер, тогда как обычная печь могла использоваться только тогда, когда ветер дул с определенной стороны.[170] В 1302 году упоминается "универсальная печь" (*fornellus versatilis*), используемая на рудниках Девона, а в одной из записей говорится об изготовлении печи "на токарном станке" (*super ingenium versatile*).[171]

Болеры и печники, которым платили от 12 до 16 д. в неделю, а их помощники получали примерно половину этой суммы, отлив свинец в чушки и поставив на него клеймо, передавали его надзирателям шахты. Следующим процессом было очищение серебра от свинца путем купелирования. Когда сплав серебра и свинца расплавляется на открытом горне со свободным доступом воздуха, свинец окисляется и в виде литаргии может быть удален либо путем его снятия, либо путем поглощения пористым телом горна, оставляя серебро в более или менее чистом виде. Добавив больше свинца и повторив процесс, можно продолжить рафинирование серебра. В Англии, похоже, было принято удалять литаргию путем абсорбции; в случае романо-британского аффинажного завода в Силчестере[172] абсорбирующим материалом служила костная зола, а в средневековых аффинажных заводах на рудниках Девона использовались обугленные "дубильные дерны", [173] или отходы дубовой коры с кожевенных заводов, и, вероятно, тот же материал использовался в Дербишире, где на южных рудниках работали в основном дербиширские шахтеры. В толстом слое этого тан-зола делали углубление посередине, в которое помещали топливо и свинец; очаг разжигали и подавали дутье сбоку: когда все было расплавлено, огонь отводили в сторону, а дутье направляли на верхнюю поверхность расплавленного металла, который таким образом быстро окислялся и рафинировался.

Но сначала, как только серебристо-свинцовая масса перешла в жидкое состояние, "пока зола не поглотила свинец", свинец перемешивают и смешивают так, чтобы он был одинакового качества по всему объему, и отбирают количество свинца в размере около 6s. весом, и разделить его на две части, половину отдать аффинажеру, снабдить билетом с его именем и датой и запечатать у надзирателей, а другую половину проанализировать у королевского пробирщика в присутствии надзирателей и аффинажера, и аффинажер должен отвечать за весь этот аффинаж по пробирной ставке, насколько это разумно, учитывая, что в большой операции аффинажа больше отходов и потерь, чем при пробирном анализе. И когда серебро будет полностью очищено, оно должно быть отдано аффинаторами надзирателям для подсчета (или получения) веса, чтобы не было ни подозрений, ни обмана ни с той, ни с другой стороны..... А свинец, который остается в золе после рафинирования, должен быть переплавлен в подходящее время".[174] Эти постановления 1297 года, которые мы только что процитировали, предусматривали наличие пяти квалифицированных рафинеров на рудниках Девона, и, судя по счетам, они получали от 18 д. до 2 с. в неделю.

Серебро, по-видимому, отливалось в пластины или слитки весом от десяти до двадцати фунтов и стоимостью (ведь денежный фунт был просто фунтом веса стандартного серебра). Чистота серебра, вероятно, варьировалась, так как если в 1296 году фунт аффинированного серебра смешивался с 14 д. сплава для приведения его к стандарту, то[175] несколькими

годами позже серебро весом в 132 фунта 5 шиллингов стоило только 131 фунт 13 шиллингов. [176]а 370 фунтов серебра, отправленного из Мартинстоу в 1294 году, пришлось дополнительно рафинировать в Лондоне, прежде чем из него сделали серебряные сосуды для графини Барре. [177] В случае со свинцом мы имеем обычную средневековую сложность с весами. В ранней записи [178] говорится, что "карретат (или повозка) свинца Пика содержит 24 фотинеля, каждый по 70 фунтов, а фотинель содержит 14 отрезков [179] по 5 фунтов. Лондонский карретат больше на 420 фунтов". Похоже, что лондонский вес набрал силу, так как в более поздней записи дается 13½ фунтов на камень, 6 камней на фут и 30 футов (или 2430 фунтов) на карретат "в соответствии с весом Пика". [180] В Девоне в 1297 году мы находим в употреблении карретаты в 24 и 32 фута одновременно, причем фунт здесь, как и в Дербишире, равнялся 70 фунтам. [181]

Ни в одной другой части Англии свинцовая промышленность не имела столь продолжительной истории стабильного процветания, как в Дербишире. Девонские рудники, похоже, были богаче и продуктивнее в течение короткого периода, но полвека, 1290-1340 годы, практически охватывают период их расцвета. За пять лет, с 1292 по 1297 год, на этих рудниках было добыто 4046 фунтов серебра и около 360 фунтов свинца; в следующем году серебро составило 1450 фунтов. Затем в апреле 1299 года король сдал рудники в аренду Фрискобальди, итальянским купцам и ростовщикам, с которыми у него было много дел. [182] Они согласились платить 13 с. 4 д. за груз руды, но примерно через год, за который добыли около 3600 грузов руды, [183] обнаружили, что несут большие убытки: руда стоила не более 10 с. за груз, а затраты на работу были выше, чем они ожидали. [184] Однако рудники продолжали приносить хорошие доходы, когда король работал в своих интересах: в 1305 году было получено £1773 серебра и £180 свинца: это, однако, , похоже, было высшей точкой, доход в 1347 году составил всего £70. [185] После этого рудники время от времени сдавались в аренду частным искателям приключений, но имеющиеся записи не позволяют предположить, что на них было сделано много состояний: в 1426 году за предыдущие два с половиной года было добыто 39 унций серебра, [186] за 1442 год - 17 фунтов, [187] но за шесть лет, 1445-51, средняя добыча выросла до 4000 унций. [188] В начале бума, в 1295 году, возникла необходимость привлечь рабочую силу из старых районов добычи свинца, и были назначены комиссары для отбора шахтеров в Девон из Чешира, Бромфилда, принадлежащего графу Варенну, Шропшира, Пика, Глостера, Сомерсета и Дорсета. [189] Ордонансы 1297 года предусматривали 150 рудокопов из Пика и столько же местных людей из Девона и Корнуолла, хотя счета показывают, что в том году было 384 рудокопа из Пика и 35 из Уэльса. [190] С другой стороны, в 1296 году, когда более 300 горняков прибыли с Пика, что составляет двенадцать дней пути, мы также видим, что из Девона отправили четырех человек ко двору короля, а затем в Ирландию на разведку по поручению короля. [191]

Процветание девонских шахт вызвало рост активности в шахтах Сомерсета, где в первые годы четырнадцатого века было зарегистрировано несколько новых забастовок, об одной из которых оптимистично настроенный свинцовый рив написал епископу Бата и Уэллса следующее: [192] -...

Знайте, милорд, что ваши рабочие нашли великолепную шахту [193] свинца на Мендипсе к востоку от Придди, и ее можно открыть без труда, ведь она находится всего в пяти или шести футах под землей. И поскольку эти рабочие так часто бывают ворами, ловко отделяют серебро от свинца, незаметно уносят его, а когда наберут какое-то количество, убегают, как воры, и бросают свою работу, как это часто случалось в прошлом, поэтому ваши судебные исполнители заставляют перевозить руду в ваш двор Вуки, где построена печь, в которой рабочие выплавляют руду под наблюдением определенных лиц, назначенных вашим

управляющим. И поскольку управляющий, бейлифы и рабочие считают, что в свинце много серебра, из-за его белизны и звонкости, они просят, чтобы вы как можно скорее прислали им хорошего и верного рабочего, на которого они могли бы положиться. Я видел первый выплавленный там кусок свинца, огромного размера и веса, который при ударе звенит почти как серебро, поэтому я согласен с остальными, что при добросовестной работе это дело должно принести огромную пользу вам и окрестностям, и если будет найден надежный работник, я думаю, что целесообразно выплавливать руду там, где она вырыта, из-за труда, связанного с переноской такого тяжелого материала на такое расстояние. Руда состоит из зерен, похожих на песок".

Нет никаких свидетельств того, что эта шахта оправдала надежды ее первооткрывателей, но примерно в то же время, в 1314 году, мы находим Германа де Алеманна и других искателей приключений, разрабатывающих шахту в Брушфорде, недалеко от Далвертона.[194] Немцы на протяжении многих веков были самыми искусными шахтерами, и английская горнодобывающая промышленность во многом обязана их предприимчивости. В качестве примера их мастерства можно привести случай с Томасом де Алемайном, чистильщиком серебра,[195], который, оставшись без работы, обратился к королю с просьбой предоставить ему отходы и шлаки (*les aftirwas et les remisailles*), выброшенные на рудниках в Девоншире, которые были очищены настолько, насколько могли очистить их те, кто работал на рудниках: никто другой не хотел к ним прикасаться, поэтому король не получил бы никакой прибыли, если бы не предоставил их Томасу, который был готов платить 20 с. в год за право перерабатывать их. Этот же Томас де Алемайн был назначен в 1324 году копать, очищать и исследовать королевские шахты в Камберленде и Уэстморленде.[196] Вероятно, некоторое время до этого эти рудники не разрабатывались, так как в 1292 году общий доход от рудников Алстона за последние четырнадцать лет составил 4 фунта стерлингов 0s. 2d., возможно, из-за отсутствия топлива, которое приводится как причина того, что железный рудник там стоил всего 15s. в год.[197] Позже, в 1359 году, Тильман де Кельн занимался разработкой рудников в Алстоне, а в 1475 году, очевидно, в результате, Джордж Уилларби сообщил[198], что на севере Англии есть три примечательных рудника, один из которых содержит 27 фунтов серебра на фунт свинца с жилой шириной в полштока, другой - 18 фунтов. с жилой шириной в пять жезлов, и третий - 4 фунта с жилой шириной в 1¼ жезла. Рудники Блаунчлонд в Нортумберленде, Флетчерс в Алстоне, Кесвик в Камберленде, а также медный рудник близ Ричмонда были предоставлены на пятнадцать лет герцогу Глостеру, графу Нортумберленду, Уильяму Годерсвику и Джону Маршаллу.[199] Предположительно, эти два дворянина были партнерами по сну и, похоже, отказались от соглашения, поскольку вскоре после этого, в 1478 году, Уильям Годерсвик, Генрих ван Орел, Арнольд ван Анн и Альберт Миллинг из Кельна, а также Дедерик ван Рисвик из Англии получили в дар на десять лет все рудники золота, серебра, меди и свинца в Нортумберленде, Камберленде и Уэстморленде, выплачивая одну пятнадцатую часть прибыли.[200]

Хотя золото упоминается в этой последней записи и в ряде других пожалований на рудники в XV веке, и хотя Галиас де Люне и его партнеры получили лицензию в 1462 году на добычу руд, содержащих золото, в Глостершире и Сомерсете,[201] золото, похоже, не добывалось в Англии в больших количествах. В 1325 году Джон де Уилвингворд был послан на поиски золота в рудники Девона и Корнуолла: он добыл в рудниках Девона 22 фунта, из которых 3 фунта он переработал в Эксетере; это дало 2½ фунта чистого золота.[202] Оставшаяся часть была отправлена в Казначейство и в конце концов аффинирована в Йорке; но это почти единственное упоминание о найденном золоте, хотя, несомненно, небольшие количества время от времени находили на оловянных заводах Корнуэльского потока.

В 1545 году некто Сент-Клер заявил, что золото, называемое "золотыми хоппами и золотыми рудами" на всех ручьевых оловянных заводах в Девоне и Корнуолле, по незнанию жестянщиков расплавляется с оловом и вывозится за границу; для проверки его заявления были назначены определенные лица.[203]

ГЛАВА IV

ДОБЫЧА ОЛОВА

Добыча олова претендует на древность, не превзойденную ни одной другой отраслью промышленности в этой стране, но в какой степени справедливости, можно усомниться. Утверждение о том, что западный мыс Британии, позже известный как Корнуолл и Девон, является Касситеридскими или Оловянными островами, откуда финикийцы получали запасы этого металла по крайней мере за пятьсот лет до христианской эры, опирается на довольно сомнительные основания.[204] Диодор Сикул, писавший около 30 года до н. э., является первым автором, определенно связавшим Британию с торговлей оловом, и его утверждения, похоже, основаны скорее на сомнительном понимании ранних топографов, чем на реальных знаниях. По его словам, олово добывали на мысе Болериум и привозили на остров Иктис, откуда его переправляли в Галлию. Если "Болериум" - это Корнуолл, то нет причин сомневаться, что "Иктис" - это "Insula Vectis", или остров Уайт, который в то время все еще был соединен с материком узкой грядой скал, покрытой в половодье, но сухой в межень, как и "Иктис", о котором говорят.[205] Конечно, странно, что если древняя и хорошо налаженная торговля оловом действительно существовала в Британии к приходу римлян, то эта раса, с ее острым взглядом на металлические богатства, не воспользовалась оловянными рудниками Корнуолла. Однако в литературе периода римской оккупации нет ни одного упоминания об этих рудниках, как нет и следов приближения к оккупации Корнуолла римлянами, которые, похоже, полностью проигнорировали этот уголок Британии. После ухода римлян и до завоевания этого района саксами, которое произошло только в середине десятого века, есть некоторые свидетельства того, что здесь добывали олово: говорят, что корнуоллское олово перевозили во Францию в седьмом веке, а в житии святого Иоанна Александрийского, умершего в 616 году, есть рассказ об александрийской галере, пришедшей в Британию за оловом.[206] То, что саксы добывали олово, кажется вероятным, судя по находкам саксонских останков в оловянных угодьях Сент-Остелла и других местах,[207], но эта отрасль вряд ли имела большое значение во времена норманнского завоевания, так как в Domesday Survey нет никаких упоминаний о ней.

Хотя история добычи олова в Британии до середины двенадцатого века проблематична, начиная с этого времени существует огромная масса материалов, касающихся этой темы. Этот материал был терпеливо изучен мистером Джорджем Рэндаллом Льюисом и обобщен в его работе "Станары", [208] настолько полной и исчерпывающей книге, что я сэкономил себе много труда, основывая эту главу почти полностью на ней.

Как и следовало ожидать, между добычей олова и свинца существует множество аналогий. Процессы были очень похожи, и законы, регулирующие деятельность рабочих, имели много общего, но именно в случае со Стэннари мы видим полное развитие "свободного шахтера", если говорить об Англии. Определенные первоначальные различия в применяемых методах обусловлены формой, в которой добывается олово. Олово, как и другие металлы, существует в жилах или жилах, залегающих в породе на различной глубине; там, где эти жилы выходят на берег ручья, они разрушаются под действием воды и климатических изменений, в

результате чего образуется гряда каменных глыб, известная как "шод"; воды ручья постоянно отрывают небольшие куски оловянной руды и несут ее вниз, пока из-за большого удельного веса олово не опускается, образуя залежи в русле ручья, толщина которых иногда может достигать двадцати футов. Именно этот третий класс россыпного олова и был единственным, который добывался в доисторические и раннесредневековые времена. Это можно смело предположить, но довольно примечательное подтверждение этому можно получить из отчета о добыче олова для Эдмунда Корнуэльского в 1297 году. Из него следует, что двадцать восемь с половиной "футов" руды дали тысячу фунтов (1200 фунтов) "белого олова", пропорция, довольно близко соответствующая тем трем "футам" руды для получения 105 фунтов металла, которые Томас Бир привел в XVI веке для аллювиального или "ручьевого" олова, гораздо более богатого, чем рудничное олово.[209] Прошло не так уж много времени, прежде чем старатели поняли, что ручьевого олова уносится вниз по течению, и начали искать его источник. Поэтому "шод", или валунное олово, должно быть, начали разрабатывать почти так же рано, как и аллювиальные отложения, и последним этапом стала разработка "жилы". При разработке жилы первые выработки, несомненно, представляли собой неглубокие траншеи и ограничивались местами, где руда лежала близко к поверхности; несколько большая глубина достигалась с помощью "шамеллинга", когда траншея проходила вниз поэтапно, на каждом этапе оставлялся "шамелл" или платформа на высоте, на которую шахтер мог сбрасывать руду; наконец, появлялась глубокая шахта с галереями. Но здесь, как и в любом другом горном деле, встал вопрос о водоотводе. Там, где выработки были совсем неглубокими, воду можно было сгонять деревянными чашами, или прорыть "уровень", или глубокую канаву. Для больших глубин использовалась штольня, или дренажная галерея (см. выше, с. 50), и хотя мистер Льюис[210] не может найти ни одного случая использования штольни при добыче олова до XVII века, нет смысла сомневаться, что она использовалась гораздо раньше. Когда именно на оловянных рудниках появились насосы и другие водоотливные машины, точно не известно, но, вероятно, они мало использовались в средневековый период, когда лишь немногие шахты имели большую глубину.[211]

Первобытный рудокоп, добыв руду с помощью своих простых инструментов - деревянной лопаты и кирки, в ранние времена деревянной, а позже железной, - соорудил грубый очаг из камней, на котором разжигал огонь. Когда огонь сильно разгорелся, он бросил в него руду, а затем собрал расплавленное олово с золы. Следующим этапом было строительство обычной печи, точно такой же, как болы или печи, используемые для плавки свинца (см. выше, с. 51). Эти печи были заключены в здание, "дутье", в ранние времена - грубую соломенную хижину, которую время от времени сжигали, чтобы получить металлическую пыль, осевшую в соломе, но впоследствии она стала более основательной. Стоимость "плавильни" (80 футов на 20 футов), построенной в Лариане (Корнуолл) немцем Беркордом Крэнгсом во времена королевы Марии, составила около 300 фунтов стерлингов и складывалась следующим образом:[212] -...

За рыхление, выравнивание и выравнивание земли для установки фундамента	£23	6	8
За изготовление фундаментов для стен и пойнтов плавильни	120	0	0
Для изготовления ревизии[213], чтобы построить форны и расплавить на них чимни.	30	0	0
Для тимберинга и покрытия хауса эсклатами	50	0	0

За доры, окна, замки и засовы	6	0	0
Колесо, литавры и штампы	10	0	0
Для 4-х пар греческих колоколов с их именами и прочими необходимыми вещами	20	0	0
Для изготовления коулхауса	15	0	0
За изготовление ростинга[214]	20	0	0
Для строительства летов и дамб, ведущих к Мелтынгоусу	66	0	0
Для хатта и крана	20	0	0

Куски руды сначала разбивали молотками или в мельнице; затем порошкообразную руду промывали, чтобы максимально освободить ее от земляных примесей. Иногда это делалось с помощью "ванны" или лопаты: тяжелая руда оставалась на острие лопаты, а легкие примеси смывались. Также использовался сложный процесс, при котором вода с порошком руды стекала по кускам дерна, металлическая часть опускалась и запутывалась в волокнах. Обычный метод, однако, заключался в использовании желобов или "бадей". Эта промывка была не только необходимым предварительным этапом плавки, но и имела экономическое значение, поскольку именно на промывке руда делилась, когда участок обрабатывался партнерами, и распределялась дань или доля, причитающаяся лорду земли; кроме того, к концу средневекового периода это было единственное место, где руда могла быть куплена торговцами.[215] Поэтому для предотвращения мошенничества было принято постановление о том, что о промывках следует предупреждать заранее и не использовать тайные бадьи.

Когда в 1198 году мы впервые получаем подробные сведения об оловянном производстве, обычно олово выплавляли дважды: первый раз - грубый процесс, проводимый рядом с оловянным полем, а второй, или рафинирование, разрешалось проводить только в специальных местах и в присутствии слугителей станаров. Олово, полученное в результате первой плавки, должно было быть заклеено королевскими чиновниками в течение двух недель после выплавки; в это же время королю выплачивалась пошлина в размере 2s. 6d. за тысячу весов в Девоне и 5s. в Корнуолле. Более того, согласно правилам 1198 года, в течение тринадцати недель олово должно было быть переплавлено и снова заклеено, и на этот раз уплачивался налог в размере одной марки.[216] Возможно, двойная плавка прекратилась к концу XIII века. В любом случае фискальная система была изменена, и в 1302 году, вскоре после того, как станнары вернулись к короне, находившейся в руках графов Корнуолла с 1231 по 1300 год, мы видим, что штемпельные сборы были объединены в единую монетную пошлину. В соответствии с этой системой чеканки монет все выплавляемое олово должно было отправляться в определенные города: для Корнуолла это были Бодмин, Лискерд, Лоствитель, Хелстон и Труро, а для Девона - Чагфорд, Тэвисток, Плимpton и Эшбертон. Здесь олово оставалось до двух ежегодных визитов чиновников, занимавшихся чеканкой монет, в Михайлов день и в середине лета, когда каждый блок весом примерно 200-300 фунтов оценивался, взвешивался и облагался налогом: затем на него ставили клеймо, и он мог быть продан. Для предотвращения мошенничества в XVI и XVII веках постепенно вводилась сложная система клеймения, а использование частных клейм владельцами воздуходувных домов, вероятно, возникло гораздо раньше. Использование этих марок было призвано не только защитить торговца, но и послужить преградой для контрабанды, которой, несомненно, было огромное количество.[217]

Одним из результатов системы чеканки монет, при которой олово нельзя было продавать до тех пор, пока оно не было отчеканено, а отчеканивать его можно было только два раза в год, стало то, что мелкие жестянщики неизбежно попадали в руки капиталистов. Мелкий

независимый жестянщик, не имея резерва капитала, почти всегда должен был заранее закладывать свое олово авантюристам и торговцам оловом, и в результате при своей теоретической независимости он часто оказывался в худшем положении, чем если бы он был признанным наемным рабочим. Система наемного труда, должно быть, была введена в стонариях довольно рано. Даже в 1237 году встречаются упоминания о слугах, которые работали в шахтах на жестянщиков.[218] В 1342 году некоторые из богатых корнуолльских жестянщиков пытались заставить своих более бедных собратьев работать на них за пенни в день, когда те добывали олово стоимостью 20 д. и более в день, и говорят, что в 1357 году Авраам жестянщик нанимал на свои работы триста человек. Наряду с этими наемными рабочими были и независимые жестянщики, работавшие либо отдельно, либо, как правило, в товариществах; но из небольших сумм, которые многие из этих жестянщиков представляли для чеканки монет, мистер Льюис сделал вывод, что они могли лишь отчасти зависеть от своей добычи.[219] Однако есть и другая сложность: небольшие суммы могли быть частично обусловлены тем, что они продали свою руду крупным торговцам, но очевидно, что некоторые из жестянщиков занимались и сельским хозяйством.

В то время как экономическое положение мелких добытчиков зачастую было мало, если вообще было, выше, чем обычных рабочих, их политическое положение было замечательным. Они представляли собой государство в государстве; свободный шахтер "платил налоги не как англичанин, а как шахтер. Его закон был не законом королевства, а законом его шахты. Он подчинялся королю только тогда, когда его приказы передавались через начальника шахты, да и то лишь при условии, что тот соблюдал шахтерский закон. Его суды были судами шахт, его парламент - парламентом шахт".[220] Горняк был свободным человеком и не мог быть подчинен системе холопства. Он имел право вести поиски в любом месте в пределах двух графств, за исключением церковных дворов, дорог и садов, и мог "закрепить" или за столбить место, просто вырезав неглубокие ямы и сделав кучи дерна по четырем углам своего места, и такое место становилось его абсолютной собственностью при условии, что он его обрабатывал (точный объем работ, необходимый для сохранения места, варьировался в разных местах и в разные периоды). За свою заявку он платил хозяину земли, будь то король или частный лорд, определенную дань рудой, обычно десятую или пятнадцатую часть. Кроме того, он имел право отводить ручьи либо для получения воды для промывки руды, либо для того, чтобы иметь возможность копать в русле ручья, а также важную привилегию - заставлять землевладельцев продавать ему топливо для его печи. Кроме того, у него были свои суды, и он находился в исключительной юрисдикции надзирателей станнариев. Каждый станнари, которых было пять в Корнуолле и четыре в Девоне, имел свой суд под председательством стюарда, и никто из нищих не имел права подавать иск или быть привлеченным к делу вне его суда, из которого апелляция подавалась к стюарду, а на практике - к вице-гвардейцу. Как и когда были получены эти привилегии, остается вопросом для спекуляций, но их можно проследить, когда Уильям де Вротхэм был назначен старостой в 1198 году, и они были определенно подтверждены жестянщикам королем Иоанном в 1201 году. В результате развития, очевидно, двух ежегодных больших судов станнариев, возникли "станнарные парламенты". Парламент Корнуолла состоял из двадцати четырех членов, по шесть из которых выдвигались мэром и советом каждого из четырех городов - Лоствители, Лонсестона, Труро и Хелстона; парламент Девона состоял из девяти шести членов, по двадцать четыре от каждого из станнариев. Эти парламенты созывались через лорда-надзирателя герцогом Корнуоллским, которому с 1338 года принадлежала верховная власть над стэннерами, и который имел право не только принимать законы для стэннеров, но и накладывать вето на любое национальное законодательство, ущемляющее их привилегии. Когда возникли эти парламенты, неизвестно, но они,

несомненно, были созданы до начала XVI века, до этого времени все записи об их заседаниях утрачены.

При всех этих привилегиях, к которым можно добавить освобождение от обычных налогов и военной службы, хотя жестянщики должны были облагаться отдельным налогом и поступать на службу под началом своих офицеров, естественно, что точное определение жестянщика должно было вызвать много споров. С одной стороны, утверждалось, что эти льготы и привилегии распространялись только на рабочих жестянщиков, занятых добычей руды; с другой стороны, торговцы оловом, воздуходувы и владельцы воздуходувных домов требовали включить их в это понятие. В конце концов было принято более широкое определение, и, действительно, начиная с XVI века, если не раньше, парламенты избирались почти полностью от капиталистической части промышленности.

Довольно примечательно, что когда впервые появились сведения о стонариях, в правление Генриха II, главным центром производства, по-видимому, был Девон, а не Корнуолл.^[221] Насколько можно судить, объем производства во время этого правления постепенно увеличился с примерно 70 тонн в 1156 году до 350 тонн в 1171 году. Ричард I, постоянно нуждавшийся в деньгах, в 1198 году реорганизовал стонарные заводы, и в начале правления Иоанна объем производства составлял 400-450 тонн. Издание хартии для стонарных заводов в 1201 году, по-видимому, не оказало немедленного влияния на отрасль, но примерно через десять лет активность возросла, и в 1200-1214 году объем производства увеличился до 600 тонн.^[222] В первые годы правления Генриха III доходы от продажи олова перешли к фермерам, и нет никаких сведений ни об этих годах, ни о периоде 1225-1300 годов, когда стеллажи находились в руках графов Корнуолла. Ясно только два факта: общий объем производства упал, и Корнуолл теперь значительно опережал Девон. Предоставление хартии, подтверждающей привилегии стонарных заводов в 1305 году, похоже, ознаменовало начало более процветающей эры, и к 1337 году объем производства достиг 700 тонн. Однако Черная смерть в 1350 году положила конец этому процветанию, и, за исключением бума во время правления Генриха IV, лужение не восстанавливалось до самого конца нашего средневекового периода. Однако даже в худшие времена эта отрасль приносила значительные доходы, так, например, чеканные пошлины^[223] никогда не опускались ниже 1000 фунтов стерлингов, а в 1337 и 1400 годах составляли более 3000 фунтов стерлингов, в дополнение к которым существовали и другие более мелкие выплаты и привилегии.^[224] Королевская привилегия выкупа также представляла ценность для нуждающихся королей, которые часто использовали ее для предоставления этой привилегии, или виртуальной монополии, богатым иностранным купцам и другим денежным кредиторам в обмен на значительные займы.

Прежде чем оставить тему оловянных рудников Корнуолла и Девона, стоит, пожалуй, отметить, что практически нет документальных свидетельств разработки медных месторождений Корнуолла до конца XVI века, и, похоже, большая часть меди, использовавшейся в средневековой Англии, должна была быть импортирована.

ГЛАВА V

ДОБЫЧА КАМНЯ, МРАМОРА, АЛЕБАСТРА, МЕЛА

Каменоломня - отрасль, упоминания о которой в средневековых записях скорее многочисленны, чем познавательны. Легко было бы заполнить страницы списком случайных упоминаний о работе каменоломен во всех частях Англии, и, пролистав этот список, читатель узнал бы, что камень добывали во многих местах в разное время, что он мог бы предположить, не имея документальных свидетельств. Естественно, что при возведении замка, аббатства, церкви или другого каменного здания камень, стоимость которого в основном заключается в транспортировке, должен быть получен из ближайшего возможного источника. Основатели монастырей часто предоставляли либо существующие каменоломни, либо право на добычу камня для монастырских построек, а обнаружение пласта подходящего камня неподалеку от места, выбранного Завоевателем для вотивного аббатства в Бэттле, было настолько своевременным, что считалось чудом.^[225] Когда монастырь основывался в районе, где нельзя было найти камень, было почти необходимо, чтобы его поставлялся по возможности из места, откуда камень можно было доставлять по воде, и, несомненно, именно расположение Барнака между Велландом и Неном сделало его каменоломни столь важными для монахов Фенланда.^[226] Аббатства Питерборо, Рэмси, Кроулэнд, Бери-Сент-Эдмунд и Соутри владели каменоломнями в Барнаке и ссорились между собой из-за своих прав. Монахи из Сотри, например, проложили канал для перевозки камня в свое аббатство через болото Уиттлси с разрешения аббатства Рэмси, которым они, похоже, злоупотребляли, поскольку в 1192 году было приказано перекрыть все их каменоломни, кроме главной, ведущей в Сотри, и они должны были пообещать не строить никаких зданий, кроме одного дома отдыха для людей на их каменных баржах.^[227]

Для Йоркского минстера^[228] камень привозили из каменоломен Тевесдейла, Хаддлстона и Тадкастера вниз по Уорфу, а из Стэплтона - по Эйру в Оуз, и так до пристани Святого Леонарда, откуда его везли на санях на каменную верфь. Вестминстер и Лондон снабжались в основном из Суррея, из каменоломен Рейгейта и Чалдона, и Кента, из района Мейдстона. Крепкая "кентская ветошь", которую римляне использовали для стен Лондона, пользовалась большим спросом для более грубой кладки,^[229] а в контракте на строительство пристани у Тауэра в 1389 году было оговорено, что сердцевина стен должна быть из "ветоши", а облицовка - из "ашелера де Кент".^[230] Рейгейтский камень, с другой стороны, был лучшего качества и больше подходил для тонкой работы, и мы видим, что он постоянно используется для изображений, резных ниш и оконных наличников.^[231]

Самый доступный камень не всегда соответствовал разнообразным требованиям архитектуры, поэтому необходимо было найти другой камень, обладающий нужными качествами, и определенные каменоломни уже в ранние времена приобрели известность. Если не принимать во внимание знаменитые нормандские каменоломни в Кане, чей камень в большем или меньшем количестве фигурирует в сотнях зданий и записей, есть ряд английских каменоломен, имевших в средневековые времена более чем местную известность. Такими были каменоломни Бира в Девоншире, из лабиринтов которых камень везли в Рочестер в 1367 году,^[232] в Вестминстерский собор Святого Стефана в 1362 году,^[233] и в другие места. Прекрасный известняк, позже известный как камень из Бата, добывался в значительных количествах в Хаслебери в Боксе в Уилтшире, откуда в 1221 году он был отправлен в королевский дворец в Винчестере для колонн зала и для колпаков дымоходов,^[234] Ричард Сайред получил 23 с. 4 д. за вырубку 105 каменных блоков в каменоломне Хесалбури.^[235] Для этих же работ в Винчестере много камня было привезено из хэмпширской каменоломни Селеборн и из более известных каменоломен острова Уайт, а

камнерез был послан за материалом из каменоломни Корф. Последний, несомненно, был тем же самым, что и "твердый камень из Корфа", купленный для Вестминстера в 1278 году.[236] С Корфом и Пурбеком ассоциируется портландский камень, который приобрел наибольшую известность в руках Рена после пожара в Лондоне, но уже в XIV веке был оценен по достоинству, когда его использовали в Эксетерском соборе и в Вестминстере.[237] Восточный Сассекс располагал рядом карьеров местного значения:[238] и карьер зеленого песчаника в Истборне, из которого были построены великие римские стены Певенси и средневековый замок внутри них, вероятно, обеспечили "28 камней Бурне, использованных для окон свода под часовней" в Шене в 1441 году.[239] Другая сассекская каменоломня, Фэрлайт, близ Гастингса, поставляла большое количество камня для Рочестерского замка в 1366 и 1367 годах.[240] Список камня, привезенного в Рочестер в последний год, интересен тем, что показывает различные источники, из которых он был получен.[241] Было куплено 55 тонн пивного камня по цене от 9 до 10 с. за тонну,[242] 62 тонны канского камня по 9 с., 45 тонн камня из Стэплтона[243] по 8 с., 44 тонны камня из Рейгейта по 6 с., 195 тонн камня из Фэрлайта по 3 с. 4d., 1850 тонн тряпок из Мейдстоуна по 40s. за сотню тонн, и большое количество[244] обработанного камня из Боутон-Мунчелси.

Похоже, что кентские каменоломни были особенно благоприятны для изготовления каменных шаров, которыми королевская артиллерия метала в ранние времена мангонели, балисты и другие виды катапульт, а в более поздние - пушки. Так, в 1342 году шериф Кента отчитался о 13 фунтах 10 шиллингов, потраченных на 300 камней, вырытых в каменоломне Фолкстона и извлеченных из моря в разных местах, а затем вырезанных и обточенных в круглые шары для королевских машин; сто весом 600 фунтов каждый, и столько же 500 фунтов и 400 фунтов соответственно; и еще 7 фунтов 10 шиллингов на еще 300 каменных шаров разного веса.[245] Правда, несколькими годами ранее, в 1333 году, подобные шары были получены в Йоркшире: шериф купил 19 дамладов[246] и 3 тонны камня в каменоломне Тадкастера и заставил работать 37 каменщиков, в результате чего было получено 606 каменных шаров весом 9 дамладов,[247] но случайные упоминания указывают на Кент как на крупный центр производства. В 1418 году в Мейдстоне и других местах было заказано изготовление 7000 таких шаров, а каменоломни Мейдстона все еще производили каменную дробь для бомбард в первые годы правления Генриха VIII.[248]

До сих пор мы имели дело с тем, что можно назвать блочным камнем, но во многих частях страны встречались камни, которые благодаря легкости раскалывания на тонкие плиты подходили для кровельных работ. Как рано и в какой степени был обработан настоящий сланец в Корнуолле и Девоне, сказать трудно, но в 1296 году, когда в Мартинестоу возводились некоторые здания для шахтеров, в Бирлонде было добыто 23 000 "склэтов", а в Хассале - еще 10 000.[249] Для кровли зданий в Рестормеле в Корнуолле в 1343 году использовали шифер, 19 500 которого купили "между Голантом и Фоуи" по 11 д. за тысячу, а 85 500 выкопали в каменоломне Бодматган по цене 6 д. за тысячу.[250] Так же и в 1385 году в Лоствители, вероятно, "плитки", из которых 25 400 были куплены "в каменоломне" по цене 3s. 4 д. за тысячу, были настоящим шифером.[251] Но кроме настоящего шифера, который в своем современном единообразном совершенстве делает так много городов отвратительными, существовало множество карьеров каменного шифера, самые известные из которых находились в Колливестоне в Нортансе.[252] Камень из Колливестона после воздействия мороза легко раскалывался на тонкие плиты,[253] и, похоже, использовался для кровельных работ еще во времена римлян. В средневековый период есть множество упоминаний об этих сланцах Колливестона, а в конце XIV века они, по-видимому, стоили от 6 до 8 шиллингов за тысячу.[254] Другие подобные каменоломни с более чем местной славой находились вокруг Хоршема в Сассексе,[255] и Хоршемские сланцы продолжали

пользоваться спросом с ранних времен, пока уменьшившаяся прочность строительства домов не сделала менее весомым и, кстати, менее живописным материал, необходимый для кровли.

Работа по добыче камня считалась неквалифицированным трудом, а заработная плата каменоломен почти всегда равнялась заработной плате обычного рабочего. В Мартинстоу в 1296 году мужчины, "ломающие камень в каменоломне", получали от 1½ д. до 2 д. в день, а женщины, всегда самый дешевый вид труда, - 1 д. в день за переноску камней из каменоломни.[256] Виндзорские счета за 1368 год показывают, что каменоломщики в Бишаме (Бустешаме) получали 3½ д. в день, а один, несомненно, бригадир, 4 д., в то время как 65 000 каменных блоков были вырезаны в "Колингле" по 10 с. за тысячу, а 3500 в Стоундене по 20 с.[257] Тем, кто занимался формовкой грубых блоков, естественно, платили больше, и в 1333 году, в то время как каменотесам в Тадкастере платили 1с. 4 д. в неделю, каменщики, занятые там на изготовлении каменных шаров, получали 2 с. 6d., а их бригады - 3с. в неделю.[258] Часто, однако, оплата была сдельной, и в случае с камнем, вытесанным в Баутон-Мончелси в 1366 году для Рочестерского замка, мы имеем список ставок оплаты: "грубый ясень" работал за 10 с. за сотню, "parpainassheler" - за мульоны, вырезанные по шаблону, - 18 с. за сотню, за шпильки - 12 д. за штуку, за косяки - 3 д. за ступню, за "scu" или скошенные камни - 2 д. за ступню, за voussoirs (*vausur*) - 5 д. за ступню и так далее.[259] Используемые инструменты были простыми; в описи инструментов в каменоломне Стэплтона в 1400 году[260] показано несколько железных клиньев, железных прутьев, "молотков" или ломов, железных молотков, "пулинговых топоров",[261] "бросеаксов" и лопат.

До сих пор мы рассматривали камень как строительный материал, но в Англии в средневековые времена существовали две разновидности камня, ценность которых была скорее художественной, чем утилитарной. Это мрамор и алебастр. Пурбекский мрамор,[262] темный ракушечный конгломерат, способный получить очень высокую полировку, вошел в моду в конце двенадцатого века и продолжал пользоваться большим спросом в течение примерно двухсот лет. Его использовали не только в 1205 году в Чичестерском соборе, но и, судя по всему, за тридцать лет до этого отправили в Дублин и Дарем. Все свидетельствует о том, что мрамор не только добывался в Пурбеке, но и обрабатывался в колоннах и высекался на месте, и вполне вероятно, что большинство, если не все, из десятков мраморных чучел, которые все еще остаются в церквях, например, фигуры рыцарей в церкви Темпл и гробница короля Иоанна в Вустере, были вырезаны представителями пурбекской школы[263] и, как правило, в каменоломнях, хотя в некоторых случаях кажется, что резчик был призван выполнить свою работу в том месте, где она должна была использоваться, и под присмотром своего покровителя. Но как бы мы ни восхищались исполнением этих пурбекских чучел, мы не должны поспешно предполагать, что они имеют какое-то особое сходство с теми, кого они увековечивают; ведь хотя пурбекские резчики, несомненно, были способны выполнять портретную скульптуру, большая часть их работ была, несомненно, условной. Так, в 1253 году Генрих III приказал шерифу Дорсета вырезать из мрамора "изображение королевы" и доставить его в женский монастырь Таррант-Кинстон, где оно должно было быть установлено над могилой его сестры, покойной королевы Шотландии.[264]

Корф был крупным центром мраморной промышленности Пурбека. Уильям из Корфа, выполнивший гробницу "сына короля Генриха" в Вестминстере в 1273 году,[265], вероятно, был Уильямом ле Бландом, братом Роберта ле Бланда, также называемого Робертом из Корфа, который поставлял мрамор для крестов Элеоноры в Уолтеме, Нортгемптоне и Линкольне; а некий Адам из Корфа обосновался в Лондоне в начале четырнадцатого века и

умер там в 1331 году. Этот Адам "мраморщик", похоже, выполнил несколько крупных заказов, включая мощение собора Святого Павла, а в 1324 году поставил большое количество мрамора для колонн собора Святого Стефана в Вестминстере по цене 6 д. за фут.^[266] Та же цена была заплачена в 1333 году за аналогичные колонны, купленные у Ричарда Кэнона,^[267] одного из представителей семьи, которая на протяжении полутора веков играла видную роль в качестве резчиков и торговцев мрамором, особенно в связи с Эксетерским собором.

К шестнадцатому веку, а возможно, и раньше, "Мраморщики и камнерезы Пурбека" объединились в компанию. Согласно правилам компании, в ней работали только свободные люди, и было определено количество подмастерьев, которых можно было нанимать. Эти подмастерья, в свою очередь, могли стать свободными по истечении семи лет после уплаты в суд, состоявшийся в замке Корф в Дрожжевой вторник, 6s. 8 д., а также при выплате пенни за буханку и двух горшков пива. Женам свободных людей также разрешалось вступать в компанию, заплатив 1 шиллинг, и в этом случае они могли продолжать торговлю с помощью подмастерья после смерти мужа. Однако в то время, когда была создана эта компания, вероятно, большая часть их бизнеса была связана со строительным камнем, поскольку в XV веке мрамор вышел из моды и был в значительной степени заменен алебастром для изготовления погребальных памятников.

Алебастр, судя по всему, добывали в окрестностях Татбери в очень ранние времена: некоторые из нормандских лепных украшений западной двери церкви Татбери были вырезаны из этого материала.^[268] В том же районе, в Хэнбери, находится самое раннее известное надгробное изображение в алебастре: оно датируется началом XIV века, но мода на алебастр началась только в середине этого века. Начиная с 1360 года существует великолепная серия алебастровых памятников, которые служат ярким свидетельством мастерства средневековых английских резчиков^[269]. Из записей и свидетельств фрагментов, переживших тройное иконоборчество реформаторов, пуритан и церковнослужителей, ясно, что эти памятники нашли достойных спутников в статуях и резных ризографах, разбросанных по церквям Англии.^[270] Одним из самых прекрасных таких резедо, должно быть, был "стол из алебастра", купленный в 1367 году для главного алтаря собора Святого Георгия в Виндзоре. За него Питеру Мейсону из Ноттингема была заплачена огромная сумма в 200 фунтов стерлингов (более 3000 фунтов стерлингов на современные деньги), а некоторое представление о его размерах можно получить из того факта, что для доставки его из Ноттингема в Виндзор потребовалось десять повозок, каждая с восемью лошадьми, и путь занял семнадцать дней.^[271]

Все свидетельства указывают на то, что Ноттингем был крупным центром промышленности, а материал привозили из дербиширских каменоломен Челластона. И камень, и мастерство изготовления нашли применение за пределами этой страны, и в 1414 году, когда аббату Фекампа понадобился алебастр, он послал своего каменщика Александра де Берневаля в Англию, чтобы добыть его; и именно у Томаса Прентиса из Челластона был куплен камень.^[272] Алебастровая гробница Джона, герцога Бретани, установленная в Нантском соборе в 1408 году, была сделана в Англии Томасом Колином, Томасом Холуэллом и Томасом Поппехоу,^[273] но нет уверенности, что они принадлежали Ноттингему. Различные таможенные отчеты^[274] показывают, что резные алебастровые фигуры часто экспортировались на континент, а мистер Хоуп показал, что ряд резных фигур, которые до сих пор можно увидеть в церквях Франции и даже Исландии,^[275] имеют зеленый фон с круглыми группами красных и белых пятен, характерными для ноттингемской школы.^[276]

Томас Прентис, о котором говорилось выше, в 1419 году в компании с Робертом Саттоном[277] заключил договор о вырезании, покраске и позолоте сложной и красивой гробницы Ральфа Грина и его жены, которую до сих пор можно увидеть в церкви Лоуик, Нортенс, за сумму в 40 фунтов. Изучение этой гробницы позволяет почти с уверенностью утверждать, что славные памятники графу и графине Арундельским в Арунде, Генриху IV и королеве Джоан в Кентербери, графу Уэстморленду и двум его женам в Стейндропе - все из той же мастерской. В последние двадцать лет пятнадцатого и первые тридцать лет шестнадцатого века мы знаем имена нескольких "алебардщиков" и "изготовителей образов" в Ноттингеме,[278] Николас Хилл, в частности, был известен как изготовитель популярных голов Святого Иоанна Крестителя,[279] и в тот же период мы находим несколько "алебардщиков" в Йорке.[280] В Бертоне-на-Тренте, где Леланд в XVI веке упоминает "множество мраморщиков, работающих с алебастром", ремесло, очевидно, было основано в 1481 году, когда Роберт Бочер и Гилберт Твист работали для ряда религиозных домов; И оно все еще процветало в 1581 и 1585 годах, когда Ричард и Габриэль Ройли заключили контракты на сложные гробницы из алебаstra,[281] но для всех практических целей английская школа резчиков по алебастру прекратила свое существование, когда Реформация положила конец спросу на изображения и резные столы.

Алебастр, или гипс, если он не годился для резьбы, все равно превращался в гипс путем обжига, из более тонких сортов получался так называемый парижский гипс, а из более грубых - обычная строительная штукатурка. Упоминаний о фактическом обжиге штукатурки практически нет, но примечательно, что одним из мест, откуда была получена парижская штукатурка для работ в Йоркском минстере, был Баттеркрамб,[282], где находится большое месторождение гипса, который, вероятно, и послужил материалом для йоркских алебастровых мастеров. Точно так же мел, хотя и использовался в некоторой степени для кладки, был наиболее востребован для переработки в известь. При проведении важных строительных работ на месте строительства обычно строили известковую печь для обжига извести, необходимой для раствора. В более ранние времена печь, по-видимому, имела форму ямы, "lymerutt" или, по-латыни, *puteus*, как обычно называли ее, но в 1400 году мы видим, что была построена обычная печь (*torale*), для которой было закуплено 3300 кирпичей и 33 груза глины.[283] Если известь обжигалась в коммерческих целях, то есть на продажу, а не просто для использования на месте, печи, естественно, были более крупными и постоянными, и в отчете XVI века о строительстве восьми таких печей[284] в неназванном месте, предположительно в Кале, показано, что каждая печь была высотой 20 футов, со стенами толщиной 10 футов, средней внутренней шириной 10 футов и стоила более 450 фунтов.

Когда древесины было много, ее, естественно, использовали для обжига извести, и в документе, составленном в 1255 году в отношении Веллингтонского леса, упоминается, что две известковые печи короля (*rees calcis*) уничтожили 500 дубов.[285] Но вскоре выяснилось, что карьерный уголь - лучшее топливо для этих целей, и он постоянно использовался с конца тринадцатого века и далее. В 1278 году для печей (*chauffornia*) в связи с работами в Тауэре было закуплено 1166 четвертей морского угля.[286] По большей части мел и известь, необходимые для работ в Лондоне или Вестминстере, привозили из Гринвича. Кент всегда был одним из крупнейших центров торговли, как внутренней, так и внешней, а в 1527 году,[287], мы видим, как шесть кораблей из голландских портов вывезли из порта Сандвич мела на сумму 20 фунтов стерлингов.[288] В меловых холмах вокруг Чизлхерста лабиринтные галереи огромной протяженности свидетельствуют о процветании добычи мела в этом районе в прежние времена;[289] меньшие каменоломни аналогичного типа существуют в "пещерах" Гилдфорда. Кент, Суррей и Сассекс[290] действительно были заняты добычей

мела в средневековый период и в течение долгого времени после этого, вплоть до наших дней.

ГЛАВА VI ОБРАБОТКА МЕТАЛЛОВ

Английские мастера славились своей работой по металлу со времен святого Дунстана и до наших дней. Святой Дунстан был покровителем ювелиров, его изображение было одним из главных украшений их гильдейского зала в Лондоне, а кольцо его работы находилось во владении Эдуарда I в 1280 году,^[291] в то время как его инструменты, включая те самые щипцы, которыми он дергал дьявола за нос, все еще можно увидеть в Мэйфилде. Переходя к более поздним временам и менее сомнительным свидетельствам записей, мы, вероятно, можем увидеть в Отто Золотых дел мастере, чье имя встречается в Domesday Survey 1086 года, родоначальника семьи Фиц-Ото, королевских ювелиров и мастеров Монетного двора с 1100 по 1300 год.^[292] Сохранились имена многих ранних ювелиров^[293], а прекрасный подсвечник, подаренный аббатству Святого Петра в Глостере в 1110 году и хранящийся сейчас в Южно-Кенсингтонском музее, свидетельствует об их мастерстве. Великие религиозные дома были главными покровителями ремесла, многие из них, как, например, аббатство Сент-Олбанс, насчитывали среди своих прихожан художников с большой репутацией. Знаменитый колледж Беверли включал в свой штат золотых дел мастера^[294], но в 1292 году, когда было решено возвести новую святыню для мощей святого Иоанна Беверлийского, капитул не доверил работу собственному мастеру, а отправил в Лондон в заведение Уильяма Фарингдона, величайшего ювелира того времени. Договор между его слугой, Роджером Фарингдонским, и капитулом Беверли сохранился до наших дней.^[295] По нему капитул должен был предоставить необходимое серебро и золото; Роджер должен был аффинировать его, если потребуется, и поставлять свои угли, зыбучее серебро и другие материалы. Святылище должно было быть длиной 5 футов 6 дюймов, шириной 1 фут 6 дюймов и пропорциональной высоты: дизайн должен был быть архитектурным, а статуэтки, количество и размер которых определялись по усмотрению главы, должны были быть искусной и красивой работы, причем глава оставлял за собой право отвергнуть любую фигуру или орнамент и заставить переделать его. За свою работу Роджер должен был получить вес святыни в серебре, когда она будет завершена, до позолоты. Невозможно установить общее правило относительно пропорции между внутренней стоимостью или весом металла и стоимостью изготовления, но примерно в случае простых изделий из пластины стоимость изготовления может быть установлена на уровне половины веса. Так, в случае с тарелкой, подаренной городом Черному принцу по возвращении из Гаскони в 1371 году^[296], мы находим шесть зарядных ящиков, весом 14 фунтов 18 шиллингов. 9d., что вместе с изготовлением составляет £21, 7s. 2d.; двенадцать "hanappes", или чашек с ручками, весом £8, 12s., что составляет £12, 7s. 7d.; и тридцать солонок, весом £15, 6s. 2d., на сумму £21, 17s. 8d. Плата за изготовление серебряных тазов и умывальников в том же списке составляет около двух третей от веса. Судя по всему, расценки оставались довольно постоянными, так как в 1416 году Уильям Рандольф изготовил четыре дюжины зарядных устройств и восемь дюжин блюд из серебра для короля Генриха V по цене 30 с. за фунт.^[297]

Спрос на серебряные тарелки в поздний средневековый период, должно быть, был очень велик, ведь в каждом доме, имевшем хоть какую-то репутацию, на серванте или комодe стоял сервиз из тарелок. Ничто так не поразило венецианских путешественников в Англии в 1500

году, как это необычайное изобилие и демонстрация; они отметили, что[298] "На одной единственной улице, называемой Стрэнд, находятся 52 лавки ювелиров, настолько богатые и полные серебряных сосудов, больших и маленьких, что во всех лавках Милана, Рима, Венеции и Флоренции, вместе взятых, я не думаю, что можно найти столько великолепных изделий, которые можно увидеть в Лондоне . И все эти сосуды - либо солонки, либо чашки для питья, либо тазы для воды, чтобы держать руки, потому что они разъедают тонкое олово, которое мало чем уступает серебру". Хотя местом жительства ювелиров считается Стрэнд, их главный центр находился на Ломбард-стрит и в Чипсайде, где как раз в то время, когда был написан этот венецианский рассказ, Томас Вуд построил Голдсмитс-Роу с ее десятью ярмарочными домами и четырнадцатью магазинами и четырехэтажным фасадом, украшенным аллюзивными лесными дикарями верхом на чудовищных зверях.[299] Даже в 1637 году предпринимались попытки заставить ювелиров остаться в Чипсайде для большего украшения этой улицы.[300]

Венецианское упоминание о "тонком олове", используемом для изготовления тарелок и блюд, напоминает нам, что золотых и серебряных дел мастера не имели монополии на обработку металлов. Оловянщики, литейщики и такие специализированные ремесла, как кузнецы и шпорочники, играли важную роль в промышленности, и если материалы, из которых они работали, сами по себе были менее ценными, то готовые изделия не стоило презирать даже с чисто художественной точки зрения. Фигуры королевы Элеоноры Кастильской и Генриха III, отлитые Уильямом Торелом, фигуры Эдуарда III и королевы Филиппы работы Хокина из Льежа - вот лишь несколько очевидных примеров - являются великолепными образцами работы основателя. Можно упомянуть и о гробнице Ричарда II и его королевы , над которой Николас Крокер и Годфри Прест, медники, работали четыре года, и за которую они получили 700 фунтов стерлингов.[301] Подробное рассмотрение всех многочисленных отраслей металлообработки выходит за рамки этой книги, но две конкретные отрасли, создание колоколов и пушек, заслуживают того, чтобы остановиться на них более подробно.

Упоминания о колоколах[302] в саксонские времена нередки, но, вероятно, самое раннее упоминание, связанное с их изготовлением, - это запись среди арендаторов аббатства Батл в конце XI века о "Идрике, который отливает колокола (*qui signa fundebat*)".[303] Вероятно, большинство ранних монастырских колоколов отливались в непосредственной близости от монастыря братьями или под их руководством. Но в двенадцатом веке, когда Ральф Бретон дал деньги Рочестерскому соборному приору на колокол в память о своем брате, ризничий отправил разбитый колокол в Лондон для повторного литья.[304] Возможно, мастером, который отлил этот колокол, был Алволд "кампанарий", работавший в Лондоне около 1150 года.[305] Другим ранним изготовителем колоколов был Бенеит ле Сейнтер, шериф Лондона в 1216 году.[306] Г-н Штальшмидт, несомненно, прав, интерпретируя имя этого основателя как "ceinturier" или girdler,[307] , поскольку в тринадцатом веке в Вустере существовала семья, члены которой носили безразличные имена "Ceynturer" и "Belleyeter".[308] Спрос на колокола вряд ли был достаточно велик, чтобы ремесленник мог полностью специализироваться в этой области, и колокольный мастер всегда был в первую очередь литейщиком, а в зависимости от того, что основная часть его торговли заключалась в отливке пряжек и другой фурнитуры для ремней, горшков или колоколов, он был известен как литейщик, гончар или колоколотейщик.[309]

Средневековый английский термин, обозначающий литейщика колоколов, был "bellyeter" (сохранившийся в Лондоне как "Billiter Street", бывший центр этой индустрии), происходящий от англосаксонского *geotan*, "лить": это слово иногда используется

самостоятельно как глагол: в договоре на отливку колокола для Стэнсфилда в 1453 году оговаривалось, что он должен быть "хорошо и достаточно вылит и сделан".[310] Что касается самого процесса,[311] он оставался неизменным в своих основных чертах до сравнительно недавнего времени, и до наших дней дошло значительное количество записей, относящихся к литью колоколов, которые проливают свет на детали этого искусства. Первым шагом было формирование "ядра" - точной модели внутренней части колокола, сделанной из глины. Когда она затвердевала при обжиге, на сердцевину накладывалась "толщина", точно соответствующая проектируемому колоколу; наконец, поверх "толщины" накладывался толстый глиняный "копер". Первоначально, по-видимому, было принято делать "толщу" из воска, который, плавясь при нагревании, растекался и оставлял пространство между сердечником и "толщей" свободным, чтобы туда мог влиться расплавленный металл: возможно, некоторые из ранних колоколов без надписей, которые все еще существуют, были сформированы таким образом, но кажется очевидным, что с конца XIII века от использования воска в Англии отказались, и "толщу" стали делать из суглинка или земли.[312] Глиняный копер, сформованный поверх этого, осторожно поднимался краном, "толща" разрушалась, и копер заново выравнивался, после того как на его внутренней поверхности выбивалась какая-либо надпись или другое украшение. Для того чтобы металл мог напрямую поступать из печи в форму, последняя лежала в яме перед печью. Когда дверцы печи открывались, металл, состоящий из смеси меди и олова, поступал в форму. Если металл был недостаточно текучим, или, если происходила какая-либо проверка, литейщик "терял свой труд и расходы", как это случилось с Генри Мишелем, когда он переделывал большой колокол аббатства Кроксден в 1313 году, и работу приходилось делать заново.[313] Но если работа была выполнена правильно, готовый колокол нужно было настроить, если только, как в случае с собором Святого Лаврентия в Рединге в 1596 году, "не заботились не столько о звоне колокола, сколько о том, чтобы он был громким и далеко слышен".[314]

Настройка производилась путем шлифовки или срезания обода колокола, если нота была слишком плоской, или путем уменьшения его толщины, напильником по внутренней поверхности смычка, если нота была слишком резкой. Для того чтобы уменьшить количество необходимых настроек, необходимо было приблизительно знать соотношение между размером или весом и тоном, и уже во времена правления Генриха III монах из Ившема Уолтер Одынгтонский разработал систему, по которой каждый колокол должен был весить восемь девятых от веса колокола, стоящего выше него по весу.[315] Эта система, восхитительно простая в теории, не могла дать удовлетворительных результатов на практике, и вполне вероятно, что у большинства основателей были свои собственные системы, основанные на опыте и практических наблюдениях. Вопрос о том, правильно ли настроен колокол в унисон с другими колоколами, естественно, приводил к спорам. Когда Роберт Гилдесбург, брадобрей из Лондона, основатель колокольного дела XV века, отлил два колокола для Уитчерча в Дорсете, викарий отказался платить за них, так как, по его словам, они были не в такт. Гилдесбург попросил отдать их на суд Адама Баггеберда, настоятеля Саут-Перета, который приехал, послушал звон и решил, что в них нет недостатков.[316] В случае с колоколами, переделанными для лондонской церкви Святой Марии-ат-Хилл в 1510 году,[317] мы имеем сначала запись о 6½ д., уплаченных "за труд Ревеса и за его перерыв на дорогу из Ладгейта в Алгейт для звона во второй колокол"; а затем, поскольку, очевидно, церковные причетники не были удовлетворены его отчетом, 8 д. заплатили "за вайн и пэры у Скрана в Алгейте для мистера Джентилла, мистера Рассела, Джона Альторпа, Джона Кондалла и кларков из Сайент-Антониса, чтобы они пошли и посмотрели, звонит ли колокол Смайтс или нет". Возможно, решение по четвертому колоколу, отлитому Уильямом Смитом, было неудовлетворительным, поскольку "большой колокол", похоже, был доверен Уильяму

Калвердену, современному основателю, многие из колоколов которого с его ребусом в виде калвера или лесного голубя существуют до сих пор.

Колокол, оснащенный железным звонарем, качающимся на скобе внутри короны колокола с помощью кожаного бодрика, был закреплен на массивной деревянной подставке, снабженной на своих концах пескарями, или железными шарнирами, для работы в бронзовых гнездах рамы, и теперь был готов к подвешиванию на колокольне. Но хотя теперь это был уже готовый "товар", прежде чем созывать верующих в церковь, ему предстояло пройти еще один процесс: колокола обычно, хотя и далеко не всегда, освящали. Так, колокола аббатства Сент-Олбанс были освящены в середине двенадцатого века епископом Сент-Асафом;^[318] и сохранился подробный отчет о посвящении большого колокола "Иисус" в Личфилдском соборе в 1477 году.^[319] В случае с пятью колоколами собора Святого Михаила в Бишопс-Стортфорде, переделанными Реджинальдом Чирчем из Бури-Сент-Эдмундс в 1489 году за 42 фунта стерлингов, дополнительно было заплачено 17s. 6d. было заплачено "за их освящение (*pro sanctificatione*)".^[320] О том, что церемония посвящения включала в себя форму, аналогичную крещению, ясно свидетельствует запись в счетах церкви Святого Лаврентия, Рединг, где в 1508 году мы находим "заплачено за освящение большого колокола по имени Гарри 6s. 8d. И за то, что сэр Уильям Саймис Ричард Клич и госпожа Смит были крестным отцом и крестной матерью на освящении того же колокола и несли все расходы на суфрагана".^[321]

Из ранних центров этой индустрии Лондон, естественно, был самым важным. Два ранних колоколотейщика этого города уже упоминались, но следует отметить, что в определенной степени человек может быть "шакалом на все руки", даже если он мастер в одном, что несколько колоколов для Вестминстерского аббатства были отлиты Эдвардом Фиц Одо, знаменитым ювелиром Генриха III.^[322] Этот монарх, покровитель всех искусств, ежегодно выделял гильдии звонарей Вестминстера 100 тысяч долларов на звон больших колоколов.^[323] Мистер Штальшмидт показал, что центр колоколотейного ремесла находился вокруг Олдгейта и в окрестностях соборов Святого Андрея Ундершафта и Святого Ботольфа вне Олдгейта,^[324] а среди наиболее известных ранних основателей были семья Уимбиш в начале XIV века и Берфорды в конце того же столетия. Современником последних был Уильям Фаундер, чья торговая марка с его именем и изображением двух птиц на условном дереве встречается на ряде колоколов и намекает на его настоящую фамилию, которая, хотя она до сих пор ускользала от историков, явно была Wodeward. Господин Штальшмидт^[325] обратил внимание на запись в "Эмиссионных списках" 1385 года о покупке двенадцати пушек у Уильяма-основателя, но не заметил, что уже в следующем году шестьдесят пушек были куплены у Уильяма Уодеварда,^[326] а в 1417 году другие пушки были предоставлены Уильямом Уодевардом, основателем.^[327]

Среди провинциальных центров можно отметить Глостер, где Хью Беллитер встречается около 1270 года, а Джон Беллитер - в 1346 году.^[328] Последний, предположительно, является мастером Джоном из Глостера, который со своим штатом из шести человек приехал в Эли в 1342 году, чтобы отлить четыре колокола для настоятеля Уолсингема.^[329] Позднее известным колоколотейщиком в Глостере был Уильям Хеншоу, который был мэром в 1503, 1508 и 1509 годах.^[330] Другим представителем этого ремесла, получившим более чем местную известность, был Джон де Стаффорд, мэр Лестера в 1366 и 1370 годах,^[331] который был вызван капитулом Йорка для отливки колоколов для Минстера в 1371 году.^[332] Это тем более примечательно, что Йорк сам был центром этого ремесла, самым известным из основателей которого был Ричард Туннок, представлявший город в парламенте в 1327 году и

умерший в 1330 году, оставив после себя в качестве достойного памятника "окно колокольного мастера" в Йоркском минстере.^[333] На центральной панели этого окна изображен сам Ричард Туннок, стоящий на коленях перед святым архиепископом; на двух других панелях показан процесс изготовления колокола. На одной из них мастер следит за подачей металла в форму из печи, тяга которой обеспечивается сильфонами, работающими от двух молодых людей, один из которых стоит на них одной ногой, а другой держит ручки. Обычно считается, что на оставшейся панели изображена формовка глиняного ядра, но мне кажется более вероятным, что она представляет собой отделку, сглаживание и полировку готового колокола.^[334] Ричард Туннок изображен сидящим, держащим длинный кривой инструмент (похожий на очень большой бумеранг), и с большой осторожностью наносящим его на поверхность колокола, или сердечника, который помощник вращает на примитивном токарном станке, состоящем из двух подставок и кривой ручки. Пространство вокруг каждой панели заполнено рядами колоколов, качающихся в трилистниковых нишах.

Поскольку количество церквей в крупных городах в средневековые времена было гораздо больше, чем в наши дни, и лишь немногие из них довольствовались одним колоколом, большинство крупных городов, особенно те, в которых находились соборы или важные монастыри, имели своих постоянных колоколотейщиков. В случае с Эксетером епископ Питер де Кивиль около 1285 года обеспечил надлежащий уход за колоколами собора, предоставив небольшое поместье в Пейгнтоне Роберту ле Беллитеру в качестве вознаграждения, а Роберт и его наследники были обязаны изготавливать или ремонтировать, когда это необходимо, колокола, органы, и часы собора, а глава оплачивал все расходы, включая еду и питье рабочих, и эти обязательства должным образом выполнялись на протяжении как минимум трех поколений. В 1315 году Роберт, сын Уолтера, сына первоначального Роберта, все еще владел землей на тех же условиях.^[335] Кентербери был еще одним местным центром торговли, и из Кентербери прибыл основатель, который в 1345 году отлил в Дувре пару колоколов, один из которых весил 3266 фунтов, а другой - 1078 фунтов, за каждый из которых ему заплатили по полпенни за фунт.^[336] В Восточной Англии в монастырском городе Бури-Сент-Эдмундс была важная литейная мастерская, один из основателей которой в XV веке использовал в качестве своего товарного знака щит, интересный тем, что на нем изображен не только колокол, но и пушка с ядром, вылетающим из ее пасти. Норвич с его семьюдесятью церквями и собором-приоратом также был оживленным центром этой индустрии. Один из поздних основателей Норвича, Ричард Брасье, похоже, был более искусен, чем прямолинеен, и посвятил часть своего мастерства уклонению от своих обязательств. В 1454 году церковные старосты Стэнсфилда заключили с ним договор на отливку колокола для их церкви, причем половина оплаты должна была быть произведена при доставке, а другая половина - по истечении года и одного дня, если колокол окажется удовлетворительным, а если нет - он должен был отлить для них новый колокол; однако он, пользуясь тем, что они были людьми необучаемыми, опустил последний пункт в договоре, а когда колокол оказался неудовлетворительным, отказался делать новый.^[337] Через несколько лет, в 1468 году, прихожане Милденхолла подали на него в суд за нарушение договора. Было решено, что большой колокол Милденхолла будет принесен прихожанами в "верхаус" Ричарда Брасье и взвешен ими, а затем Брасье должен отлить из металла старого колокола новый теноровый колокол в тон другим, находившимся на шпиле церкви, и гарантировать его, как было принято, в течение года и одного дня, а если он окажется неудовлетворительным, то за свой счет вернуть его в Норвич "на доработку". Они должным образом доставили колокол в мастерскую, но он не стал его отливать; в защиту его адвокат утверждал, что хотя они и привезли колокол, но не взвесили его, и что пока они этого не сделают, он не обязан его отливать. С другой стороны, утверждалось, что это несерьезно, что он мог бы взвесить ее сам, и что в договоре подразумевалось, что она должна быть

взвешена и положена в печь его людьми в присутствии жителей Милденхолла. [338] Был созван суд присяжных, но они не явились, и дело было отложено.

Подавление монастырей, сопровождавшееся конфискацией церковного имущества, в том числе большого количества колоколов, стало грубым завершением средневекового периода развития этой отрасли, что символизирует смерть Уильяма Корвехилла, бывшего субприора Уэнлока, "хорошего колоколотейщика и изготовителя рам для колоколов", в Уэнлоке в 1546 году. [339]

Мы видели, что пушка изображена на щите, использовавшемся в качестве торговой марки одним из колоколотейщиков Саффолка XV века, и литье орудий может стоять в одном ряду с литьем колоколов как одна из самых интересных и важных отраслей ремесла литейщика. Пушки, по-видимому, появились в Англии в начале правления Эдуарда III. В 1339 году в Гилдхолле находилось "шесть латных инструментов, называемых гоннами, и пять ролеров для них же". Также свинцовые гранулы весом 4½ фунта для тех же инструментов. А также 32 фунта пороха для них же". [340] В этом же году пушки использовались англичанами при осаде Камбрея, а также при Креси в 1346 году. В 1365 году для замка Шеппи были поставлены две большие и девять малых "пушек" из меди; [341], но в том, что все они были местного производства, можно сомневаться, хотя о маленькой пушке, отправленной в Ирландию в 1360 году, говорится, что она была куплена в Лондоне, [342], что, конечно, не означает, что она была сделана там. Однако в 1385 году шериф Камберленда включил в свой отчет о ремонте замка Карлайл "расходы, понесенные на изготовление трех медных пушек, которые находятся в указанном замке" [343], и в том же году "Уильям Уодуэй", как мы видели при рассмотрении его работы в качестве колоколотейщика, предоставил двенадцать пушек. В следующем году тот же Уильям Уодевард изготовил для Кале не менее шестидесяти пушек. [344] Поскольку в 1416 году он все еще поставлял снаряды, [345] мы, вероятно, можем отождествить его с "мастером Уильямом Оружейником", который в 1411 году изготовил несколько небольших пушек, две из которых были железными. [346]

Первые пушки изготавливались из бронзы, похожей на ту, что использовалась для колоколов, а когда появилось железо, пушки из этого материала стали делать в виде трубы, состоящей из длинных железных прутьев, расположенных как шесты бочки и скрепленных вокруг железными полосами. Все они были казнозарядными и состояли из двух отдельных частей - ствола и каморы; последняя представляла собой короткий цилиндр, обычно съемный, в который помещался заряд пороха и который затем закреплялся в основании ствола с помощью стремена или подобного приспособления. Двустольные пушки, по-видимому, были довольно распространены, так как в 1401 году восемь одинарных пушек и шесть двойных (дубликатов) были отправлены в Дуврский замок, и столько же - в Шотландию. [347] В описи артиллерии в Бервике-на-Твиде, составленной в то же время [348], различаются пушки, "вделанные в дерево, окованное железом", и "голые"; в ней также упоминаются "две маленькие медные пушки на деревянных палках, называемые handgonnes" - ранний пример стрелкового оружия. В той же описи упоминаются "quarells for gonnes"; а в предыдущем году Генри Робертес, сержант, проживавший рядом с Гилдхоллом, получил 8 фунтов 8 шиллингов за двадцать четыре "quarell gunnes", [349]. Это были ружья, метавшие колчаны или болты, похожие на те, что использовались в арбалетах. [350] Обычными снарядами для больших пушек были круглые каменные шары, такие же, как использовались для мангонел и катапульт со времен римлян, и они поставлялись из каменоломен Мейдстона и других мест вплоть до времен Генриха VIII. Железные "орудийные камни", похоже, стали изготавливать не ранее конца XV века, а "деревянные шары для пушек", которых в 1387 году в

Дувре было 350 штук,[351] вряд ли оказались успешными, но свинец обычно использовался для небольших орудий с самого раннего времени.

Лондон был главным центром производства орудий, но в 1408 году в Бристоле была изготовлена железная пушка[352], а пять лет спустя Джон Стивенс из Бристоля получил приказ проконтролировать изготовление еще одной.[353] В 1408 году была изготовлена "некая большая пушка, недавно изобретенная самим королем";[354], предположительно, это была "большая железная пушка под названием Kyngesdoughter", которая вскоре после своего рождения была разбита при осаде Харделага.[355] Kyngesdoughter", вероятно, была изготовлена в Тауэре, как и три другие железные пушки того же времени, еще четыре были изготовлены в Саутварке, а две меньшие - Энтони Ганнером, возможно, в Вустере, поскольку одна из них была испытана там и сломалась во время испытания; из шести бронзовых пушек того же времени самая большая, "Мессаджер", весом 4480 фунтов, и две маленькие были сломаны при осаде Аберистута. Жизнь пушки в те времена, похоже, была короткой, а жизнь канонира - нестабильной.[356] В 1496 году, когда правительственный полигон находился в Майл-Энде, Блейзу было выдано 13 с. 4d. было выдано Блейзу Балларду, канониру, "на лечение его рук и лица, недавно пострадавших в Майлз-Энде от удачного выстрела из пушки"[357], и это не единственный намек на то, что это оружие иногда было столь же опасно для его пользователей, как и для врагов.

Немцы и голландцы были особенно искусны в изготовлении пушек, и мы находим Мэтью де Вленка "гончаром" на службе у Ричарда II,[358], а Годфри Гойкина, одного из четырех "оружейников" из Германии, служивших Генриху V. в последние годы его правления,[359], наняли в 1433 году, чтобы закончить три большие железные пушки, которые начал делать Уолтер Томассон.[360] Эти пушки метали шары диаметром четырнадцать, шестнадцать и восемнадцать дюймов, соответственно, так что, предположительно, это были "бомбарды" или мортиры, и, вероятно, они были похожи на одну, найденную во рву замка Бодиам, а теперь в Вулвиче;[361] ядро этого образца, калибром 15 дюймов, чугунное, а внешний корпус состоит из ряда полос кованого железа, и, вероятно, он был сделан в Сассексе. Именно в этом графстве, в Ньюбридже в Эшдаунском лесу, Саймон Баллард в 1497 году отлил большое количество железной дроби,[362] для бомбард весом до 225 фунтов каждая, так что их приходилось устанавливать в пушки с помощью "дробовых люлек":[363] для куртоусов дробь весила 77 фунтов, для полукуртоусов - 39 фунтов, для "больших серпантин" - 19 фунтов, а для обычных "серпантин" - 5 фунтов. Этот же Саймон Баллард был зачислен в ряды артиллеристов во время корнуоллского восстания под предводительством Перкина Уорбека ().[364] Точно так же мы находим "Питера Робарда, он же Граунт Пьер", железоделателя из Хартфилда,[365], описанного как "гонщик", и отливающего "пеллеты" по 6 д. в день в 1497 году.[366] В том же году десять "фауконов" (небольших пушек, стрелявших шарами весом около 2 фунтов) были изготовлены Уильямом Фрезе, основателем[367], по цене 10s. а восемь фауконов из латуни сделал Уильям Ньюпорт,[368], который был лондонским колоколотейщиком,[369], а Джон Кроучард починил старый серпентайн, который сделал Джон де Чалоун, и снабдил его "10 застежками для трогательных отверстий разных гоннов с 5 олиеттами и 14 скобами" весом 53 фунта по 2 д. за фунт, а также "7 лентами из ирена, сделанными для мутов большого гонна".[370] Корнелису Арнольдсону в то же время заплатили за починку пяти больших серпентин" и изготовление двух новых камер к ним, за "5 передних замков с шейными накладками к указанным гоннам", за "рукояти, сделанные к камерам", и за "вернисаж и правку" пушек.[371]

В начале правления Генриха VIII за границей были сделаны крупные закупки пушек у Ганса Попенрейтера и Льюиса де ла Фава из Мехлина, у Стефана из Сент-Иаго, у Фортуну де Каталенго и у Джона Кавальканте из Флоренции, который также, в обмен на предоставление квасцов, согласился импортировать селитру на сумму 2400 фунтов стерлингов.[372] Но английские литейные мастерские не бездействовали: Хамфри Уокер, лондонский оружейник, поставил пятьдесят орудий по 12 с. за фунт, а также много дробы,[373] в то время как Корнелис Джонсон, "гончар", делал и ремонтировал орудия для военного флота.[374] Джон Аткинсон, еще один основатель, в 1514 году получил 2s. "за 8 кусков глины для изготовления форм для большой пушечной палаты" и еще 8 д. за 5 фунтов волоса "для закалки глины"; ему также поставляли латы и железную проволоку, а Джон Даусон сделал несколько железных изделий, включая "круглую пластину для дна палаты, длиной 4½ фута, с 10 круглыми крюками; круглую пластину с кроссом для устья палаты; 36 полос длиной 4 фута для обмотки палаты; ... 6 пинн из хардирона, 2 хокса, стамме, кеспиль и т.д.". [375]

Средневековый период изготовления пушек закончился с открытием около 1543 года способа отливки железных пушек целиком с последующей их расточкой. Это открытие обычно приписывается Ральфу Хогге из Бакстеда и Питеру Боде, его французскому помощнику, и привело к тому, что железоделательные районы Уолд в Сассексе и Кенте стали главным центром производства боеприпасов.[376]

ГЛАВА VII

КЕРАМИКА, ЧЕРЕПИЦА, КИРПИЧИ

Производство глиняных сосудов было одним из самых ранних, а также одним из самых распространенных видов промышленности. С конца каменного века и по сей день везде, где можно было найти подходящую глину, гончар занимался своим ремеслом. Римляне, которые довели гончарное искусство до высокого уровня, внедрили усовершенствованные методы в Британии, где многочисленные остатки печей и бесчисленные фрагменты керамики свидетельствуют о промышленности и индивидуальности романо-британских гончаров. Было выявлено несколько совершенно разных типов керамики, которые можно отнести к определенным местам. Большое количество черной и серой посуды, состоящей из предметов обычного домашнего обихода, украшенных в основном только широкими полосами более темного или светлого оттенка, было изготовлено в Кенте около реки Медуэй, а самые тонкие образцы связаны с Апчерчем. Из гончарных мастерских в Нью-Форест[377] поступали вазы более декоративного и художественного исполнения, но именно окрестности Кастора в Нортгемптоншире занимали в римские времена то место, которое в недавние времена занимал Стаффордшир. Вокруг Кастора было найдено множество печей,[378] а своеобразная темная посуда с самоцветным украшением из шликерного фарфора встречается по всей Англии, а также на континенте.

Романо-британские печи были найдены в большом количестве мест, одни из наиболее хорошо сохранившихся - в Касторе,[379] в Лондоне,[380] в Колчестере,[381] Рэдлетт (Herts.),[382] и Шептон-Маллет (Somerset).[383] В целом они состояли из круглой ямы диаметром от 4 до 6 футов, вырытой на глубину около 4 футов: в ней был плоский глиняный пол, поднятый на 2 фута от дна ямы центральным постаментом. В пространство между этим полом, или столом, и дном ямы поступали горячий воздух и дым из небольшой печи, построенной с одной стороны ямы, или собственно печи. На глиняном столе, пронизанном

отверстиями для прохода тепла и дыма, стояли глиняные сосуды для обжига, которые выстраивались слоями уменьшающегося диаметра в куполообразную или коническую структуру, слои разделялись травой, покрытой глиной, затем все засыпалось глиной, оставляя только отверстие в центре сверху,[384] и печь зажигалась.

Ранние средневековые печи, по-видимому, были очень похожи по конструкции на те, что были описаны выше, или даже еще проще. Если мы примем буквально утверждение, что гончар из Скиптона заплатил 6s. 8d. в 1323 году "за валежник и подлесок, чтобы обжигать свои горшки"[385], то можно предположить, что здесь использовалась примитивная комбинация печи и обжига в одном. В более поздний период обычная конструкция, вероятно, была похожа на те, что были найдены в Рингмере, в Сассексе,[386], которые, по-видимому, относятся к пятнадцатому веку. Здесь печи строились из кирпичей или блоков из глины, сцементированных песчаным суглинком, который стекленел под воздействием тепла, которому он подвергался. В полах печей были проложены продольные проходы, перекрытые узкими арками, промежутки между которыми служили для передачи горячего воздуха к наложенным глиняным сосудам. В очаги через арочные отверстия в их торцах закладывали древесный уголь.

Чтобы сделать керамику непористой, ее необходимо было покрыть глазурью,[387] и с раннего периода для этой цели использовался свинец. В описании этого процесса, относящемся к XII веку, говорится[388], что поверхность вазы сначала смачивается водой, в которой варилась мука, а затем посыпается свинцом: после этого она помещается в большой сосуд и обжигается на при умеренном огне. Этот процесс дает желтую глазурь, но если требуется зеленый цвет - а именно зеленый цвет чаще всего использовался в Англии в средневековый период - к свинцу добавляют медь или бронзу. Тот же авторитет дает рецепт бессвинцовой глазури: обожженную гончарную землю измельчают в порошок и промывают, а затем смешивают с половиной веса необожженной земли, не содержащей песка; затем все это разводят маслом и наносят краску на поверхность вазы.

Гончары упоминаются в Бладоне (Оксон.), Хасфилде (Глокс.) и Вестбери (Уилтс.) в Domesday,[389], но кроме случайных упоминаний в названиях мест[390] и в описаниях людей[391] документальная история ранней английской керамики скудна. Кингстон на Темзе, возможно, был ранним центром торговли, поскольку в 1260 году судебным приставам этого города было приказано отправить тысячу кувшинов дворецкому короля в Вестминстер.[392] В Граффаме, в Сассексе, в 1341 году одним из источников дохода викария был "сбор с людей, делающих глиняные горшки, который стоит 12 д.",[393], но наиболее распространенной формой записи является запись о суммах, выплаченных гончарами за разрешение копать глину. Так, в Ковике в Йоркшире,[394] в 1374 году, было "получено 4 фунта 16 шиллингов от гончаров, делающих глиняные сосуды, за глину и песок, взятые на болоте Ковика". Подобные записи встречаются здесь каждый год на протяжении примерно столетия, а в Рингмере, в Сассексе, небольшие пошлины в размере 9 д. за голову ежегодно платили около полудюжины гончаров на протяжении более двухсот лет.[395] Еще раньше, в 1283 году, арендная плата в размере 36 с. 8d., называемая "Поттересгавель", была выплачена лорду поместья Мидхерст.[396]

Тип производимой керамики, похоже, не сильно различался в разных районах.[397] В Линкольне, похоже, было принято украшать некоторые сосуды с помощью штампов: некоторые из этих штампов в виде голов можно увидеть в Британском музее. Но использование штампов для украшения керамики встречается и в Гастингсе. Одна

отличительная разновидность глиняной посуды, однако, возникла в начале XVI века: это тонкая твердая керамика темно-коричневого цвета, хорошо глазурированная и обычно украшенная сложными узорами из белого шликера. Из-за того, что ее в больших количествах находили в цистерцианских аббатствах Йоркшира - Кирксталле, Джервалксе и Фаунтейнсе - она получила название "цистерцианская посуда", но в настоящее время нет прямых доказательств места ее производства.[398]

С гончарным делом тесно связано производство черепицы, материалом для которой в каждом случае служит глина, а используемые печи практически идентичны. В какой период в Англии возобновилось производство черепицы, прекратившееся после римской оккупации, точно не известно, но с начала XIII века она играет все большую роль в записях о строительных работах. Частота пожаров и их разрушительный эффект там, где использовались соломенные крыши, вскоре привели к использованию черепицы для кровельных работ в городах, даже если власти не сделали ее использование обязательным, как это было сделано в Лондоне в 1212 году и гораздо позже, в 1509 году, в Норвиче.[399] Для безопасности города было важно иметь большой запас черепицы, доступной по низкой цене, и в 1350 году, после того как Черная смерть привела к сильному росту цен на рабочую силу и промышленные товары, городской совет Лондона установил максимальную цену на черепицу в 5s. за тысячу,[400] а в 1362 году, когда сильная буря сорвала крыши со многих домов и создала большой спрос на черепицу, они приказали не повышать цены на черепицу, а производителям продолжать делать черепицу как обычно и выставлять ее на продажу, не задерживая ее для повышения цены.[401] Вероятно, именно такое же понимание общественной пользы побудило власти Вустера в XV веке запретить плиточникам создавать гильдии или профсоюзы, запрещать чужакам работать в городе или устанавливать ставку заработной платы.[402]

Вустерские правила также предписывали маркировать все плитки знаком изготовителя, чтобы можно было отследить любые дефекты размера или качества. Ранее в том же веке, в 1425 году, в Колчестере было много жалоб на отсутствие единообразия в размерах производимых там плиток[403], и, наконец, в 1477 году возникла необходимость принять Акт Парламента, регулирующий производство.[404] Согласно этому акту, глина должна быть выкопана или отлита до 1 ноября, перемешана и перевернута до начала февраля, а черепица изготовлена не ранее марта, чтобы обеспечить ее надлежащую выдержку. Необходимо следить за тем, чтобы не было никаких примесей мела, мергеля или камней. Стандартный размер обычной черепицы должен составлять 10½ дюйма на 6¼ дюйма при толщине не менее 5⁄8 дюйма; коньковая или гребневая черепица должна быть 13½ дюйма на 6¼, а водосточная - 10½ дюйма в длину, достаточной толщины и глубины. Были назначены досмотрщики, которым платили по пенни с каждой тысячи простых черепиц, по полпенни с каждой сотни гребней и по фартингу за каждую сотню осмотренных угловых и водосточных черепиц. Нарушение правил влекло за собой штрафы в размере 5 с. за тысячу простых, 6 с. 8 д. за сотню гребней и 2 с. за сотню проданных угловых или водосточных плиток. Размер черепицы, вероятно, является декларацией обычая, а штраф - ценой, по которой каждый вид обычно продавался в пятнадцатом веке".[405]

Эти правила проливают определенный свет на процессы, используемые при изготовлении черепицы, а дополнительные подробности можно почерпнуть из серии счетов, относящихся к большому черепичному заводу в кентском поместье Уай,[406], охватывающих период с 1330 по 1380 год. В 1355 году в десяти печах (*furni*) было произведено 98 500 простых, или плоских, плиток, 500 "festeux"[407] (коньковая или водосточная плитка) и 1000 "углов". Копка

глины и обжиг печей были заказаны по 11 с. за печь, для топлива была закуплена тысяча фугасов[408] стоимостью 45 с., и еще 10 с. ушло на перевозку глины и фугасов. Таким образом, общие расходы составили 8 фунтов 5 шиллингов, а поскольку простая плитка продается здесь за 2 шиллинга. 6 д. за тысячу, фестоны по три фартинга за штуку, а углы по 1с. 8 д. за сотню, стоимость продукции составила около 14 фунтов 15 шиллингов. В 1370 году, когда тринадцать печей, принадлежащих двум плиточным мастерским, произвели 168 000 простых плиток, 650 фесте и 900 углов, мы имеем более подробный отчет. Дрова для каждой печи были заготовлены по 15 д.; глина для шести печей одной плиточницы была "отлита" по 14 д. за печь и "закалена" по 1 с. 6 д., а для семи печей другой плиточницы оплата производилась зерном. Глина доставлялась в шесть печей за 4 с., а подготовленная[409] для формовки в плитки - за 7 с.; собственно изготовление и обжиг[410] плиток оплачивались по 14 с. за печь, и еще 12 с. давали в качестве вознаграждения плиточникам. В следующем году объем производства значительно сократился, поскольку в одной из печей "верхний ход печей (*cursus furni*) не пропек изразцы полностью, и не пропечет их до тех пор, пока не будет сделан обширный ремонт", а в другой печке было готово только четыре печи, и одну из них пришлось оставить необожженной до следующего года из-за нехватки рабочих. Возможно, именно для упомянутой неисправной печи в 1373 году был сделан "новый свод" стоимостью 6с. 8 д. - и еще 8 д. на приобретение суглинка (*limo*) для работы. Двумя годами позже были отремонтированы здания тилерии, которые снесло ветром. Но главный удар по промышленности здесь был нанесен растущими трудностями с поиском рабочих. Возможно, работа была нездоровой, поскольку примечательно, что гончары Рингмера не раз были уничтожены мором:[411] последствия Черной смерти 1350 года для плиточников Уай не описаны, но в 1366 году в результате второго мора две небольшие плиточные мастерские, одна площадью в три каравана, а другая в 1½ акра, которые были арендованы за 7 ден. ед. и 14 д. соответственно, потеряли своих арендаторов, а в 1375 году упоминается о нехватке рабочих, "которые умерли во время моровой язвы во время изготовления плитки". В 1377 году Питер из Гейта,[412], который в течение последних нескольких лет нанимал несколько печей по 20 с. за штуку, ответил только за четыре печи "из-за помех рабочим, которые были назначены для охраны морского побережья, и из-за большого количества дождей осенью, которые не позволили ему обжечь больше печей". В том же году, а также два года спустя еще одна тилерия не работала из-за нехватки рабочих рук.

Плиточники в Уайе принадлежали аббату Батла, а в самом Батле печи для обжига плитки существовали в XVI веке,[413] и, вероятно, гораздо раньше, поскольку в соседнем приходе Эшбернхем в 1362 году было "здание под названием Тайлехаус для обжига (*siccandis*) плитки".[414] Примерно в то же время, в 1363 году, мы находим "участок земли под названием Тегелерехельде" в Хакингтоне,[415] недалеко от Кентербери, пожалованный Кристиану Белсиру, в семье которого он оставался более века, поскольку в 1465 году Уильям Белсир сдал в аренду Джону Аппису и Эдмунду Хелере из Кентербери "тилеост с рабочим домом", лежащий в Тайлернехельде в Хакингтоне, на два года за аренду в 26s. 8d.[416] Вместе с "тайлеостом" Уильям Белсир передал 15 000 "тайловых штандартов" стоимостью 18 д. за тысячу, восемьдесят "палетных бордов и три длинных борда для стен келле".[417] Различные строительные отчеты показывают, что в Смитфилде были обширные черепичные мастерские; для Гилфордского замка черепица поставлялась из Шалфорда, а для Виндзора - в основном из "ла Пенне". На севере страны до конца XIII века черепицу изготавливали в Халле, а также в других местах, но одним из главных центров был Беверли. Около 1385 года монахи из Мо пожаловались, что "некие рабочие из Беверли, называемые плиточниками, изготовителями и обжигателями плит (*laterum*), которыми покрыты многие дома в Беверли и других местах", посягнули на земли аббатства в Вагене и Саттоне, без разрешения забирая глину между берегами и течением реки Халл, чтобы переработать ее в плитку. Монахи

конфисковали их инструменты, весла, и, наконец, одну из лодок, но губернатор Беверли, в чьем ведении находились плиточные мастерские, поддержал плиточников в их праве копать глину в любом месте, покрытом водами Халла в его верхнем течении.[418] Примерно за тридцать лет до этого, в 1359 году, в списке обычных городских пошлин в Беверли значилось "с каждой печи плиточника, обожженной на ½ д." [419], а в 1370 году Томас Уайт, плиточник, взял у городских властей в аренду на четыре года плиточную мастерскую Олдебека с арендной платой в 6000 плиток.[420]

До сих пор мы имели дело с кровельной черепицей, или "такетиллами", но с середины XIV века все чаще встречаются упоминания о "вальтилах", или кирпичах. Для строительства новой палаты в Эли в 1335 году было изготовлено около 18 000 стеновых плиток (*tegularum muralium*) по цене 12 д. за тысячу.[421] Похоже, что они были привезены из Фландрии и часто называются "Flaundrestiehl"[422], как, например, в 1357 году, когда тысяча была куплена для камина в Вестминстере по цене 3s. 2d.[423] В Беверли в 1391 году три человека приобрели у гильдии Святого Иоанна право брать землю в Гровальдайке, выплачивая за это ежегодно 3000 "вальтилей"[424], а в 1440 году Роберт Коллард, мастер по производству черепицы, взял "ле Гровальдайк на западной стороне ле демминг" за аренду в 1000 "вальтилей".[425] Вероятно, именно в отношении кирпичных печей, а не обычных печей для обжига черепицы, в 1461 году были разработаны правила[426], предписывающие "из-за зловония, загрязнения воздуха и уничтожения фруктовых деревьев никому не делать печи для обжига черепицы ближе к городу, чем сейчас находятся печи, под страхом штрафа в 100 пенсов". Термин "кирпич", по-видимому, вошел в обиход не ранее 1450 года, примерно в это время использование этого материала стало повсеместным.

Помимо черепицы для крыш и стен, существовала и напольная плитка. Упоминания о них встречаются во многих строительных отчетах. В Виндзоре в 1368 году "павен-тилл" стоил 4 с. за тысячу, а большой сорт - 2 с. за сотню, в то время как обычная черепица стоила 2 с. 6 д. за тысячу.[427] Вероятно, это была обычная красная черепица, но в Вестминстере в 1278 году упоминается о покупке "четверти с половиной желтой черепицы" за 7d.[428] Плитка с глазурованной поверхностью желтого или зеленого цвета часто встречается в средневековых зданиях, а во многих церквях и монастырских руинах тротуары из инкрустированной, так называемой "энкаустической", плитки сохранились в более или менее полном виде.[429] В случае с инкрустированной плиткой узор оттискивался или вырезался перед запеканием, а затем заполнялся белым шликером, и все это обычно покрывалось глазурью. Некоторые из созданных таким образом узоров отличаются большой красотой и проработанностью, и кажется, что они часто разрабатывались, если не изготавливались, членами монастырских домов. Самые лучшие из известных серий - те, что были обнаружены в аббатстве Чертси, и возможно, что замечательные образцы в доме главы Вестминстерского аббатства,[430], которые датируются ок. 1255 г., выполнены тем же художником. В случае с аббатством Дейл в Дербишире[431] и приорствами Рептон и Малверн[432] были обнаружены печи, использовавшиеся для изготовления этих инкрустированных плиток, а подобные печи, не связанные, насколько известно, с каким-либо религиозным учреждением, были также найдены в Гастингсе.[433] Производство инкрустированной плитки в Англии постепенно сошло на нет к концу XV века и возродилось лишь в последние годы.

Любопытно, что, хотя существует множество косвенных доказательств существования стеклоделия в Англии в средневековый период, прямые записи о нем крайне скудны и практически ограничиваются одним районом. С первых лет XIII века в Чиддингфолде и соседних деревнях на границе Суррея и Сассекса производилось большое количество

стекла. Лауренс Витрариус (стекольщик) упоминается как землевладелец в Чиддингфолде около 1225 года, а примерно пятьдесят лет спустя есть случайная ссылка на "ле Овенхусфельд", предположительно поле, на котором находилась печь или печной дом, остатки которого были обнаружены несколько лет назад.[434] Возможно, что в случае со стеклоделием, как и во многих других отраслях, усовершенствования вносились из-за рубежа. В 1352 году мы видим, что Джон де Алемайгн[435] из Чиддингфолда поставляет большое количество стекла для часовни Святого Стефана в Вестминстере.[436] В одной партии он отправил триста три вей (*pondera*) стекла, вей весил 5 фунтов, а сотня, состоящая из двадцати четырех вей, составляла, так сказать, "длинную сотню" весом 120 фунтов. Чуть позже он отправил тридцать шесть вей, а вскоре после этого в Чиддингфолде было куплено еще шестьдесят вей, вероятно, у того же изготовителя. Цена в каждом случае составляла 6 д. за вей, или 12 с. за сотню, к которой нужно было добавить около 1 д. за вей за перевозку из Уолда в Вестминстер. В январе 1355-6 гг. у того же мастера было куплено четыре сотни стекол для окон часовни Святого Георгия в Виндзоре по цене 13 с. 4 д. за сотню.[437]

К концу XIV века семья Шертерр, или Шортер, стала заметной в районе Чиддингфолд,[438] , и после смерти Джона Шертерра в 1380 году его вдова наняла Джона Глазеврита из Стаффордшира для работы в стекольном цехе на шесть лет, получая 20 д. за каждый сноп (*sheu*)[439] "бродегласса" (*т.е.* оконного стекла) и 6 д. за каждую сотню изготовленных стеклянных сосудов. Это интересно как свидетельство того, что стеклянные сосуды здесь производились; однако данные инвентаризации показывают, что стекло в целом очень мало использовалось для столовых целей, хотя в домах богатых людей можно было найти несколько предметов красивой итальянской стеклянной посуды. Семью Шортер сменили Ропли, а их в свою очередь - Пейто, которые занимались торговлей на протяжении всего шестнадцатого века и до 1614 года, таким образом, полностью перекрывая современный период стеклоделия, начавшийся с приездом *джентильшом Веррье* из Франции в начале царствования Елизаветы.[440]

Стекло, должно быть, делали и во многих других районах, где было много топлива и песка, основных компонентов для производства, но трудно определить места, где бы ни находилось это производство. В 1352 году Джон Геддинг, стекольщик, был послан в Кент и Эссекс, чтобы добыть стекла для собора Святого Стефана в Вестминстере,[441] , но куда он отправился и был ли он успешен, неизвестно. Английское стекло" использовалось в Дареме в 1397 году,[442] и в Йорке в 1471 году.[443] Для Йоркского минстера шестнадцать листов (*tabulae*) английского стекла были куплены у Эдмунда Бордейла из Брэмли Баттес за 14s. 8d. в 1478 году,[444] , а в более ранний период, в 1418 году, мы находим три шва, три вейса белого стекла, купленные у Джона Гласмана из Ругли (*Ruglay*) по цене 20s. за шов из двадцати четырех вейсов,[445] , но были ли эти люди производителями стекла, или просто торговцами стеклом, определить невозможно. О том, что эта отрасль, по крайней мере, что касается настоящих витражей, не процветала в Англии в XV веке, говорит тот факт, что Генрих VI в 1449 году привез из Фландрии Джона Утима для изготовления стекла всех цветов для Итонского колледжа и колледжа Святой Марии и Святого Николая (*т.е.* Королевского) в Кембридже. Он был уполномочен получать рабочих и материалы за счет короля, и ему и его семье была предоставлена полная защита. Ему также разрешалось продавать изготовленное им стекло за свой счет, а "поскольку указанное искусство никогда не использовалось в Англии, и указанный Джон должен обучать людей многим другим искусствам, никогда не использовавшимся в королевстве", король предоставил ему монополию, и никому другому не разрешалось использовать такие искусства в течение двадцати лет без его лицензии под

штрафом в 200 фунтов стерлингов.[446] Большинство стекла, о котором мы имеем хоть какие-то сведения, покупалось через стекольщиков крупных городов; но в какой степени они сами изготавливали стекло, мы сказать не можем. Определенное количество, особенно цветного стекла, было импортировано, и счета Йорка показывают "стекло различных цветов", купленное в 1457 году у Питера Фодкента, "дохмана" (т.е. немца), в Халле,[447] "реннишское" стекло, купленное в 1530 году, бургундское стекло в 1536 году и нормандское стекло в 1537 году,[448] в то время как в 1447 году мы видим, что душеприказчики графа Уорика оговаривают, что никакое английское стекло не должно быть использовано в окнах его часовни в Уорике.[449]

Любому, кто знает красоту английских витражей, это условие может показаться странным, но следует помнить, что наши соборные окна получают свою славу не от создателя, а от художника, и что стекло - это лишь носитель замыслов художника. Английское стекло, как правило, во всяком случае до XV века, было белым и получало свой декор уже после того, как покидало стеклянную мастерскую. Об этом процессе можно судить по рассказу о соборе Святого Стефана в 1352 году. Здесь мы видим Джона из Честера и еще пятерых мастеров-стекольщиков, которые за шиллинг в день рисовали эскизы для окон на "белых столах", предположительно плоских деревянных досках, которые промывали элем,[450] который, несомненно, служил в качестве размера или среды, чтобы краски не растекались. Около дюжины стекольщиков за 7 ден. в день занимались покраской стекла, а около пятнадцати, за 6 ден. в день, резали или разбивали стекло и соединяли его,[451] что они, очевидно, делали, накладывая его на нарисованные узоры, что, предположительно, делалось до покраски. Стекло, разрезанное таким образом на удобные формы, удерживалось над рисунком с помощью "клозингналей", а после окраски соединялось с помощью проводов, для заполнения стыков использовалось сало или жир. Для росписи использовались серебряная фольга, арабик, струйная краска (*gem*) и "арнемент" (разновидность чернил).[452] Возможно, более яркие цвета получались за счет использования кусочков витражного стекла, так как закупались рубиновое, лазурное и сапфировое стекло.

ГЛАВА VIII

ПРОИЗВОДСТВО ШЕРСТИ

Как бы ни была важна торговля шерстью, на протяжении веков являвшаяся главным источником богатства Англии, ее история, относящаяся скорее к сфере торговли, чем промышленности, нас здесь не касается, и мы можем проигнорировать сырье, чтобы заняться изготовлением изделий. Чтобы адекватно описать обширную и сложную историю сукноделия, потребуется объемный том, как эта книга, даже если провести черту на введении новых драпировок протестантскими беженцами во времена Елизаветы, и все, что здесь возможно, - это кратко изложить эту историю.

Ткачество ткани имеет доисторическую древность, орудия труда были найдены в древней деревне на озере Гластонбери и на других более ранних участках, но документальные свидетельства можно отнести к двенадцатому веку. К середине того же столетия в некоторых центрах эта отрасль настолько развилась, что ткачи Лондона, Винчестера, Линкольна, Оксфорда, Хантингдона и Ноттингема, а также фулеры Винчестера объединились в гильдии, которые были достаточно богаты, чтобы ежегодно выплачивать королю от 40 до 12 фунтов стерлингов за различные привилегии, которые практически равнялись монополии на обработку ткани в их округах.[453] Если это были главные, то далеко не единственные центры

производства. Стамфорд,[454] на границе Линкольншира и Нортанса, был еще одним; Глостер,[455] ; красильщиков можно найти в Вустере[456] в 1173 году, а в Дарлингтоне[457] десятью годами позже.

К двенадцатому веку также относятся замечательные "законы ткачей и фуллеров" Винчестера, Мальборо, Оксфорда и Беверли.[458] Все они, очень похожие друг на друга и либо основанные, либо тесно связанные с правилами, действовавшими в Лондоне, показывают, что суконщики находились в состоянии подчинения, которое трудно объяснить. Вкратце они гласят, что ни один ткач или сукнодел не имеет права торговать сукном или продавать его никому, кроме городских купцов, и что если кто-либо процветает и хочет стать свободным горожанином, он должен сначала отказаться от своего ремесла и избавиться от всех связанных с ним орудий, а затем убедить городских чиновников в своей способности поддерживать свое новое положение, не работая своим прежним ремеслом. Но самое необычное положение, встречающееся во всех этих законах, заключалось в том, что ни один фуллер или ткач не мог нападать или свидетельствовать против "свободного человека". Здесь ясно, что "свободный человек" используется не в противоположность холопу,[459] а как подразумевающий человека, обладающего полным правом голоса в своем городе, другими словами, члена управляющей купеческой гильдии или аналогичного органа. Вероятно, английская торговля сукном, которая была очень обширной в двенадцатом веке, полностью находилась в руках капиталистических купцов-суконщиков, во всяком случае, в тех больших городах, о которых идет речь, и они объединились, чтобы помешать членам ремесленных гильдий суконщиков получить доступ в купеческие гильдии. Поскольку хартия, данная лондонским ткачам Генрихом II в начале его правления, подтверждает их права и привилегии, которыми они обладали во времена Генриха I, и предписывает, чтобы никто не смел причинять им вред или вражду,[460] можно предположить, что эти ограничительные правила были составлены во времена Стефана. В качестве даты, когда они были собраны, очевидно, в качестве прецедентов для использования в Лондоне, можно указать 1202 год, в котором жители Лондона заплатили шестьдесят марок королю Иоанну за отмену гильдий ткачей.[461]

Любопытно, что большинство современных авторов считают, что торговля английскими тканями практически началась с приходом фламандских ткачей Эдуарда III. При этом постоянно утверждается[462], что до этого ткань, производимая в Англии, была очень низкого качества и исключительно для домашнего потребления. Оба утверждения неверны. Очень большая часть местного сукна, безусловно, была грубым "бюрелем", таким, как тот, из которого 2000 эллов были куплены в Винчестере в 1172 году для солдат в Ирландии,[463] или еще более грубым и дешевым корнуэльским бюрелем, который был роздан бедным королевским алмонером примерно в это время.[464] На другом конце шкалы были алые ткани, которыми рано прославились Линкольн и Стэмфорд. Алое сукно, окрашенное, если не изготовленное на месте, было куплено в Линкольне для короля в 1182 году по непомерно высокой цене 6s. 8d. за элл, что в переводе на современные деньги составляет около 7 фунтов стерлингов. В то же время "одеяльная" и зеленая ткань стоила 3s. за элл, а серая - 1s. 8d.[465] Тридцать лет спустя на важность торговли указывает включение в Магна Карту раздела, фиксирующего ширину "крашенных тканей, русетов и халбергетов" на уровне двух эллов "в пределах списков".[466] Нарушения "суконной ассамблеи" происходили постоянно, и были в числе вопросов, которые рассматривали судьи, проводившие "судебные процессы короны"; например, в Кенте в 1226 году около тридцати купцов и суконщиков были представлены как нарушители в этом отношении,[467] Генрих III. В начале своего правления, в мае 1218 года, Генрих III приказал конфисковать любые ткани шириной менее двух эллов, выставленные на продажу,[468], но этот приказ не вступил в силу до Рождества, когда речь

зашла о бюрелях, изготовленных людьми Лондона, Мальборо и Бедвина (Уилтс), и в 1225 году жители Лондона были освобождены от проведения ассамблей, если их бюрели не были сделаны более узкими, чем они были раньше.[469] В 1246 году шерифу Лондона было приказано купить тысячу эллов дешевого бюреля для раздачи бедным;[470] , а в 1250 году мы видим, что король погасил задолженность в 155 фунтов стерлингов перед несколькими лондонскими бюреллерами, имена которых записаны;[471] среди них был некий Жерар ле Флеменг, но в остальном они, похоже, были местными работниками. Судя по всему, бюреллеры уже отделились от ткачей, и, несомненно, сделали это за некоторое время до 1300 года, когда споры между двумя классами суконщиков стали обычным делом.[472]

Помимо буреломов, которые, вероятно, были очень похожи везде, ткани, изготовленные в разных центрах, обычно обладали отличительными характеристиками. В списке таможенных пошлин, уплаченных в Венеции за импортные товары в 1265 году,[473] мы находим упоминание об "английских стамфордах", "крашенных стамфордах" и "миланских стамфордах из Монцы", что свидетельствует о том, что именно этот класс английского сукна был достаточно хорош, чтобы его копировали за рубежом. Заметной особенностью торговли сукном является то, что многие торговые термины были заимствованы из названий мест, в которых производились те или иные изделия. Яркий пример тому - "шалоны", которые получили свое название от Шалон-сюр-Марн, но с раннего времени производились в Англии. Шалоны из Гилфорда были куплены для королевских нужд на Винчестерской ярмарке в 1252 году.[474] Сам Винчестер был ранним центром производства шалонов, которые представляли собой ковры, используемые для покрывал или контрпокрывал. В консументарии города,[475] который датируется, по крайней мере, началом тринадцатого века, станки разделены на два класса: "большие станки", используемые для ткачества бюрелей, за которые платили 5 с. в год, и "маленькие станки" для шалонов, за которые платили 6 или 12 д., в зависимости от их размера. Шалоны должны были иметь фиксированные размеры: шалоны длиной 4 ярда имели ширину 2 ярда (*devant li tapener*), шалоны длиной 3½ ярда - ширину 1¾ ярда, а шалоны длиной 3 ярда - ширину 1½ ярда. [476]Покрывала также были важной отраслью камвольной промышленности Норфолка; в этом случае древние мерки, как утверждалось в 1327 году, составляли 6 эллов на 5, 5 на 4 или 4 на 3.[477] Позднее, в 1442 году, мы находим камвольные "постели" гораздо больших размеров: в трех "ассах" это 14 ярдов на 4, 12 на 3 или 10 на 2½,[478] но предположительно это были полные комплекты покрывала, пробника и штор, такие, как те, что оцениваются от 6s. 8 д. до 20 д. за штуку в описи имущества покойного короля Генриха V в 1423 году.[479] Помимо постельного белья камвольные ткачи изготавливали штучную ткань, и среди товаров, экспортируемых из Бостона в 1302 году, значатся камвольные ткани и камвольные сейки.[480] Бостон, как и следовало ожидать из-за его близости к Линкольну, экспортировал большое количество алого сукна, а количество отправленного "английского сукна" свидетельствует о спросе на этот материал за границей: корабль из Любека доставил "английское сукно" стоимостью 250 фунтов для одного купца, Тидемана де Липпе, а два других корабля везли груз того же материала стоимостью более 200 фунтов. Среди этих экспортных товаров есть и "сукна Беверли", а цветные сукна Линкольна и Беверли были обнаружены в это время в Ипсвиче, где они платили те же пошлины, что и иностранные сукна. [481]В Ипсвиче также упоминаются ткани из Когсолла, Малдона, Колчестера и Садбери как типичная "одежда Инглонда", экспортируемая[482] , и они классифицируются как "из двойной ткани, которую люди расщепляют на томаннишете", и меньший вид "из длинной ткани, которую они называют оманнишете",[483] или "на томаннишете". Происхождение этих терминов неизвестно, но поскольку это, вероятно, были узкие ткани, известные впоследствии как "эссекские проливы", то, возможно, они имели какую-то связь с узкими "осетами" из Бристоля.[484]

Что касается Лондона, то о мастерстве ткачей в конце XIII века свидетельствует разнообразие видов тканей, упоминаемых в регламенте 1300 года.^[485] Здесь упоминаются ткани под названиями andly, porreye, menuet, virli, lumbard, marbled ground with vetch-blossom, hawes, bissets и т. д. Но, судя по всему, английские производители тканей не успевали^[486] за своими континентальными конкурентами и, вместо того чтобы улучшать качество своих товаров, старались поддерживать цены, ограничивая выпуск продукции.^[487] Эдуард III, видя необходимость притока новой крови, принял меры привлечению иностранных суконщиков^[488] в Англию, и в то же время, в 1337 году, полностью запретил использование или импорт иностранных тканей.^[489] Чтобы стимулировать производство, он даже снял все ограничения на мерки и разрешил изготавливать ткани любой длины и ширины, но эта чрезмерная свобода вскоре оказалась неэффективной. Новоприбывшие не пользовались популярностью у местных ткачей, и в 1340 году король был вынужден послать мэру Бристоля приказ прекратить вмешиваться в дела Томаса Бланкета и других, которые установили станки для производства сукна и привели рабочих.^[490] По всей видимости, причиной недовольства Бланкета стало постановление, согласно которому каждый новый ткацкий станок должен был платить мэру 5s. 1d. мэру и 40d. олддерменам; это правило было подтверждено в 1346 году, но отменено в 1355 году.^[491]

Прежде чем перейти к рассмотрению различных постановлений, с помощью которых контролировалось производство тканей, следует рассмотреть процессы, через которые проходила шерсть, прежде чем попасть на рынок, ведь

"Ткань, которая выходит из ткацкого цеха, не красива для носки.

Пока она не будет набита под ногами или в набивных колодках";

Хорошо промыть водой и помять тисками,

Towked and teynted and under tailor's hands".^[492]

Перейдя к стихам, мы, возможно, продолжим в этой среде и изложим различные этапы производства в стихотворении,^[493] написанном в 1641 году, но в равной степени применимо и к более ранним временам:-

'1. Сначала партер, который аккуратно отбирает

Тонкую шерсть от более грубой.^[494]

2. Затем красильщик в порядке очередном стоит,

С потным челом и трудолюбивой рукой.

3. Затем они смазывают ее маслом, что и делают,

Тщательная рука миксера обводит его.

5. Стоккардер с силой сжимает руки.

(Вспоминая пятницу - наш базарный день).

6. Коленопреклоненный кардильщик (не возражая)

Быстро превращает его в меньший рубль.

7. Что сделано, пряжа в руки берет.

И из двухсот рулей одну тройку делает.

8. Далее Ткачиха плетет цепь,

А кот Пусс стоит и мяукает;

Но он, трудолюбивый, с руками и пятками,

Забывает кота и кричит: "Приди, мальчик, с квелесом".[495]

9. Наполнившись, брайер делает его мундирным

От ойле и грязи, что в нем лежит,

10. Бурлер[496] затем (да, тысячи в этом месте)

За густой травой проворной рукой гонится.

11. Фуллер стоит рядом со своими запасами,

И не раз пожмет Морфею руку.

12. Гребец, подняв руки, поднимает их ввысь,

13. И рядом с ним весело поет Шеарман.

14. Чертежник последний, что много недостатков скрывает

(Которого ни купец, ни ткач не выносят).

Но в большинстве одежд больше дыр.

Чем лестница на вершину Павла".

Первым процессом была сортировка шерсти. Шерсть лучшего качества использовалась для изготовления обычных тканей, а из худшей делали грубую ткань, известную как *cogware* и *Kendal cloth*, шириной в три четверти ярда и стоимостью от 40 д. до 5 с. за штуку.[497] Термин *cogware*, по-видимому, возник из-за того, что ее продавали когменам - экипажам кораблей, называемых когами; но для собственного ли использования или для экспорта - не совсем ясно. Альтернативное название "кендальские ткани" произошло от названия района Кендал в Уэстморленде, где располагалось это производство, по крайней мере, еще в 1256 году.[498] Смешивание шерсти разного качества в одной ткани было запрещено; как запрещалось смешивать английскую шерсть с испанской,[499] так и запрещалось использовать отару, или отходы шерсти в обычной ткани,[500] за исключением сукна Девоншира, в котором из-за грубости шерсти примесь отары была необходима.[501]

При окрашивании необходимы два вещества: краситель и протрава, которая закрепляет краску в шерсти. Самой распространенной протравой в Средние века были квасцы,[502], а в Бристолье в 1346 году мы видим, что можно было использовать только "*Spyralym*, *Glasalym* и *Vokkan*", и что любой, кто использовал "*Bitterwos*" или "*Alym de Wyght*", который, должно быть, получил свое название от острова Уайт, или даже был найден с любым из них в своем владении, подлежал штрафу.[503] Самым распространенным красителем была синяя вата, которую использовали в огромных количествах. Растение (*Isatis tinctoria*), из которого ее

получали, является местным (древние бритты, действительно, носили краску без использования ткани), но практически вся вата, используемая в Англии в коммерческих целях, была импортирована, Саутгемптон был одним из крупных центров торговли.[504] В 1286 году власти Норвича пришли к соглашению с торговцами шерстью из Амьена и Корби о размерах упаковок, в которых можно продавать шерсть и свару, желтый краситель, пользующийся большим спросом, [505], а в Бристоле шестьдесят лет спустя были разработаны подробные правила приготовления шерсти, среди которых упоминаются два сорта - пикардийский и тулузский.[506] Пудру привозили в бочках в виде сухих шариков; их нужно было разбить на мелкие кусочки, смочить водой и сложить в кучу для брожения; через несколько дней верхний слой становился таким горячим, что его едва можно было коснуться рукой; затем кучу переворачивали, чтобы низ оказался наверху, и оставляли до тех пор, пока она не перебродит; третьего переворота обычно хватало для завершения процесса.[507] В Бристоле были назначены специальные "носильщики", которые должны были следить за выдержкой и последующим хранением конопли, а еще одно правило обязывало торговца продавать коноплю в течение сорока дней после того, как она была законсервирована и проанализирована.[508] Процеживание шерсти, то есть превращение ее в краситель, также было искусством, и, похоже, в Бристоле красильщики ходили по домам своих клиентов и готовили шерстяные чаны. Из-за того, что красильщики брали на себя больше работы, чем могли выполнить, много ваты было испорчено, и в 1360 году им было запрещено брать на себя более одной партии красителя за один раз.[509] Дальнейшие злоупотребления возникали из-за невежества и неспособности многих странствующих красильщиков, и в 1407 году был принят закон, согласно которому только те красильщики, которые имели сертификат компетентности, могли заниматься своим ремеслом в городе.[510] В Ковентри, другом крупном центре торговли, в 1415 году появились жалобы на то, что красильщики не только подняли цены, но и взимали 6s. 8 д. вместо 5 с. за сукно, 30 с. вместо 20 с. за 60 фунтов шерсти и 6 с. вместо 4 с. за 12 фунтов ниток, которыми славился город, но и имеют привычку брать лучшую часть (*la floure*) ваты и мадеры для своих собственных тканей, а для тканей своих клиентов использовать только слабую часть. Поэтому было подано прошение о ежегодном избрании двух драпировщиков - суконщика и красильщика - для надзора за торговлей.[511] Около пятидесяти лет спустя в Ковентри мы имеем сообщение о том, что, по-видимому, было средневековым случаем ссоры между "профсоюзом", Обществом красильщиков, и фирмами "черных ног".[512] Томас де Фенби и десять других красильщиков из Ковентри жаловались на Джона Эгинтона и Уильяма Варда, что те собрали членов их ремесла и заставили их поклясться в различных вещах, противоречащих закону и их совести, например, что никто не должен покупать шерсть, пока ее не осмотрят и не оценят шесть человек, выбранных для этой цели указанными Эгинтоном и Вардом, и что ни один красильщик не должен делать алую краску (*grene*) менее чем за 6s. (за чан?), или опускать любую ткань в пыж менее чем за 4 или 5 фунтов. Уорд и Эгинтон также приняли средневековую форму пикетирования, нанимая валлийцев и ирландцев, чтобы те подкарауливали и убивали жалобщиков на пути к соседним рынкам.

Список тканей, изготовленных в Йорке в 1395-6 годах[513], дает некоторое представление об используемых цветах. В первые три месяца, с сентября по декабрь, преобладал синий цвет, но по необъяснимой причине этот цвет почти исчез с января по май, его место занял руссет. Встречаются красный, сангвиник, моррей (или оранжевый), плюнкет,[514] зеленый, а также пестрые, белые, синие и зеленые цвета; также "пали", который предположительно представлял собой полосатый материал, и в очень редких случаях черный. По правилам, составленным в Лондоне в 1298 году,[515] ни один красильщик, который красил бурнет в синий[516] или другие цвета, не мог красить "blecche" или tawny: причина не указана, но этот неопределенный оттенок, "blecche", встречается снова, как зарезервированный специально

для испанской шерсти.[517] Для синего цвета, как мы видели, использовалась конопля, а для желтого сварка, сочетание двух цветов, дающих зеленый; алый цвет получали из зерна (*greune*),[518] и красные и русые цвета из мадеры, которая импортировалась в больших количествах. Несколько разновидностей лишайника, вероятно, были включены в категорию "орхаль" и давали оттенки коричневого и красного. Причудливые оттенки получались путем двойного окрашивания, и, по-видимому, не всегда были надежными, поскольку статут[519], принятый в 1533 году, предписывал не красить шерстяные ткани "в коричневые цвета, пьюки, тони или фиолетовые", если они не были "идеально *boyled, greyned, or madered upon the wode, and shotte with good and sufficient corke or orchall*". В это время бразильское, или бревенчатое, дерево стало использоваться в качестве красителя, и его применение было категорически запрещено.

Кардочесание, или гребнечесание, и прядение - это процессы, которые не должны нас долго задерживать. Оба они были домашним производством, а прядение, в частности, было основным занятием женщин, и, соответственно, нередко принимались меры, чтобы обеспечить хорошее снабжение шерстью для их использования. В Бристоле в 1346 году запрещалось отправлять из города промасленную шерсть, готовую для кардочесания и прядения, до тех пор, пока кардочесальщики и прядильщики не получат возможность подать заявку на ее приобретение; кроме того, она могла быть выставлена на продажу только в пятницу, и ни один посредник не мог ее купить.[520] Точно так же в Норвиче в 1532 году мясникам было приказано приносить шерсть на рынок и предлагать ее на продажу бедным женщинам, которые жили прядением.[521] Когда сукноделие перешло в руки крупных капиталистов-суконщиков, которые сдавали свою шерсть для чесания и прядения, возникла необходимость в принятии законов[522], чтобы, с одной стороны, рабочие добросовестно выполняли свою работу и не абстрагировались от шерсти[523], а с другой - чтобы мастера не обманывали чесальщиков и прядильщиков, платя им не деньгами, а едой или товарами[524], или используя ложные весы, заставляя, например, женщин чесать 7½ фунтов. шерсти в качестве "гребенного камня", который должен был содержать только 5 фунтов.[525]

Ткачество, конечно, было самым важным из всех процессов в производстве тканей. В самом простом виде ткацкий станок состоит из горизонтальной рамы, на концах которой закреплены нити основы, проходящие в продольном направлении через ткань, таким образом, что они могут подниматься и опускаться с помощью хeddлов, или петлевых нитей, поочередно, оставляя место между двумя слоями основы для прохода челнока, на который наматывается шерсть.[526] Челнок, проходя из стороны в сторону через чередующиеся нити основы, покрывает их мотком, который плотно набивается вертикальной рамкой из прутьев, прокладкой или обрешеткой, качающейся между нитями основы. Чтобы ткать плотно и крепко, требовалась значительная сила, и в Норвиче женщинам запрещалось ткать камвольные ткани, поскольку они были "недостаточно сильны", чтобы работать с ними должным образом.[527] Ткань, когда ее ткали, наматывали на валик, чтобы свежая часть основы была в пределах досягаемости ткача, но если длина ткани ограничивалась только обычаем или удобством, то ее ширина, очевидно, зависела от ширины ткацкого станка, и когда Генрих IV в 1406 году приказал, чтобы ткань из луба делалась шириной шесть четвертей ярда, а не пять четвертей, как всегда было принято, приказ пришлось отменить, так как это потребовало бы от всех ткачей луба приобретения новых станков.[528] За право пользоваться ткацкими станками часто приходилось платить городским властям. В Винчестере в XIII веке за каждый ткацкий станок платили 5 сингапур в год, единственным исключением было то, что мэр, госпитальер и городской клерк могли работать на одном станке бесплатно.[529] Ноттингем был еще одним городом, где платили пошлины за ткацкие

станки,[530], а в Бристоле, как мы уже видели, до 1355 года возведение "вебанлама" влекло за собой выплаты в размере 8s. 5d. в общей сложности.

Для защиты от ложной работы в Бристоле было принято правило, что все ткацкие станки должны стоять в магазинах и комнатах, примыкающих к дороге, и на виду у людей, а за установку станка в подвале или на лестничной площадке полагался штраф.[531] Возможно, по этой же причине ткачам запрещалось работать по ночам,[532] хотя в Винчестере было сделано исключение в пользу периода, непосредственно предшествующего Рождеству.[533] С другой стороны, лондонские присяжные в 1320 году объединили это постановление о запрете работы при свечах с принудительным отпуском, который гильдия ткачей заставляла своих членов брать между Рождеством и Сретением (2 февраля)[534] как меры, наносящие ущерб простолюдинам и призванные ограничить предложение и тем самым поддержать цены на ткани.[535] Еще одним приемом для той же цели стало правило, согласно которому ни одно сукно с Кэндлвик-стрит не должно было изготавливаться менее чем за четыре дня, хотя их легко можно было сделать за два или три дня.[536] Благодаря этим методам, а также тому, что прием в гильдию был ограничен, за тридцать лет ткацких станков в городе сократилось с 380 до 80, а цена на сукно, соответственно, выросла. Власти всей страны постоянно находились перед дилеммой: с одной стороны, разрешить ограничение числа ткачей с последующим повышением стоимости их изделий, а с другой - рисковать некачественной работой "к ужасному позору и осквернению их боготворимого города". Мало того, что несанкционированные ткачи часто не знали своего искусства, не пройдя ученичества, они использовали флок и другие плохие материалы, покупали краденую шерсть и "барабаны".[537] Последние представляли собой нити основы, остававшиеся в конце ткани, а поскольку на них не было экспортной пошлины, ткачи ухитрялись отрезать их как можно дольше, и таким образом много шерстяной пряжи вывозилось из страны без уплаты таможенных пошлин, пока эта практика не была признана незаконной парламентским актом в 1430 году.[538]

Сукно, сошедшее со станка, было в состоянии, известном как "сырое", и, хотя оно еще не было готово к использованию, его можно было продать, и многие мелкие суконщики предпочитали избавляться от своей продукции на этой стадии, чем нести расходы на дальнейшие процессы. Похоже, что так было и на валлийской границе, поскольку Шрусбери утверждал, что у него был рынок для "*rannus crudus*" со времен короля Джона.[539] Много сырого сукна также скупалось иностранными купцами и отправлялось из страны для отделки; и в начале шестнадцатого века парламент, с его обычным ужасом перед иностранной торговлей, видя только то, что процессы отделки будут выполняться иностранными рабочими вместо английских, запретил экспорт незаконченного сукна. Тогда пришлось указать на то, что, поскольку большинство этих тканей покупалось для окраски за границей, а после окраски все отделочные процессы должны были повторяться, стоимость более дешевых сортов настолько повысилась бы, что для них не нашлось бы сбыта; поэтому ткани стоимостью ниже пяти марок были освобождены от налога.[540]

Сырое сукно затем нужно было отутюжить, то есть очистить, вымыть и уплотнить, отбивая его в воде. Первоначально это всегда делалось людьми, топтавшимися по нему в корыте, и процесс был известен как "хождение", а набивальщик назывался "ходоком" (откуда и распространенная фамилия), но в тринадцатом веке вошел в обиход инструмент, называемый "колодками", состоящий из вертикального стержня, к которому крепился "насест" или деревянный брусок, которым били сукно. Жерди часто приводились в действие с помощью воды, и вскоре появились мельницы для фуллинга, или шагающие мельницы.

Согласно правилам гильдии фуллеров Линкольна, записанным в 1389 году,[541] , ни один фуллер не должен был "работать в корыте", то есть ходить по сукну, а еще одно правило запрещало мужчине работать на жердочке с женщиной, если только она не жена мастера или ее служанка. Вероятно, намерение последнего правила состояло в том, чтобы положить конец найму дешевой женской рабочей силы, "из-за которой многие... люди, способные оказать услугу королю в его войне и защите его Лонда, и достаточно занятые в этом ремесле, становятся бродячими и незанятыми и не могут иметь свой труд для сбора налогов".[542] Около 1297 года несколько лондонских сукноделов стали отправлять ткани для набивки на определенные мельницы в Стратфорде, и поскольку это приводило к большим убыткам для владельцев тканей, были отданы приказы останавливать все ткани на пути к мельницам и разрешать отправлять их только по явному желанию владельцев.[543] Это, по-видимому, указывает на то, что сукноделие на мельнице уступало ручному труду, а сукноделие, проводимое вне контроля города, возможно, способствовало плохой работе. В Бристоле в 1346 году одно из правил для фуллеров запрещало кому-либо отправлять "рауклот" на мельницу, а затем получать его обратно для доработки[544] , а в 1406 году городским фуллерам было запрещено исправлять дефекты в тканях, выделанных деревенскими рабочими.[545]

Для очистки ткани использовалась особая абсорбирующая земля, известная как земля Фуллера, или "walkerherth",[546] как ее иногда называли. Земля Фуллера встречается лишь в нескольких местах, самые крупные месторождения находятся в окрестностях Натфилда и Рейгейта,[547] и из-за ее редкости и важности ее экспорт был запрещен.

Сукно после набивки должно было быть растянуто на шатрах для просушки, и ссылки на аренду шатров часто встречаются в средневековых городских записях.[548] Определенное растягивание было законным и даже необходимым[549] , но когда ткань принадлежала фуллеру, а фуллеры обычно покупали сырую ткань, возникал соблазн "растянуть его веревками и провязать, пока сухожилия снова не растянутся"[550] , чтобы получить несколько ярдов. В результате такой практики, значительно снижавшей прочность ткани, "гилдфордские сукна", производимые в Суррее, Сассексе и Гемпшире, потеряли свою репутацию, и в 1391 году пришлось принять меры для восстановления их доброго имени, запретив фуллерам или другим лицам покупать ткань в незаконченном виде.[551] Было принято еще несколько законов, касающихся этого правонарушения, а в XVI веке были изданы постановления, запрещающие использовать мощные стойки с рычагами, лебедками и веревками. Нарушения этих законов были многочисленными,[552] и в качестве примера того, до какой степени растягивались ткани, можно привести декларацию из Рединга в 1597 году, в которой упоминается одна ткань в тридцать ярдов, растянутая "гином и рычагом с тисками и веревкой" до тридцати пяти ярдов, и другая, растянутая веревкой "в количестве трех барров длиной - каждый барр содержит около 2½ ярдов".[553]

По выходе из фуллера ткань переходила в руки гребца, в обязанности которого входило вытягивать из тела ткани все свободные волокна с помощью тизлов. Тизлы, высушенные головки чертополоха, упоминаются среди товаров некоторых колчестерских суконщиков в 1301 году.[554] использовались с древнейших времен и никогда не были вытеснены даже в наши дни, когда появились машины. Было предпринято несколько неудачных попыток изобрести замену, а в 1474 году использование железных карт, или гребенок, вместо тизлов было запрещено.[555] Свободные части ткани, поднятые таким образом тизлами, затем отрезал шеман, от ловкости которого зависела чистота поверхности ткани, и, после того как рисовальщик искусно исправлял все мелкие дефекты, ткань была готова к продаже.

Учитывая множество процессов, очевидно, что производство сукна должно было обеспечивать работой огромное количество людей. В 1618 году в Саффолке, как раз за границами нашего средневековья, был составлен отчет, согласно которому суконщик, изготавливающий двадцать широких полотен за неделю, задействовал одним и тем же способом пятьсот человек.^[556] Но даже в то время, когда капиталистический суконщик прочно укрепился, их было не так много с таким большим объемом производства, как двадцать сукон в неделю, да и в более ранние времена их было очень мало, чтобы приблизиться к такому объему. Счета ульнагера^[557] о пошлинах, уплаченных за сукно, существуют для большинства графств за последние несколько лет правления Ричарда II и проливают значительный свет на состояние торговли. В случае Саффолка за 1395 год мы имеем 733 широких полотнища, изготовленных примерно ста двадцатью людьми, из которых только семь или восемь возвращают до двадцати полотнищ; основной продукцией, однако, было узкое сукно, изготовленное в дюжинах (куски по 12 ярдов, "целое полотно" - 24 ярда); из этих 300 изготовителей получилось около 9200, пятнадцать из них делали от 120 до 160 дюжин каждый. В случае с Эссексом есть больше свидетельств в пользу капиталистического сукнодела, так как в Коггешолле 1200 узких тканей принадлежат только девяти производителям (самые крупные изделия - 400, 250 и 200 дюжин), а в Брейнтри с 2400 дюжинами было только восемь производителей, из которых двое выплачивали субсидии по 600 дюжин, а один - по 480. Однако крупных суконщиков в это время можно найти на западе, в Барнстапле, где Джон Карман платил по 1080 дюжин, а Ричард Бурнард - по 1005, остальные девять суконщиков делили между собой около 1600 дюжин. В остальной части Девоншира на шестьдесят пять суконщиков приходится 3565 дюжин, или, скорее, более пятидесяти на штуку. Если Девон находился на одном конце шкалы, то его сосед - на другом, так как в Корнуолле было произведено всего девятнадцать тканей, приписанных тринадцати производителям. В Солсбери годовой объем производства в 6600 цельных полотен был разделен между 158 лицами, из которых только семь человек имели более 150 на каждого, в то время как в Винчестере, где было зарегистрировано более 3000 полотен, только три суконщика превысили сотню, а такие известные местные мастера, как Роберт Холл и 'Markays le Fayre'^[558], имели на своих счетах только восемьдесят и сорок. По всему Йоркширу средний показатель не превышал десяти сукон, а в Кенте, оплоте широкого суконного производства, только один суконщик превысил пятьдесят дюжин, и лишь трое других перешагнули отметку в двадцать пять. Все эти данные, похоже, ограничивают сферу влияния капиталистических суконщиков несколькими определенными городами до начала XV века. Но во второй половине пятнадцатого века возвысились такие крупные суконщики, как Джон Уинчкомб,^[559] знаменитый "Джек из Ньюбери", и Спрингс из Лэвенхема,^[560] наниматели рабочей силы в таких масштабах, что вскоре мелкие независимые суконщики были поглощены и поставлены в зависимое положение.

Мастерство и умение работать в суконной торговле всегда обеспечивали хороший доход, а в сочетании с предприимчивостью часто приводили к богатству; но всегда, во все времена и во всех местах находились люди, которые пытались сократить путь к богатству путем мошенничества; а возможностей для мошенничества в суконной торговле было особенно много. В некоторых городах Англии... было принято изготавливать одежду определенной ширины и длины и устанавливать на нее тюлени; при этом они держали тарифы подлинными, а посторонние могли только заглядывать за тюлени и получать свои товары, и тогда эти города с большим успехом продавали свою одежду и, следовательно, процветали очень хорошо. После этого некоторые в тех городах, не довольствуясь разумным весельем, но желая большего, придумали одежду меньшей длины, ширины и добротности, чем полагалось, и, тем не менее, за счет прибытия с моря имели за нее столько же денег, сколько раньше за хорошую одежду. И в течение некоторого времени они не давали себе покоя и так

злоупотребляли доверием своих предшественников, что были вознаграждены потерей своей должности. Ибо эта одежда была признана незаконной для всех их продаж, ей не только никогда не доверяли лучше, но и гораздо меньше для их продаж, хотя одежда была хорошо сделана. Ибо когда обнаруживалась их неправда и фальшь, никто не хотел покупать их одежду, пока она не была зашита и не развернута, не считаясь с морем".[561]

Эта жалоба, написанная во времена Генриха VIII, во всех деталях подтверждается документами парламента и муниципалитетов. Для обеспечения единообразия постоянно устанавливались правила, а для их соблюдения назначались чиновники, называемые ульнагерами[562]. Ни одна ткань не могла быть продана, если на ней не было печати ульнагера. Ассиз сукна, изданный в 1328 году[563], устанавливал размеры сукна лучистого цвета 28 ярдов на 6 четвертей, а цветного - 26 ярдов на 6½ четвертей в сыром виде, а в усушенном - 24 ярда. Наказанием за нарушение ассиза была конфискация.[564] Этот приказ, подтвержденный в 1406 году, отмененный в следующем году, но вновь подтвержденный в 1410 году,[565] применялся только к широким тканям, но в 1432 году было установлено[566], что узкие ткани, называемые "стрейтами", должны быть 12 ярдов на 1 ярд в усушенном виде; если они были меньше, то не конфисковывались, но ульнагер отрезал один конец листа, чтобы показать, что это не целая ткань, и она продавалась как "остаток" в соответствии с ее фактической мерой. В случае с камвольной шерстью Норфолка в 1327 году было заявлено, что с незапамятных времен использовались четыре разных размера, а именно 50, 40, 30 и 24 элла в длину;[567], но уже в 1315 году купцы жаловались, что ткани из Уорстеда и Эйлшема не соответствуют своему размеру, 20 эллов продаются как 24, 25 эллов как 30 и так далее.[568] В западных графствах, Сомерсете, Глостере и Дорсете, недобросовестные производители имели привычку так скручивать и складывать свои ткани, что дефекты длины или качества не были видны, в результате чего купцы, добросовестно покупавшие их и увозившие в чужие страны, подвергались избиениям, тюремному заключению и даже убийствам со стороны своих разгневанных клиентов "к большому позору королевства". Поэтому в 1390 году было приказано не продавать ткани, скрученные и сложенные, но открытые.[569] О мошенничестве в связи с растягиванием гилдфордских тканей уже говорилось, а в 1410 году мы узнаем, что камвольные ткани, которые раньше пользовались большим спросом за границей, теперь изготавливались настолько обманным путем, что фламандские купцы заговорили о том, чтобы обыскивать, или проверять, все камвольные ткани в портах въезда. Чтобы исправить эту "великую клевету на страну", мэру и его помощникам было дано право обыскивать и опечатывать все камвольные ткани, привезенные на камвольный рынок, и были приняты правила относительно размера "thretty elnys streites" (30 эллов на 2 четверти), "thretty elnys brodes" (30 эллов на 3 четверти), 'mantelles, sengles, doubles et demy doubles, si bien les motles, paules, chekeres, raies, flores, pleynes, monkes-clothes et autres mantelles' (от 6 до 10 эллов на 1¼ элла), и 'chanon-clothes, sengles, demy doubles et doubles' (5 эллов на 1¾), разнообразие торговых терминов указывает на масштабы производства.[570] Аналогичная жалоба на снижение иностранного спроса на камвольные ткани из-за недобросовестной работы производителей была удовлетворена в 1442 году: камвольные ткачи Норвича ежегодно избирали четырех надзирателей в городе и двух в графстве для надзора за торговлей.[571] Полвека спустя, в 1473 году, английское сукно в целом стало пользоваться дурной славой за границей и даже у себя дома, поскольку в страну ввозилось много иностранного сукна: для исправления ситуации были изданы общие постановления о правильной обработке сукна, сохранении старого ассиза и указании дефектов; к нижнему краю любого сукна, где есть "сырость, шкурка, кокиль или пижма", прикреплялась печать.[572]

В последнем из упомянутых статутах 1473 года размеры сукна указаны в ярдах и дюймах. Первоначально, по-видимому, было принято при измерении ткани отмечать конец каждого ярда, прикладывая большой палец к ткани в конце ярда и начиная снова по другую сторону от большого пальца. Читатели Джордж Элиот помнят, что торговец Боб Солт изобретательно использовал свой широкий палец при измерении, в ущерб своим клиентам; а лондонские драпировщики в XV веке утверждали, что покупают на "ярд и руку", отмечая ярды рукой, а не большим пальцем, и таким образом набирая два ярда в каждом двадцати четырех.^[573] Хотя в 1440 году эта мера была запрещена, было приказано использовать мерную линию из шелка длиной 12 ярдов и 12 дюймов, конец каждого ярда был отмечен дюймом, она, очевидно, продолжала практиковаться, так как "ярд и горсть" был известен как лондонская мера в конце шестнадцатого века.^[574]

Последние годы средневекового периода шерстяной промышленности, который мы считаем завершенным с появлением "новых драпировок", привезенных иностранными беженцами в начале правления Елизаветы, связаны главным образом с возвышением городских суконщиков за счет мелких деревенских суконщиков, чему способствовали законы, ограничивавшие или, по крайней мере, стремившиеся ограничить промышленность корпоративными районами и рыночными городами и запрещавшие кому-либо начинать торговлю, не пройдя семилетнего ученичества.^[575] Нарушения этих законов были частыми, и, благодаря системе выплаты части штрафов доносчику, против суконщиков постоянно выдвигались обвинения в нарушении различных правил, которыми была обставлена торговля.^[576] Многие обвинения отпадали, в некоторых случаях они выглядели как шантаж, но то, что преступлений было достаточно много, очевидно. За один только год, 1562, шестьдесят суконщиков из Кента, в основном из окрестностей Кранбрука и Бенендена, были оштрафованы за отправку в Лондон на продажу тканей, не соответствующих по размеру, весу, качеству или цвету.^[577] Абсолютное соблюдение всех предписаний, вероятно, было нелегким делом, поскольку, хотя ткани, запечатанные ульнагером в районе, где они были изготовлены, не должны были платить ульнаге в Лондоне, производители, как правило, предпочитали платить по полпенни с каждой ткани лондонским искателям, чем рисковать результатами слишком тщательной проверки.^[578]

Из множества местных разновидностей сукна, производившихся в Англии, та, что получила свое название от деревни Ворстед в Норфолке, была, в целом, самой важной. Мы видели, что к концу XIII века камвольное ткачество было хорошо налажено в Норфолке, и особенно в Норвиче, и что камвольные серги и саиды были предметами экспорта, в то время как столетие спустя формы, в которых изготавливались эти ткани, были очень разнообразны. Монополия на поиск и запечатывание камвольных тканей, где бы они ни производились, сохранялась за Норвичем до 1523 года, когда эта отрасль настолько развилась в Ярмуте, что ткачи этого города получили разрешение избирать собственного надзирателя для запечатывания своих тканей; такая же привилегия была предоставлена Линну, если там было не менее десяти домовладельцев, занимавшихся этим ремеслом; но во всех случаях ткани должны были быть сострижены, окрашены, выкрашены и каландрированы в Норвиче.^[579] Когда в Норвиче появилось искусство каландрирования камвольных тканей, то есть придания им гладкости путем прессования, точно не известно, но во второй половине XV века "девичник и мистерия каландрирования камвольных тканей" в Лондоне были известны только некоторым французам. Предприимчивый купец Уильям Халингбери привез из Парижа некоего Тойсона Берджеса, чтобы тот обучил этому искусству английских рабочих, и в отместку один из лондонских французских каландров попытался арестовать Халингбери во время его следующего визита в Париж.^[580] В начале XVI века был введен процесс сухого каландрирования с помощью "гоммов, ойлов и прессов", с помощью которого

низкокачественные камвольные ткани становились похожими на самые качественные, но при соприкосновении с влажными они сразу же покрывались пятнами и портились. Поэтому в 1514 году этот процесс был запрещен, и в то же время мокрое каландрирование стали практиковать только те, кто отработал семь лет в подмастерьях и был допущен к ремеслу мэром Норвича или надзирателями ремесла в графстве Норфолк.[581]

В 1315 году ткани из Эйлшема (в Норфолке) были объединены с тканями из Ворстеда как не соответствующие старым ассамблеям,[582] , а во время коронации Эдуарда III около 3500 эллов "Эйлшема" было использовано для подкладки доспехов, покрытия подушек и изготовления в 1860 году вымпелов с гербом Святого Георгия.[583] Но поскольку Бакрам и Эйлшем постоянно объединяются в скобки, например,[584] использовался в 1333 году для изготовления лошадей для королевских игр,[585] предположительно на Рождество, кажется, что Эйлшамы были льняными, а не шерстяными, тем более что "lynge teille de Eylesham" был известен в четырнадцатом веке.[586]

В соседнем графстве Саффолк деревня Керси была ранним центром сукноделия и дала название типу ткани, которая впоследствии производилась во многих районах. Керси из Саффолка и Эссекса были освобождены в 1376 году, вместе с другими узкими тканями, от участия в ассамблее цветных тканей[587] , а всего столетие спустя размер для керси был установлен как 18 ярдов на 1 ярд.[588] Любопытно, что главной проблемой при ассизе керси, по крайней мере в XVI веке, была не короткая, а длинная мера. Объяснялось это тем, что керси платили экспортную пошлину за всю ткань, и поэтому купцу было выгоднее заплатить пошлину за кусок в 25 ярдов, чем платить ту же пошлину за 18 ярдов.[589] Керси в основном производилось на экспорт, и около 1537 года ткачи Беркса, Оксфорда, Хантса, Суррея, Сассекса и Йоркшира подали петицию против ограничений, мешающих внешней торговле.[590] Эти графства были главными центрами производства, хотя керси из Девоншира также изготавливали; в Беркшире главным центром производства был Ньюбери, а керси Джона Уинчкомба ("Джека из Ньюбери") пользовались не только местной славой. Хэмпширские керси - это общее название, применяемое к изделиям, изготовленным в Хэмпшире, Сассексе и Суррее, но в прежние времена остров Уайт имел почти монопольное право на производство в этом районе. В отчетах по Хэмпширу за 1394-5 гг. приводится девяносто имен суконщиков с острова Уайт,[591] которые изготовили 600 керси, и ни одного другого вида ткани, а примерно столетие спустя мы находим жалобу одного драпировщика на то, что когда он торговался с лондонским купцом за определенное количество "керси из Уайта" стоимостью 6 фунтов, ему предложили валлийские керси стоимостью всего 4 фунта 13 шиллингов. 4d.[592]

Саффолк вел значительную торговлю дешевой грубой тканью, известной как "вессы или наборные ткани", для экспорта на Восток; и, поскольку было принято растягивать их до предела, а покупались они нерастянутыми, в 1523 году этот вид ткани был освобожден от правил, касающихся растяжения ткани.[593] Возможно, эти вессы были связаны с "Западным одеялом из Вайса (Уилтс.) и Бекинтона".[594] В 1395 году одеяло было обнаружено в Малдоне и на другом конце Англии, в Херефорде, а в более ранний период, в 1360 году, одеяло из Гилдфорда было куплено для королевского дома.[595] В Норвиче были свои "монашеские ткани" и "канонические ткани", предположительно названные так из-за их пригодности для монашеских и канонических привычек, в отличие от тонкой ткани из Вустера, которая, как нам сказали, была запрещена для бенедиктинцев,[596] , поэтому мы видим, что новоиспеченный рыцарь Бата должен был облачиться в "отшельническую одежду" из колчестерской русы.[597] Большинство тканей, производимых в Эссексе, были "стрейтами", или узкими тканями, довольно низкого качества, и часто их соединяли с

низкокачественными тканями, такими как *cogware* и *Kendal*. О последнем писатель времен Генриха VIII говорит: "Я знаю, когда слуга довольствовался тем, что ходил в кендальском коте летом и фризекоте зимой, и белыми рукавами из плейна подбирался к своему телу. Теперь он будет искать, чтобы иметь по крайней мере для кого-нибудь котелок из самой лучшей одежды, которую можно достать за деньги, и его шлем из самого лучшего керси, и чтобы он был из какой-нибудь пряденой краски, как краска Флаундера или блевотина Френча, чтобы принц или большой лорд мог быть не лучше, если он будет [носить] одежду".^[598]

По закону о суммах 1363 года фермерские рабочие и другие лица, имеющие товаров менее чем на 40 с., должны были носить одеяла и руссет стоимостью не более 12 д. за элл.^[599] В списке покупок сукна в 1409 году узкая русая ткань стоит 12 д. за элл, а другие дешевые сорта - короткое одеяло, короткое цветное сукно, лучи, пестрядь и фризы - стоят от 2 до 2 с. 4 д. за элл.^[600] Из фризов в основном использовались два вида: коventрийские и ирландские фризy, которые могли быть сделаны либо в Ирландии, либо из ирландской шерсти: они, по-видимому, вошли в употребление примерно в середине XIV века, поскольку в 1376 году ирландские "фризы" были освобождены от ульнажа,^[601] и примерно в то же время закупки ирландских фризов для королевского дома стали более распространенными, так почти 3000 элл этого материала были куплены в 1399 году.^[602]

С такими местными сортами, как манчестерские коттоны, таунтоны, тавистокy, барнстапльские белые, мeндипы, "стоукские гомеры",^[603] и т. д., мы не можем иметь дело, хотя по ограничению, которое мы установили для себя, "новые драпировки" исключены, и мы можем с благодарностью оставить в стороне "арры, лавры, бьюперы, бултеры, борато, буфины, бюстианы, бомбарды, покрывала, *callimancoes*, *carrells*, *chambletts*, *cruell*, *dornicks*, *duraunce*, *damask*, *frisadoes*, *fringe*, *fustyans*, *felts*, *flanells*, *grograines*, *garterings*, *girdlings*, *linsey woolseyes*, *mockadoes*, *minikins*, *mountaines*, *makerells*, *oliotts*, *pomettes*, *plumettes*, *perpetuanas*, *perpicuanas*, *rashes*, *rugges*, *russells*, *sattins*, *serges*, *syettes*, *sayes*, *stamells*, *stamines*, *scallops*, *tukes*, *tamettes*, *tobines*, and *valures*".^[604]

ГЛАВА IX ОБРАБОТКА КОЖИ

Выделка шкур и приготовление кожи, должно быть, были одним из наиболее широко распространенных производств в средневековые времена, даже если утверждать, что это было побочным продуктом в большинстве деревень, будет небольшим преувеличением.^[605] Применялись два различных процесса: бычьи, коровьи и телячьи шкуры дубили погружением в отвар дубовой коры, а шкуры оленей, овец и лошадей дубили квасцами и маслом, и эти два ремесла с ранних времен были совершенно разделены: кожевникам и дубильщикам запрещалось обрабатывать шкуры, принадлежащие к ремеслу друг друга. Определенная концентрация отрасли, должно быть, произошла в 1184 году, когда был издан приказ о том, что ни один кожевник или дубильщик не должен заниматься своим ремеслом в пределах леса, кроме как в боро или рыночном городе,^[606] с целью предотвратить браконьерство оленей ради их шкур. Рыночные города имели еще одно преимущество: они были хорошо обеспечены сырьем, так как мясники были вынуждены поставлять шкуры своих зверей на рынок вместе с мясом, а кожевники имели исключительное право покупки, ни один регратер или посредник не мог вмешиваться, с другой стороны, кожевникам не разрешалось покупать шкуры вне открытого рынка.^[607] В конце XVI века на сайте^[608]

говорилося, что "в большинстве деревень королевства есть один кожевник или рабочий, и ... в большинстве рыночных городов - три, четыре или пять, во многих больших городах - 10 или 20, а в Лондоне и пригородах ... до 200 или очень близко". Если вернуться назад, то в Оксфорде в 1380 году было двенадцать кожевников, двадцать скорняков, двенадцать кордвейнеров, или сапожников, и четыре шорника[609], а в 1300 году в Колчестере было сорок домовладельцев, занятых в различных отраслях кожевенного дела.[610]

Изначально, несомненно, кожевник сам выделял кожу, и уже в 1323 году в Шрусбери, похоже, кожевникам было разрешено дубить кожу,[611] но в 1351 году кожевникам и сапожникам было определено запрещено вмешиваться в ремесло друг друга, и ряд постановлений, парламентских и муниципальных, послужил разделению кожевников, курьеров, которые выделяли и поставляли грубые дубленые шкуры, тауиров и различных отраслей кожевенного ремесла.

Торговые запасы кожевника были просты. Описи товаров полудюжины кожевников в Колчестере в 1300 году идентичны по виду, хотя и различаются по стоимости;[612] каждый состоит из шкур, дубовой коры и нескольких чанов и кадок. В случае с кожевенным заводом в аббатстве Мо[613] (крупные монастыри обычно содержали собственные кожевенные заводы) в 1396 году приводится довольно много подробностей. На складе хранились коровьи и телячьи кожи, "подошвенные куски, шлепы, клоутеды и вамбы" на сумму 14 фунтов 10 шиллингов. 4 д., 15 бадей и различные инструменты, такие как 3 "schapyng-knyfes" и 4 ножа для дубления; 400 дубильных турнепсов (блоков коры, из которых добывали дубление) и "дубление со всех дубов, срубленных в этом году". Сырые шкуры сначала вымачивали, затем обрабатывали известью для удаления волос, а потом снова мыли, прежде чем поместить в дубильный чан. Поэтому кожевники селились "там, где есть вода в ручьях и реках для выделки кожи; без большого запаса проточной воды они не могут выделять ее".[614] В 1461 году Уильям Фрэнквелл, предоставляя луг в Льюисе, оставил за собой право использовать канаву на южной стороне луга для выделки шкур,[615] и жалобы на загрязнение городских водопроводов работниками кожевенного производства не были редкостью.[616] Процесс дубления был, да и сейчас остается, чрезвычайно медленным; шкуры должны были лежать в "вусах" (ил, или спирт) целый год, и были изданы строгие правила, чтобы предотвратить ускорение этого процесса в ущерб коже. Кора, из которой получали дубильные вещества и которая была настолько важной составляющей процесса, что "дубильщик" стал альтернативным названием кожевника, должна была быть только дубовой, использование коры ясеня запрещалось; также нельзя было использовать известь или горячий щелок, а погружение чанов в горячие слои старого дубильного вещества запрещалось.

Шкуры, как сырые, так и дубленые, занимали одно место с сукном в качестве основного предмета торговли, как внутренней, так и внешней;[617] и, как и сукно, дубленая кожа рано стала предметом проверки со стороны искателей, назначаемых либо ремесленной гильдией, либо городскими властями. Как правило, печать искателя ставилась на рынке или в конкретном "селде" или зале, где продавалась одна кожа, но в Бристоле в 1415 году искатели были уполномочены осматривать шкуры в домах курьеров перед их выделкой.[618] Кузнецам, в чьи обязанности входило обрабатывать "красные" шкуры талоном,[619] делая их гладкими и эластичными, не разрешалось обрабатывать плохо дубленые шкуры.[620] Было признано несколько степеней дубления, причем наиболее длительная и тщательная обработка требовалась для кожи, предназначенной для подошв сапог, а для верха - в меньшей степени. Когда в 1378 году сорок семь шкур, принадлежавших Николасу Берлу из Лондона, были конфискованы как плохо выдубленные, он признал, что они не годятся для

производства сапожной кожи, но утверждал, что намеревался продать их шорникам, подпругам и изготовителям кожаных бутылок: смешанное жюри, состоявшее из представителей этих различных профессий, однако, осудило шкуры как непригодные ни для каких целей, и они были конфискованы.[621]

Несмотря на то, что за дубленой кожей осуществлялся эффективный контроль, мягкие кожи, используемые Gloverами, поинтмейкерами, мурманчанами, седельщиками, кушаками, коффермейкерами, сметчиками, канцеляристами и т. д., похоже, по большей части избежали контроля, в результате чего в конце XVI века рынки были наводнены поддельными кожами.[622]

Вся кожа Tawed выделывае тся с	{	маслом, как	{	Баф Shamoys	}	первого и лучшего сорта.
	{	или с квасцами и окерами, как шкуры	{	Лошади, оленья, козла, утки, лани, теленка, собаки, тюленя, овцы, ягненка, малыша.		

Кожа, выделанная с маслом, становится более эластичной, мягкой и губчатой, и выделывается с грубым хлопком, как байи и фресадо, хлопок выращивается на сукновальне, где выделывается ткань, и служит для большей красоты и удовольствия для владельца.

Кожа, выделанная квасцами и окером, более жесткая и "крепкая", лучше служит для использования бедным ремесленникам, крестьянам и рабочим, и более легкая по цене наполовину, и выделывается гладко или с хлопком, который поднимается вручную с помощью карды или другого подобного инструмента, и так как квасцы придают прочность и жесткость, то окер придает ей цвет, как масло придает цвет буффу и шамоту.

И это разнообразие выделки, маслом или квасцами, можно определить и по запаху, и по пыли, которая образуется из квасцовой кожи.....

Все шамойские кожи сделаны из козьих шкур, привезенных по большей части из Барбери, из "стран Эст", Шотландии, Ирландии и других иностранных частей, не выделанных, и перевозятся снова, будучи выделанными. А также много шкур из Уэльса и других мест в пределах королевства. Выделанная с маслом, она носит название шамойс, а выделанная с квасцами и окером, она носит не название и не цену шамойс, а козьи шкуры".

'Shamoys[623] изготавливается из шкур коз, козлов, ланей, задних, болячек, соррелов и овец. Настоящий способ выделки - в "трайн ойл", подделка - с квасцов и стоит примерно половину..... Шамои, одетые в железнодорожное масло, можно одевать три или четыре раза и казаться как новенькие, но одетые в квасцы они едва ли оденутся дважды и вскоре будут застираны. И когда шамои, одетые в квасцы, попадают под дождь или любую воду, они

становятся твердыми, как дубленая кожа, а шамои в масле делают самую дешевую и самую долговечную одежду, которую используют и "низкие графские люди, и высокие алмаины".

Мошенничество при подготовке и продаже кожи было частым явлением, и в 1372 году мэр и олдермены Лондона ввели штрафы за продажу крашеной овечьей и телячьей кожи, выделанной и подготовленной так, чтобы выглядеть как кожа косули. В то же время красильщикам кож было запрещено красить такие поддельные кожи, а также использовать бразил или другую краску, предоставленную или выбранную одним клиентом для товаров другого.^[624] С той же целью предотвращения мошенничества набойщикам, работавшим на меховщиков, запрещалось отрезать головы у шкур, которые они выделявали, а также наказывалось тюремным заключением, если они перерабатывали старые меха в кожу.^[625] В 1398 году были введены дополнительные наказания за ложную и обманную работу, особенно при изготовлении кожаных "очков и ремешков", или шнурков и ремешков.^[626] С развитием капитализма во времена правления Елизаветы контроль, осуществляемый Компанией кожевников, стал почти номинальным: несколько полудюжин богатых членов компании взяли всю торговлю в свои руки. Скупая кожу по всей стране, они взвинчивали цены; кроме того, обладая практической монополией на выделанные кожи, они могли заставить перчаточников и других кожевников брать выделанные шкуры в пакетах по дюжине, которые содержали три-четыре маленькие "подкладки" или бесполезные шкурки.^[627] Они также брали на себя выделку шкур и отсекали хороших рабочих, подделывая их и нанимая тех, кто отработал только половину семилетнего срока ученичества.^[628] Они также заставляли выделять собачьи шкуры, "рыбьи шкуры из зеаля", телячьи и другие шкуры, чтобы они походили на "правильные сивильские [*то есть* севильские] и испанские шкуры", которые стоили вдвое дороже. Эти шкуры были выделаны "с порошком из финиковых косточек и гауля и с французским шомаком, который ничем не отличается от испанского шомака, чтобы придать им прелестный сладкий вкус, но ничем не напоминает гражданские небеса, и порошок из теиса имеет очень низкую цену, а порошок из правильного испанского шомака, смолотого на мельнице, весит xxx^{сфунтов}, Этот шомак - это куст, кустарник или вереск в Спейне, который растет низко над землей и метет, как Гейл^[629] в Кембриджшире, и его срезают два раза в год, и так сушат и измельчают в порошок на мельницах, и он одевает все гражданские и испанские небеса, привезенные сюда."^[630] Чтобы исправить это мошенничество, было выдвинуто всеобщее требование, чтобы дубленую кожу искали и запечатывали так же, как и дубленую, и в 1593 году Эдмунд Дарси обратил это в свою пользу, получив королевский грант на право проводить такой поиск и запечатывание. Против этого выступили торговцы кожей, мотивируя это тем, что это помешает купле-продаже в сельских районах, если покупателю и продавцу придется ждать, пока придет специалист по поиску, и что предложенные сборы за опечатывание непомерно высоки, составляя от девятой до почти половины стоимости шкур. Они также заявили, что если печать и ставится, то она почти всегда сдирается, стирается или "исчезает, умирая", прежде чем кожа дойдет до потребителя.^[631] После изучения предложенных расценок оказалось, что они слишком велики, поэтому была составлена таблица различных видов кож и их стоимости, а также установлены соответствующие расценки:^[632] -...

Белая тавда	Ценность	Пошлина
Овечьи шкуры	7s.-3s. за дюжину.	2d., 1d.
Малыш и олененок	4s. 6d.-1s. 8d. "	2d., 1d.
Ягнята	4s. 4d.-1s. 8d. "	2d., 1d.
Лошадь ^[633]	5s.-2s. 6d. каждая	2d.
Собаки	4s.-1s. 6d. за дозу.	2d., 1d.

Баксы	4s.-3s. 4d. каждый	8 д. за дюжину.
Доу	2s. 4d.-1s. 8d. "	8d. "
Теленок	12s.-4s. дюжина.	6d., 3d.
Коза	2s. 6d. каждая-3s. 6д. за дюжину.	6d., 2d. за штуку.

Масло заправленное	Стоимость	Плата
Правый бафф[634]	33s. 4d.-15s. each	7d.
Поддельный буфф	13s. 4d.-7s. "	7d.
Правый шамуаз	30с. доз.	7d.
Подделка "	14s. "	7d.
Овца "	8s. "	3½d.
Ягненок "	6s. "	3½d.
Шкура правого шпанца[635]	30s. "	7d.
Поддельные испанские шкуры козла и бакса	3 ли. "	7d.
Поддельные шкуры испанских овец	12s. "	3½d.
Правильные кордовские шкуры	40s. "	12d.
Выделанные шкуры тюленей	40s. "	7d.
Оленьи шкуры,[636] английские, шотландские, размером с баффин, выделанные как баффин.	12 с. каждая	6d.
Оленьи шкуры, ирландские, одетые как буйволы	3 ли. дюжина.	12d.
Бак и лань, одетые как буффе	40s. "	12d.
Телячьи шкуры в таком же виде	16s. "	7d.

Кожей занимались многие ремесленники, такие как перчаточники, шорники, портупейные мастера, плетенщики и бутылочники, но самым важным классом были сапожники. Они, в свою очередь, делились на несколько ветвей, во главе которых стояли кордуаны, получившие свое название от того, что изначально они были работниками по выделке кордовской кожи, но на деле изготавливали обувь лучшего класса. [637] На другом конце находились сапожники, или ремонтники старой обуви. В 1409 году в Лондоне были приняты тщательно продуманные правила, чтобы предотвратить вторжение этих двух классов на территорию друг друга. [638] Сапожник мог обтянуть старую подошву новой кожей или залатать верхнюю часть, но если сапогу требовалась совершенно новая подошва или если новый башмак был прожжен или сломан и требовалось вставить новую деталь, то эту работу следовало отдать кордельщику. Гораздо раньше, в 1271 году, [639] было проведено различие между двумя классами кордуверов - *алютариями* и *басанариями*, причем последние использовали "басан" или "базан", низшую кожу из овечьей шкуры. Ни один из них не должен был использовать ремесло другого, хотя *аллутарий* мог делать верхнюю часть обуви из базана (*quissellos*): во избежание путаницы эти два класса должны были занимать отдельные места на ярмарках и рынках. В 1320 году мы видим восемьдесят пар обуви, конфискованных у двадцати различных лиц, тридцать одна пара была взята у Роджера Брауна из Норвича и конфискована за то, что была сделана из базана и кордуина вперемешку. [640] Пятьдесят лет спустя, в 1375 году, было предписано налагать крупный

штраф на любого, кто продает обувь из базана как кордуиновую,[641] и аналогичное постановление действовало в Бристоле в 1408 году. [642] Согласно лондонским правилам 1271 года, ни один кордвейнер не должен был держать более восьми подмастерьев (*servientes*), а в Бристоле в 1364 году сапожники ограничивались одним "ковенант-хендом", которому платили 18 д. в неделю и позволяли делать восемь пар обуви в год.[643] В случае с Бристолем, однако, не указано предельное количество подмастерьев, которые получали сдельную оплату: в 1364 году расценки составляли 3 д. за дюжину за шитье и 3 д. за ярмо; 3 д. за изготовление пары сапог целиком, то есть 1 д. за раскрой и 2 д. за шитье и ярмо; 2 д. за раскрой дюжины пар обуви, а именно 1 д. за набойки и 1 д. за подошвы, и еще 1 д. за выделку дюжины обуви. В 1408 г. ставки оплаты оставались теми же, хотя появились дополнительные записи: 12 д. за пошив, выделку и отделку дюжины сапог и туфель под названием "четверть-шон" и 7 д. за пошив и выделку, а также дополнительные 1½ д. за отделку дюжины туфель под названием "курсовая посуда".[644]

Продажа готовых изделий также была предметом регулирования: в Лондоне в 1271 году обувь можно было продавать только в районе между Корвейзерштретом и Соперс-лейн, и только утром в обычные дни, хотя в праздничные дни ее можно было продавать и днем.[645] Кожаные шнурки также не продавались на "предвечерних чепингах".[646] Возможно, считалось, что плохую кожу легче выставить в дурном свете, но идея могла заключаться просто в том, чтобы предотвратить конкуренцию торговцев и лоточников с лавочниками. В Нортгемптоне в 1452 году эти два класса торговцев были разделены: тем, у кого были магазины, не разрешалось торговать и на рынке.[647] Нортгемптон к тому времени еще не приобрел ту славу, которую он заслужил в XVII веке как центр английской торговли сапогами, но в 1402 году там были разработаны правила для "корвайзеров",[648] а гораздо раньше, в 1266 году, мы находим приказ Генриха III судебным приставам Нортгемптона выдать сто пятьдесят пар обуви, половину по 5 д. и половину по 4 д. за пару.[649] Они предназначались для раздачи беднякам; подобные заказы в другие годы обычно выполнялись либо в Лондоне, либо в Винчестере: нельзя придавать особого значения тому, что этот единственный заказ был отдан Нортгемптону, поскольку, предположительно, его мог бы выполнить любой крупный город. Если говорить о том, какой город можно поставить во главе сапожного производства, то следует отдать предпочтение Оксфорду, где гильдия кордельеров существовала уже в начале двенадцатого века, была восстановлена в 1131 году,[650] и ее монополия была подтверждена Генрихом II.[651]

ГЛАВА X

ПИВОВАРЕНИЕ - ЭЛЬ, ПИВО, СИДР

Солодовые спиртные напитки с незапамятных времен были национальным напитком Англии, но эль средневековых времен значительно отличался от того напитка, который сейчас безразлично называют элем или пивом. Это было скорее сладкое сусло, по консистенции напоминающее ячменную воду. Эндрю Борд,[652] писавший в первой половине XVI века, пишет: "Эль делается из солода и воды; и те, кто добавляет в эль что-либо другое, помимо рехерса, кроме йоста, барма или годегуда, делают свой эль софистическим. Эль для англичанина - это естественный сухой напиток. Эль должен обладать следующими свойствами: он должен быть свежим и чистым, он не должен быть ни бурым, ни дымным, в нем не должно быть ни утка, ни тайла. Эль не должен быть моложе пяти дней. Новый эль вреден для всех людей. И прокисший эль, и мертвый эль, который стоит дольше, не годится

ни для коро. Barly malte makeseth better ale than oten malte or any other corne doth: it doth ingendre grose humoures; but yette it maketh a man stronge".

Превосходство английского эля было установлено уже к середине двенадцатого века, особенно славился кентерберийский эль:[653] и бочки с элем были в числе подарков, которые Бекет взял с собой к французскому двору по случаю своего посольства в 1157 году.[654] В это время эль действительно заслуживал звания "народной пищи в жидком виде"; его потребление на душу населения должно было быть огромным, а обычный монастырский коррод, или пособие по питанию, предусматривал галлон хорошего эля в день, и очень часто второй галлон слабого эля. Следует помнить, что эль пили всегда, он занимал место не только таких современных изобретений, как чай и кофе, но и воды, так что писатель XIII века, описывая крайнюю бедность францисканцев, когда они впервые поселились в Лондоне (1224 г. н.э.), восклицает: "Я видел, как братья пили такой кислый эль, что некоторые предпочли бы пить воду".[655] Элю придавалось такое значение, что в целях правового надзора его стали соединять с хлебом, а право проводить "ассамблею хлеба и эля" было одной из самых ранних судебных привилегий, утверждавшихся муниципальными и другими местными судами. Ассиз эля, зафиксированный в Статутных списках во времена Генриха III, устанавливал максимальную цену на эль во всем королевстве на основе цены солода, или, скорее, кукурузы, из которой делали солод.[656] Когда пшеница стоила 3s. или 3s. 4 д. за четверть, ячмень - от 20 д. до 2 д., а овес - 16 д., то пивовары в городах должны были продавать два галлона эля за пенни, а за пределами городов - три или четыре галлона. А если три галлона продавались за пенни в городе, то четыре галлона должны были продаваться за пенни в деревне. Если кукуруза дорожала на шиллинг за четверть, цена на эль могла быть повышена на фартинг за галлон.[657] Более поздний ордонанс, изданный в 1283 году, устанавливал цену на эль лучшего качества в 1½ д., а более слабого - в 1 д., и бристольские простолюдины, опасаясь, что их могут наказать, если городские пивовары нарушат это постановление, издали строгий приказ о его соблюдении, нарушение которого влекло за собой конфискацию пивоварни нарушителя.[658]

Достаточно беглого изучения судебных протоколов и других местных записей, чтобы убедить студента в том, что пивоварение было повсеместным, каждая деревня сама обеспечивала свои потребности, и что нарушения правил, с помощью которых предполагалось контролировать торговлю, были почти столь же повсеместными. Одни и те же имена встречаются в любой серии списков, представляются в суд за судом за нарушение ассиза тем или иным способом, и ясно, что строгое соблюдение законов было затруднено, выгоднее было нарушать их и платить небольшие штрафы, которые взимались практически как лицензионные сборы. В Шорхэме в XIII веке пивовары, чья торговля была особенно активной из-за большого количества иностранцев, посещавших порт, платили 2½ марки в год, чтобы избежать досады манориального суда[659], и точно так же сотня Шойсвелла (в Сассексе) платила ежегодный штраф, чтобы эльщицы (торговля в основном находилась в руках женщин) могли быть освобождены от присутствия на днях закона.[660] Однако ни в том, ни в другом случае мы не можем предположить, что контроль манориалов над пивоваренной торговлей был значительно ослаблен, а скорее, что личное присутствие в суде, с его прерыванием бизнеса, было отменено. Помимо денежных выплат, часто существовали и натуральные платежи, причитавшиеся лорду манора или боро. В Мальборо каждая публичная пивоварня должна была выплачивать констеблю замка с каждой варки меру, известную как "толсестер", до 1232 года, когда этот вид эля был предоставлен каноникам церкви Святой Маргариты.[661] Тольстер" также платили в замке Честер, на сайте[662], в

Ньюарке и Фискертоне.[663] В Ковентри "сестер" (*sextarius*) или "цестрон" составлял 13 или 14 галлонов по любому тарифу .[664] Эль всегда должен был продаваться, как оптом, так и в розницу, в мерах, емкость которых удостоверялась печатью или штампом должностного лица, назначенного для этой цели.[665] В списке стандартных мер, составленном в Беверли в 1423 году, указаны кали, кварта, пинта и гилл из олова, панир, хопир, модиус, фиртиндаль, кусок и полкуска дерева, а также галлон, кастрюля, треть и кварта, также из дерева.[666] Однако судебные протоколы показывают, что использование нештампованных мер и розничная продажа эля в кувшинах и кувшинчиках (*per ciphos et discos*) происходили постоянно,[667] основном, несомненно, для удобства покупателей, которые приносили свои собственные кувшины, но иногда и с намерением обмануть, как в случае с Алисой Костон,[668] , которая в 1364 году наполнила дно квартовой меры смолой и хитроумно посыпала ее веточками розмарина,[669] за что ей пришлось "играть бо пепе тороу на пиллери". Интересно отметить, что в Торксее в 1345 году, если женщину обвиняли в продаже эля "против присяги", она могла оправдаться клятвой двух других женщин, предпочтительно соседок.[670]

Когда публичный пивовар готовил свежее пиво, он должен был послать за официальным "эль-коннером" или "дегустатором", или же обозначить, что его услуги требуются, выставив перед домом "эль-колья" - шест с веткой или кустом на конце: это также использовалось как универсальный знак таверны; а некоторые лондонские таверны, возможно, признавая, что их спиртное недостаточно хорошо, чтобы "не нуждаться в кустах", делали свои эль-колья настолько длинными, что они были опасны для прохожих на улице.[671] Ни один эль не мог быть продан до тех пор, пока его не одобрил эль-коннер. Если тот находил эль пригодным для употребления, но не совсем качественным, он мог установить цену, по которой его можно было продавать.[672] В Вустере эль-коннеру предписывалось: "Ты должен приходить к каждому пивовару в этом городе в день его настройки и там пробовать его эль, хорош ли он и полезен ли для человеческого тела, и делают ли они его время от времени в соответствии с установленными ценами. Да поможет тебе Бог".[673] Похоже, благочестивые слова имеют под собой основания, когда мы узнаем, что в Ковентри в 1520 году на 6600 мужчин, женщин и детей приходилось 60 общественных пивоваров.[674] Когда эль был хорошим, это занятие должно было приносить свои плоды, но когда он был плохим, дегустатор, должно быть, часто желал, чтобы наказание соответствовало преступлению, как это было сделано в случае с лондонцем, продавшим плохое вино: преступника заставили выпить порцию вина, остаток которого затем вылили ему на голову.[675] Особое сочувствие мы можем выразить дегустаторам эля в Корнуолле, где "эль - это звездный ноль, в котором задерживаются пигги и тик, как в пигах".[676] Как ни странно, в Domesday Book мы находим упоминание о сорока трех *cervisarii* в Хелстоуне в Корнуолле; обычно предполагается, что это арендаторы, которые платили пошлину за эль, но в описании города Бери-Сент-Эдмундс этот термин явно используется для обозначения пивоваров. Однако в XVI веке Борд[677] в нелестном диалектном стихотворении заставляет корнуоллца сказать: "Iche cam a Cornyshe".

'Iche cam a Cornyshe man, ale che can brew;

От него и кайф, и извержение;

Он дымный и копченый, а еще он дин;

Он как пигги, которые боролись с сухостью".

Для обеспечения чистоты эля не только проверяли готовый продукт, но и заботились о том, чтобы не использовать нечистую воду: часто принимались меры по предотвращению загрязнения воды, используемой пивоварами, или использования ими загрязненной воды.[678] С другой стороны, из-за большого количества воды, необходимой для их бизнеса, в Лондоне, [679] Бристоле,[680] и Ковентри[681] им было запрещено пользоваться общественными водопроводами. Были установлены правила и для самого пивоварения. В Оксфорде в 1449 году, когда девять пивоваров заявили, что варят слабый и нездоровый эль, не приготовленный должным образом и не стоящий своей цены, но и не имеющий никакой ценности, пивоваров заставили поклясться, что они будут варить пиво здоровым способом, то есть будут продолжать нагревать воду на огне до тех пор, пока она будет выделять пену, и снимать пену, а после снятия пены новый эль должен стоять достаточно долго, чтобы осадок успел осесть, прежде чем его отправят, в частности, Ричард Бенет обязался, что его эль должен стоять не менее двенадцати часов, прежде чем он отправит его в какой-либо зал или колледж.[682] В Лондоне также бочки, наполненные на пивоварне, должны были стоять день и ночь, чтобы, когда их заберут, эль был чистым и хорошим.[683] Этим объясняется постановление, принятое в Ковентри в 1421 году, согласно которому эль "новый под ситом" должен был продаваться по 1¼ д. за галлон, а "хороший и несвежий" - по 1½ д.[684] В Сифорде существовало третье состояние - "в гофе", или "хаффе", который продавался за 2 д.[685]

Пивовары настолько считались слугами народа, что их пивоварение не только строго регламентировалось, но их заставляли варить даже тогда, когда они считали, что новые постановления[686] или рост цен на солод сделают их торговлю невыгодной;[687] а в 1434 году пивовары Оксфорда были вызваны в церковь Святой Марии и получили приказ обеспечить солод и следить за тем, чтобы два или три пивовара варили два или три раза в неделю и отправляли свой эль.[688] В Глостере,[689] в XVI веке, пивовары должны были отдавать некое слабое сусло, возможно, отбросы или остатки своей варки, беднякам, чтобы те приготовили из него что-то вроде очень маленького пива, что, должно быть, было чем-то вроде "второй промывки туннелей", которая была привилегией младших пивоваров в Рочестерском приорстве.[690] В Норвиче барм или дрожжи были аналогичным предметом благотворительности, и в 1468 году было установлено, что "если берм, иначе чистый бог, без таймы миндаля свободно быть йовен или отделены для brede whete malte яйца или другие честные вознаграждение до стоимости только фартинг на крайний и полдень предупрежден [т.е. отказано], потому что т. е. отвергнуты], потому что это происходит от великой милости Божией; а некоторые... товарищи пивовары... ради своей корысти и алчности теперь вновь начали брать деньги на свое собственное богоугодное дело, взимая по полпенни или по пенни за самое незначительное количество, Поэтому пивовары должны были поклясться, что "за то время, пока вы или ваша жена будете заниматься пивоварением, вы будете давать деньги любому человеку за берму, называемую goddisgood, беря столько goddisgood, сколько будет достаточно для приготовления четверти солода за фертинг в мусте", при условии, что у них будет достаточно для собственного использования, и что это не относится к какому-либо "старому обычаю" между пивоварами и пекарями.[691]

Примерно в конце XIV века из Фландрии был завезен новый сорт солодового спиртного напитка - пиво. По-видимому, его импортировали в Уинчелси уже в 1400 году[692], но в течение большей части столетия его употребление было в основном, а производство - полностью, ограничено иностранцами. Эндрю Борд,[693], который не одобрял его, говорит: "Бере делают из солода, хмеля и воды: это естественный сухарь для датчанина. И теперь, с недавних пор, он мочно используется в Англии к вящей пользе многих англичан; особенно он лечит тех, кого беспокоят колики, камень и удушье; ибо сухарь - холодный сухарь; однако он

делает человека толстым и раздувает живот, как это видно по лицам и животу мужчин-утчеров. Если бере хорошо подан и не новый, а поджаренный, то он усиливает жар ливера". О том, что благодаря большому иностранному поселению в Лондоне пивоварение вскоре достигло значительных размеров, свидетельствует тот факт, что в 1418 году, когда Генриху V. отправляли провизию при осаде Руана, из Лондона было отправлено 300 туннов "бер" и только 200 туннов эля, но пиво оценивалось всего в 13 с. 4 д. за тун, в то время как эль стоил 20 с. [694] В середине XV века в Рай и Уинчелси стали ввозить большое количество хмеля, а в церкви соседней деревни Плейден до сих пор можно увидеть могилу Корнелиуса Зетмана, украшенную двумя пивными бочками и скрещенными палкой и вилкой для затирания. [695] Чуть позже мы обнаруживаем, что пиво экспортируется из портов Сассекса, а также из Пула, [696] , который уже давно вел большую торговлю элем на Нормандские острова.

Такие пивовары, встречающиеся в пятнадцатом веке, почти все носят иностранные имена. Например, в 1473 году Томас Сейнтлегер и Джон Горынг из Саутварка взыскивали большие убытки за кражу с Джона Дойса из Сент-Ботолфс-аутсайд-Олдгейт и Джерарда Сگونهбург из Саутварка, "беребруеров", поручителями которых были Годфри Сперинг и Эдвард Дьюиссе, также "беребруеры". [697] Вероятно, в данном случае речь шла о незаконном изъятии или конфискации товаров в счет долга за поставленное пиво, поскольку, хотя большая часть украденных товаров представляла собой доспехи и ценные предметы, такие как книга стихов Гауэра и иллюминированный Сеге из Трая, там также было десять бочек "сенгильбера", тридцать пять бочек "даублебера", десять ластов бочек и килдеркинов и два больших мешка для "хмеля". По-прежнему существовало предубеждение против пива, и в 1471 году в Норвиче было запрещено использовать хмель и "гауль" в пивоварении [698] , а в 1519 году власти Шрусбери запретили использование "злого и пагубного сорняка, хмеля". [699] Точно так же в 1531 году королевскому пивовару было запрещено использовать хмель или серу, но принятый в том же году парламентский акт свидетельствовал о становлении отрасли, освобождая пивоваров-иностранцев от действия уголовных законов против иностранцев, занимающихся своим ремеслом в Англии, а также позволяя пивоварам нанимать двух коуперов, в то время как эльщики могли нанимать только одного. [700] В то же время бочка пива была установлена в тридцать шесть галлонов, а эля - в тридцать два, а килдеркин и фиркин составляли соответственно половину и четверть от этих объемов.

С этого времени пивоварение неуклонно процветало, Лики из Саутварка [701] и другие иностранные пивовары сколотили большие состояния, английские пивовары пошли по их стопам, а вкус к пиву распространился по стране так быстро, что в 1577 году Харрисон в своем "Описании Англии" мог презрительно говорить о старом эле как о густом и пресноватом и уже не популярном, за исключением немногих.

Уильям Харрисон, писавший около 1577 года, пишет: "В некоторых местах Англии есть вид напитка из яблок, который они называют сидром или помажем, а тот, что из гороха, называется пирри, и оба они измельчаются и прессуются в прессах, сделанных для этого. Конечно, эти два напитка очень распространены в Сассексе, Кенте, Вустере и других стадах, где эти сорта фруктов в изобилии, хотя они и не являются их единственным напитком на все времена, а относятся к деликатным сортам напитков". [702] Поколением раньше Эндрю Борд, которого мы уже цитировали в отношении эля и пива, писал: "Сидр делают из сока перловки или из сока яблок, а другие делают и из того, и из другого; но лучший сидр делают из чистой перловки, которая бывает дурманящей; Но о лучшем не молятся в физике, ибо сидр холоден от операция и полон воздохосита, а потому он вливает в человека все гуморы и мечет его

естественное сердце, а также напускает краску и вредит желудку; но те, кто привык к нему, если его пить в харвисте, то он лителлирует харм.'

Эндрю Борд не делает различий между сидром и перри. Мы находим упоминание о последнем в 1505 году, когда иностранный корабль вошел в Пул с грузом яблок, груш и т.д. и "3 пончеонами перри", оцененными в 10 с.,[703], но упоминания о перри немногочисленны. Сидр, напротив, пользуется постоянным спросом с середины двенадцатого века и далее. Он фигурирует в Трубных списках Генриха II,[704], а современный историк и журналист Джеральд де Барри утверждает, что монахи Кентербери использовали его вместо кентишского эля как пример своей роскоши.[705] Чуть позже, в 1212 году, продажа сидра становится одним из многочисленных источников дохода аббатства Батл;[706] часть этого сидра, возможно, поступала из его владений в Уайе, где в течение четырнадцатого века производилось большое количество сидра.[707]

Возможно, эта отрасль была завезена из Нормандии, из которой в Уинчелси около 1270 года импортировалось большое количество сидра,[708] и этим можно объяснить то, что он прочно обосновался в Сассексе. В западной части графства, в Пагхэме, мы находим упоминание о том, что яблочная мельница и пресс были незаконно конфискованы чиновником эскейтора в 1275 году[709], и там же в 1313 году фермер из владений архиепископа отчитался за 12 с., потраченных на покупку четырех бочек для сидра, на ремонт сидропресса и на оплату труда людей, нанятых для изготовления сидра.[710] Однако именно в "Нонае Роллс" 1341 года наиболее отчетливо видны масштабы сидровой промышленности в Сассексе.[711] Не менее чем в восьмидесяти приходах, семьдесят четыре из которых находились в Западном Сассексе (West Sussex), десятина сидра упоминается как часть церковных пожертвований, а еще в двадцати восьми случаях указана десятина яблок. Причем стоимость этих десятин была весьма значительной, достигая 100 с. в Изиборне и целых 10 марок (6 фунтов 13 шиллингов 4 д.) в Висборо. В последнем приходе в 1385 году Уильям Трель пожаловал Джону Пакенхему и его жене определенные сады и огороды, оставив за собой половину деревьев, приносящих плоды либо для еды, либо для сидра (*mangable et ciserable*), в обмен на что они должны были ежегодно давать трубу сидра и четверть магазинных яблок (*hordapplen*); он также сохранил право доступа в "wringehouse", или здание, содержащее пресс, и право использовать их сидропрессы для своих фруктов.[712]

Помимо множества случайных упоминаний о сидровых прессах, покупке и продаже сидра, об этой отрасли в средневековые времена почти ничего не известно; не стоит также уделять много внимания производству вина в Англии. Книга Судного дня показывает нам, что великие нормандские лорды во многих случаях сажали виноградники рядом со своими главными резиденциями, а несколькими годами позже Уильям Мальмсберийский говорил о долине Глостера как о более густо засаженной виноградниками, чем любая другая часть Англии, и производящей лучший виноград, из которого делали вино, мало уступающее французскому. Виноградники продолжали выращивать крупные лорды и монастыри, но вино использовалось исключительно для собственного потребления, причем в уменьшающихся количествах. Около 1500 года итальянский гость говорит о том, что ел английский виноград, и добавляет: "Вино можно было бы делать в южных районах, но оно было бы жестким",[713], из чего можно сделать вывод, что к шестнадцатому веку такое виноделие, которое существовало, прекратилось.

ГЛАВА XI

КОНТРОЛЬ НАД ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

Контроль над промышленностью - это тема, для рассмотрения которой хватит материалов не на один большой том. Я, однако, не жалею, что могу посвятить этому вопросу сравнительно небольшое место, поскольку его принципы просты и допускают широкое рассмотрение. Кроме того, в случае со студентом, который не является специалистом, существует опасность затушевать контуры множеством деталей. Кроме того, существует опасность выбрать какой-нибудь загадочный и неясный случай или постановление, обусловленное местными причинами, о которых мы не знаем, и использовать его в качестве основы для гениальных обобщений. В общем и целом, контроль над промышленностью может быть либо внешним, посредством парламентского или муниципального законодательства, либо внутренним, с помощью ремесленных гильдий. Эти два раздела также можно разделить в зависимости от того, каковы их цели - защита потребителя, работодателя или рабочего. Мы также не можем полностью игнорировать законодательство в целях субсидирования доходов, таможенных сборов и пошлин.

О промышленном законодательстве Королевского совета, предшественника парламента, мы находим очень мало следов. Королевские хартии двенадцатого века, подтверждающие или лицензирующие ремесленные гильдии, могут быть более справедливо расценены как законы о доходах, их целью было скорее обеспечить определенный ежегодный доход от ремесла, которому предоставлялась королевская защита, чем осуществлять какой-либо контроль над ремеслом. Провозглашение в начале XIII века Суконной ассамблеи и Ассамблеи хлеба и эля можно считать началом национального контроля над промышленностью, хотя в каждом случае формально принимались существующие правила, а не устанавливались новые. Рост городов и появление богатого купеческого сословия во времена правления Генриха III привели к появлению парламента и, естественно, к появлению определенного количества торговых законов. Но торговля - распространение готовой продукции лицами, не являющимися ее производителями, - нас не касается. Эдуард III, возможно, благодаря своей королеве Филиппе, уроженке суконной земли Хайно, осознал возможности английской суконной мануфактуры и постарался способствовать ее развитию серией законов, о которых говорилось выше. Во время его правления, в 1349 году, Черная смерть, эта великая веха в средневековой истории, сократив число ремесленников, повысила рыночную стоимость оставшихся в живых, которые сразу же потребовали и получили более высокую зарплату. В ответ парламент принял Статут о рабочих,^[714] согласно которому ни один кузнец, плотник, каменщик, плиточник, корабельщик, кожевник, портной или другой ремесленник не должен был получать более высокую зарплату, чем три года назад, до моровой язвы. Хотя этот закон был принят в пользу работодателя, он не совсем благоприятствовал богатым, поскольку, налагая штраф на дающего чрезмерную зарплату, а также на получающего ее, была сделана попытка предотвратить лишение мелкого работодателя его работников более богатыми конкурентами. Насколько мы можем судить, закон был вдохновлен отчасти страхом, что капиталист может контролировать источники рабочей силы, а отчасти страхом, что эти источники могут выйти из-под контроля. Каково бы ни было его происхождение, закон не выполнил своего намерения, и заработная плата, как показал Торольд Роджерс, оставалась^[715] постоянно выше. Это не было связано с небрежностью в применении закона; в течение многих лет после его принятия во всех частях Англии назначались судьи для его исполнения,^[716] а записи их разбирательств, как, например, в Сомерсете в 1360 году,^[717] где названы многие сотни нарушителей,

показывают, что рабочие без колебаний требовали и не находили трудностей в получении зарплаты выше, чем позволял закон. Оптовое тюремное заключение как средство борьбы с нехваткой рабочей силы вряд ли было удовлетворительным, а небольшие штрафы, которые налагались, не были сдерживающим фактором.

После Черной смерти положение ремесленников улучшилось, и ремесла в целом приобретали все большее значение в общественной оценке, и начиная примерно с 1380 года регулирование отраслей занимает все больше места в Статутных списках. С ростом своего влияния большинство ремесел стало требовать защиты, которая обычно предоставлялась им с либеральной стороны. Но, хотя пагубные последствия защитных мер (ухудшение качества и рост цен) в значительной степени сдерживались контролем качества и цен со стороны национальных и муниципальных властей, потребитель иногда побуждался к действию. Один из лучших примеров борьбы между государственными и частными интересами можно найти в случае с Ярмутским сельдяным промыслом. Эдуард III предоставил Ярмуту монополию на продажу сельди на восточном побережье в сезон промысла. В результате цены на сельдь сильно выросли, и король был вынужден отменить привилегию: ярмутцы тут же начали дергать за ниточки и в 1378 году вернули себе монополию, причем с тем же результатом, что и раньше. Потребитель снова заявил о себе, и в 1382 году Ярмутская хартия была отменена, а в 1385 году восстановлена на том основании, что без подобной защиты Ярмут будет разорен.

Если многие парламентские постановления были направлены на защиту производителя, как, например, запрет в 1463 году на импорт огромного количества товаров, от шелковых лент до кастрюль, от бритв до теннисных мячей, включая такие несовместимые вещи, как игральные карты и святящиеся колокольчики, то [\[718\]](#) еще больше были направлены на защиту потребителя. С одной стороны, конечно, один закон, запрещающий определенный импорт, мог защитить дюжину видов продукции, а осуждение одного конкретного вида мошенничества, вероятно, заставило бы изобретательных мошенников придумать череду других, каждый из которых требовал бы отдельного закона для его пресечения. Сентиментальные поклонники прошлого склонны воображать, что средневековый рабочий любил хорошую работу ради нее самой и никогда не халтурил. Ничто не может быть дальше от истины. Средневекового ремесленника не зря называли человеком ремесла! Совести у него было не больше, чем у водопроводчика, а знания о темных путях и тщетных уловках были обширны и своеобразны. Хитроумное ремесло лондонских пекарей, которые, готовя тесто для своих клиентов, крали большую часть теста на глазах у заказчиков с помощью маленькой дверцы-ловушки в тестомесильной доске и мальчика, сидящего под прилавком, [\[719\]](#) было исключительным только в своей изобретательности. Ткани растягивались и натягивались до предела и хитро складывались, чтобы скрыть дефекты, длина плохой ткани соединялась с длиной лучшего качества, или целая дешевая ткань заменяла хорошую ткань, которую покупали клиенты; плохую кожу подделывали под лучшую и продавали по ночам неосторожным; горшки и чайники делали из плохого металла, который плавился, когда ставили на огонь; и все, что можно было взвесить или измерить, продавалось по ложной мерке.

До середины XVI века внимание парламентариев было сосредоточено в основном на торговле тканями, и преамбулы к различным статутам показывают, что власть имущие, включая более ответственных производителей, понимали, что честность в конечном итоге является лучшей политикой. В 1390 году было отмечено, что мошенничество суконщиков Западной страны не только поставило под угрозу репутацию и даже жизнь купцов,

привозивших сукно на экспорт, но и опозорило имя Англии за рубежом.[720] Двумя годами позже репутация гилдфордских суконщиков была подорвана жестокими методами.[721] Норфолкские камвольные ткани рано завоевали популярность на континенте, но в 1410 году фламандские купцы были возмущены их плохим качеством[722], а тридцать лет спустя иностранный спрос на камвольные ткани был почти уничтожен[723], в то время как в 1464 году английские ткани вообще были в серьезной опале не только за границей, но даже на родине, иностранные ткани были в значительной степени импортированы.[724] Надо отдать им должное, гильдии осознавали, насколько важно для их собственных интересов поддерживать высокий уровень качества изготовления, и лояльно сотрудничали с муниципальными властями в этом направлении.

Хотя мы отнесли контроль над промышленностью с помощью муниципальных подзаконных актов к "внешнему", а контроль с помощью правил гильдий - к "внутреннему", на самом деле между ними нельзя провести жесткой и быстрой границы. В Англии, в отличие от многих континентальных государств, эти две власти работали вместе без особых трений: ремесленные гильдии признавали главенствующее положение купеческой гильдии или городского совета, а последние, в свою очередь, защищали интересы гильдий и использовали свою организацию для контроля над различными ремеслами. Вопрос о происхождении гильдий скорее интересен, чем важен, и вызывает много дискуссий. Известно, что римские ремесла были организованы в *коллегии*, но хотя вполне возможно, что некоторые торговые гильдии в Константинополе и даже в Италии и Испании могут вести свою родословную с римских времен, более чем невероятно, что между римскими *коллегиями* и английскими ремесленными гильдиями двенадцатого века существовала какая-либо связь. Гильдии, упоминания о которых мы находим в англосаксонских записях, были, несомненно, братствами чисто социального и религиозного характера. Эти гильдии, дружеские общества для поддержки религиозных обрядов, приносящих пользу душам всех членов, и для взаимной помощи тем, кто столкнулся с несчастьем, пережили Завоевание и значительно увеличились, так что к концу четырнадцатого века вряд ли можно было найти деревню, в которой не было бы хотя бы одной гильдии. Естественно предположить, что в городах, где выбор гильдий был значительным, существовала тенденция к тому, что представители одного и того же ремесла вступали в одну и ту же гильдию. Сила, которую давал такой союз под общей клятвой подчиняться одним и тем же законам и одним и тем же должностным лицам, а также преимущество церковной защиты должны были вскоре стать очевидными, и как в 1378 году мы видим, что лондонские ткачи образовали братство, чьи постановления носят исключительно религиозный характер и не содержат никаких ссылок на род занятий членов[725], так мы можем вполне поверить, что многие из ранних гильдий, хотя и казались чисто религиозными, на самом деле были торговыми союзами. Какими бы ни были способы появления ремесленных гильдий, мы видим, что начиная с середины двенадцатого века их число и влияние растет. Тем временем капиталисты и богатые торговцы с помощью "купеческих гильдий" и других подобных организаций настолько прочно установили олигархический контроль над городами и боро, что им удавалось держать ремесленные гильдии в подчиненном положении. Везде городские власти, будь то мэр и совет, купеческая гильдия или губернатор, могли навязывать ремеслу свои правила, а те правила, которые ремесло разрабатывало для собственного управления, были законны только в том случае, если их принимал городской совет. Типичным был случай с Ковентри, где в 1421 году мэр и советники вызвали к себе надзирателей ремесел со своими постановлениями. 'And the poyntes that byn lawfull good and honest for the Cite be alowyd hem and all other thrown asid and had for none'.[726] Таким же образом в Норвиче в 1449 году мэр составил полный свод ордонансов для ремесел.[727] Но, несмотря на то, что городские власти держали гильдии под твердой рукой и принимали меры для защиты интересов

потребителей и города в целом, они оставляли за гильдиями контроль над внутренними делами их ремесел. Таким образом, ремесленник в отношениях с другим представителем того же ремесла был братом гильдии, но в отношениях со всеми остальными людьми он был горожанином.

С точки зрения потребителя регулирование цен было, пожалуй, самой важной проблемой. Цены на сырье слишком зависели от спроса и предложения, чтобы их можно было регулировать, хотя в 1355 году парламент вмешался, чтобы снизить цены на железо,^[728] запретив его экспорт и приказав лейбористским судьям (*т.е.* тем, кто был назначен для обеспечения соблюдения Статута о лейбористах) наказывать всех, кто продает его слишком дорого. Местные власти, гражданские и манориальные, принимали постоянные меры, чтобы предотвратить искусственное повышение цен на то, что мы можем назвать сырыми продуктами питания, кукурузой, рыбой и мясом; "регратор и форестоллер", то есть посредник, который перехватывал поставки до того, как они попадали на рынок, и заставлял цены расти ради собственной выгоды, повсеместно считался злодеем.^[729] Экономисты того времени еще не понимали, что ловкость, проявленная при покупке товара по дешевке и продаже того же товара без дополнительных затрат труда, дорогого стоит, если это делается в достаточно больших масштабах, и оправдывает присвоение рыцарского звания или пэрства. В случае с промышленными продуктами питания, такими как хлеб и эль, цена автоматически определялась ценой сырья, и в целом цены на мануфактуру регулировались стоимостью материалов. Даже в случае такой художественной работы, как изготовление восковых изображений, считалось скандальным, что мастера берут за изображения 2 с. за фунт, когда воск стоил всего 6 д. за фунт, и в 1432 году восковым мастерам было приказано не брать за работу более 3 д. за фунт сверх текущей цены на воск.^[730] Принцип, согласно которому ремесленник должен довольствоваться разумной прибылью и не случайные нужды своих соседей к собственной выгоде, постоянно проявляется в местных правилах, как, например, в Лондоне в 1362 году, когда из-за ущерба, причиненного сильным штормом, черепица пользовалась большим спросом, и плиточникам было приказано продолжать делать черепицу и продавать ее по обычным ценам.^[731]

Вопрос о ценах, которые, таким образом, в значительной степени состояли из переменной суммы за материал и фиксированной суммы за работу, очень тесно связан с вопросом о заработной плате.^[732] Средневековый экономист, по-видимому, принял раскинскую теорию, согласно которой всем людям, занятым в определенной отрасли ремесла, должна выплачиваться равная заработная плата с тем следствием, что лучший работник получит больше работы, в отличие от современной практики оплаты в зависимости от мастерства, которая приводит к тому, что плохой работник нанимается чаще, потому что он дешевле.^[733] Конечно, в каждой профессии существовали разряды: мастер или бригадир, рабочий, помощник или простой рабочий, но в рамках каждого разряда оплата была фиксированной - по крайней мере, в пределах юрисдикции гильдии или городской власти^[734] - за исключением случаев, когда работа носила совершенно исключительный характер, как, например, изготовление резных лавок для королевской часовни в Вестминстере в 1357 году, где оплата была почти вдвое выше, чем у обычных рабочих.^[735] Заработная плата во все времена выплачивалась по двум системам - сдельной и повременной, а часы, которые варьировались в разных ремеслах, в разных местах и в разные периоды, как правило, были продолжительными.^[736] У строителей Беверли в XV веке работа начиналась летом (с Пасхи по 15 августа) в 4 часа утра и продолжалась до 7 часов вечера; в 6 часов утра был четвертьчасовой перерыв, чтобы подкрепиться, в 8 - полчаса на завтрак, в 11 - полтора часа на обед и сон, в 3 - полчаса на дальнейшую трапезу. В зимние месяцы они работали от рассвета до заката, с полчаса на завтрак в 9 часов, часом на обед в полдень и четвертью

часа перерыва в 3 часа. Эти часы довольно хорошо согласуются с теми, что были установлены парламентом в 1496 году[737], согласно которым с середины марта до середины сентября нужно было начинать работу в 5 и заканчивать ее между 7 и 8 часами, полчаса на завтрак и полтора часа на ужин и сон (сиеста должна была проводиться только с начала мая до конца июля, в остальное время должен был быть час на ужин и полчаса на обед - "нонэмете"). В конце XIV века лондонские кузнецы работали с рассвета до 9 вечера, за исключением ноября, декабря и января, когда их рабочий день длился с 6 утра до 8 вечера.[738] В случае гильдии капперов в Ковентри рабочий день подмастерьев в 1496 году длился с 6 утра до 6 вечера;[739] но в 1520 году он был увеличен и стал длиться с 6 утра до 7 вечера зимой и с 5 утра до 7 вечера летом.[740] Разумеется, заработная плата, выплачиваемая по дням, различалась зимой и летом, если мы можем использовать эти термины для обозначения коротких и длинных дней. В Лондоне определяющими датами были Пасха и Михайлов день,[741] в Бристоле - Пепельная среда и День святого Каликста (14 октября),[742] а в случае с рабочими Вестминстера - Сретение (2 февраля) и День всех святых (1 ноября), что давало исключительно короткий зимний период.[743]

На фоне долгого рабочего дня мы должны отметить сравнительную частоту праздников. По воскресеньям и во все большие праздники, а также в разное количество местных праздников, таких как день посвящения церкви, работы не велись, а по субботам и в дни, предшествующие праздникам, работа, как правило, прекращалась в четыре часа или раньше. Такое раннее окончание работы было введено в Норвиче[744] в 1490 году по заявлению сапожников, что многие из их подмастерьев "очень склонны к беспорядку и безделью, что приводит к крайней нищете, так что в течение нескольких дней они стремятся к тому, чтобы отложить свой телесный труд, пока большая часть его не будет почти потрачена и растрочена...также вопреки божьему слову и доброй воле временной они работают быстро в сондае и праздничные дни в сатердей и бдения с двух часов ночи до отхода и отхода ночи после этого. И не только эта сильная диспозиция, но и многие войны так оскорбляют друг друга в дни таких праздников и омывают грядущую службу". В случае с литейщиками в Лондоне,[745] хотя после полудня нельзя было выполнять обычные работы по металлу, такие как точение, обработка напильником или гравировка, исключение делалось в случае литья, которое находилось в процессе; такая работа могла быть завершена по истечении времени, поскольку в противном случае металл пришлось бы переплавлять, даже если он не был испорчен прерыванием. По воскресеньям и праздникам работать не разрешалось, за исключением кузнецов, которые должны были подковывать лошадей проезжающих через город чужестранцев.[746] Многие лавки были открыты в воскресенье утром до семи часов, особенно сапожники,[747] которым в Бристоле разрешалось в любое время дня обслуживать "любого коня, или сквайра, или любого другого человека, отправляющегося в путь или в путешествие, купца или молодожена, приезжающего из города", или, в течение шести воскресений сбора урожая, любого другого, кому нужны сапоги.[748] Рынки в начале XIII века часто проводились по воскресеньям, но вскоре большинство из них были перенесены на будние дни; а ярмарки обычно были связаны с днем святого, но ярмарка была развлечением, на котором простой ремесленник был заинтересованным зрителем, хотя капелланы и купцы были достаточно заняты. Лондонское правило, согласно которому субботы и бдения засчитывались в заработную плату как полные дни, а за воскресенья и праздничные дни[749] не платили, обычно соблюдалось, но в случае с рабочими, занятыми на строительных работах в Вестминстере и Тауэре, было принято платить за чередование праздничных дней, но не за воскресенья.[750]

Правила, запрещающие работать ночью или после наступления темноты, постоянно встречаются во всех отраслях промышленности, "по той причине, что ни один человек не может работать ночью так же аккуратно, как днем".[751] Кроме того, во многих профессиях ночная работа досаждала соседям. Так, например, было с кузнецами[752], и, вероятно, это послужило причиной принятия Советом в 1398 году закона о том, что ни один работник кожевенного дела не должен работать по ночам с молотком и ножницами, ножом или напильником при изготовлении очков или ремешков (шнурков или ремешков).[753] Хуже всех были шпорочники,[754] ибо "многие из представителей этого ремесла целыми днями слоняются без дела, а потом, напившись и взбесившись, принимаются за работу, досаждая на больных и всех своих соседей..... А потом они раздувают свои костры так энергично, что их кузницы начинают пылать все разом, к великой опасности для них самих и всех окрестных жителей". Подобные неудобства власти пресекали строгими подзаконными актами, точно так же, как они изгоняли за пределы стен такие оскорбительные занятия, как разделка туш, выделка шкур и обжиг кирпича.[755]

Третья причина запрета на ночную работу заключалась в том, что свет свечей не только затруднял хорошую работу, но и облегчал плохую. При неясном искусственном свете не только легко было выдать поддельную кожу и другие обманные товары, что было одной из причин, побудивших Совет попытаться уничтожить 'evecheryngs',[756] или вечерние рынки, в Лондоне, но это также позволяло мошенникам избегать глаз бдительного досмотрщика или инспектора.[757] Все подобные уклонения и скрытность справедливо считались подозрительными, и в Бристоле, к примеру, ткачи должны были работать на станках, видимых с улицы, а не в подвалах или на верхних этажах,[758] лучшие сорта мехов также должны были обрабатываться на публике,[759] и эль не мог продаваться в частном порядке.[760] Средневековая система обыска или досмотра была очень тщательной, как в теории, так и, насколько мы можем судить, на практике. Досмотр мер и весов, провизии, сукна и дубленой кожи обычно возлагался на мэра или аналогичное должностное лицо боро, а в сельских округах - на манориального лорда, но обычно в случае с другими производствами, а в случае с сукном и кожей - очень часто, мэр возлагал обязанности по досмотру на членов ремесленных гильдий, избранных и присягнувших для этой цели. Они могли осматривать изделия как в мастерских, так и при выставлении их на продажу и конфисковывать любые плохо сделанные вещи. Забракованные товары либо сжигались, либо раздавались бедным,[761] а ремесленник-нарушитель подвергался штрафу, столбу или, если нарушитель был старым, изгонялся из города.[762] Чтобы облегчить поиск ответственных за плохую работу, ткачам, суконщикам, шляпникам, металлистам, черепичникам и другим ремесленникам, включая пекарей, было приказано ставить на своих изделиях личные товарные знаки.[763]

Процесс поиска должен был значительно упроститься благодаря распространенному в средневековых городах обычаю разделять или локализовать ремесла,[764] так, чтобы все ювелиры жили в одном квартале, сапожники - в другом, суконщики - в третьем и так далее. Насколько это было обязательным, а насколько просто делом обычая, сказать трудно, но для тех, кто в дополнение или вместо магазинов торговал у курганов или чапменов, обычно выделялись определенные районы. Так, лондонские сапожники могли выставять свой товар на продажу только между Соперс-лейн и Кондуитом, и то только утром,[765] а бристольские кузнецы не должны были рассылать железные изделия по городу для продажи в тайных местах, но либо продавать "in here howse opynlych", либо в отведенном им месте у Высокого Креста, где также должны были стоять все незнакомцы, приходящие с "eny penyworthes

yclepid smyth ware".[766] Еще более строго, как и следовало ожидать, принцип сегрегации соблюдался на рынках. Список прилавков на рынке провизии в Норвиче в 1397 году[767] показывает сорок прилавков мясников, затем сорок пять прилавков рыботорговцев и двадцать восемь прилавков на рынке скотоводов, из которых девять использовались для продажи свежей рыбы; затем пятнадцать лавок, принадлежащих корпорации на рынке шерсти, и большое здание "Уортстед Келд", куда должны были привозить все камволы, присылаемые из страны.[768] Другие ремесла были локализованы таким же образом, а двум разновидностям кожевников - кордуэнам и работникам по выделке низших сортов овечьей кожи - было предписано держаться каждый за свой ряд прилавков, чтобы избежать путаницы и мошенничества.[769]

Как ремесла держались каждый в своем районе, так и ремесленник был ограничен своим ремеслом. По закону, изданному в 1364 году, ремесленники были обязаны придерживаться одного "тайнства" или ремесла,[770] исключение было сделано в пользу женщин, работающих пивоварами, пекарями, чесальщиками, прядильщиками, а также мастерами по изготовлению шерсти, льна и шелка, - универсальность женщины, "вечной любительницы", была признана таким образом за пять с половиной веков до того, как мистер Честертон открыл ее заново. Более поздние законы запрещали сапожникам, кожевникам и кузнецам вторгаться в сферу деятельности друг друга. Правда, в Бристоле[771] мы находим загадочное постановление о том, что если человек, не обучавшийся кожевному делу, занимается ремеслом, которому он обучался, а также использует ремесло дубления, он не должен ничего платить ремеслу кожевника, а только своему собственному ремеслу, и его "maistier servaunt de tanneres-crafte" должен платить пошлины и т.д. мастера этого ремесла. Но, вероятно, это относится к более позднему пятнадцатому веку после появления капиталистических работодателей; если нет, то это, конечно, исключение, поскольку общая тенденция состоит в том, чтобы держать ремесла, и особенно смежные ремесла, отдельно, чтобы, предположительно, избежать роста "комбинатов" и монополий. По этой причине в Лондоне было запрещено вступать в партнерство рыботорговцам и рыбакам,[772] потому что торговцы, зная потребности города, могли бы манипулировать поставками и поддерживать цены. Доводы против того, чтобы все отрасли одной торговли находились под единым контролем, наглядно демонстрирует случай с железными рабочими Ковентри в 1435 году:[773] -...

Да будет вам известно, что если в этом городе, и в частности в ремесле волочильщиков, будут приняты определенные порядки, то это будет как бы мишенью для кингов, и в частности бедные часовщики и одевальщики в то время, когда они придут, будут сильно задеты; И, как можно предположить, главная причина кроется в тех, кто владеет всеми ремеслами в своих собственных гондолах, то есть в сметчиках, скобяных мастерах,[774] гардельщиках и карточных рисовальщиках; ибо тот, кто владеет всеми этими ремеслами, может, оскорбляя свою совесть, сделать мне много вреда. Во-первых, в кузнечном деле, если он будет внимателен и будет управлять своим железом, чтобы оно было в одном месте или в другом, то, когда оно прольется, не должно быть никакого чапманского склада, а затем, для своего собственного удовольствия, он придет к своему бракемону и скажет ему: "Вот камень из грубого железа, который должен быть аккуратно выщерблен". И тогда Бракемон должен выполнить поручение своего господина и сделать все, что ему положено; а потом, когда Бракемон сделает все, что ему положено, чтобы не было ни в коем случае зацепки за гурдель, тогда битие должно быть продано за коновязь. А когда хит сделан в хокее и должен служить фишеру, чтобы взять фиссу, когда хит расстраивается, тогда для тучности хит все ломается, и таким образом фишер распускается к своему гретому харму. И тогда, когда проволока, которую, как полагает мейстер, будут чистить на гурделе, он подходит к своему

препоясанному и говорит ему, как он говорил брекемону: "Вот, вот стринг или идж, который был у меня на руках; мой брекемон сделал свой денер, а я делаю теперь твой". И он поступил так, как велел ему господин. А потом он подошел к своему картотеке и сказал ему то же самое, и он поступил так, как велел ему его господин. А потом, когда кардмейкер купил эту проволоку, таким образом, недобросовестно сделанную, он, может быть, и не знал, что она попала в тильду, а потом попала в крокинг, [775], а потом попала в кракинг, а потом попала в фарит, так что кардмейкер прямо хеви в этом, но никогда больше не ставил, потому что попала в крокинг, он должен не помогать себе, чтобы не проиграть, он делает карты из этого так хорошо, как может. А когда карды проданы суконщику и не заняты, зубы ломаются и выпадают, так что суконщик в беде. Поэтому, господа, почитатели Бога, в поддержку истинного леге-пеапула и в защиту от всех расстройств, изучите эту материю и, как вы видите, расстройство должно быть, чтобы исправить ваши рассудительные рассуждения. For ye may right welle know be experience that and the smythier and the brakemen wern togider, and no mo, and the cardwirdrawers and the middlemen [776] togider, and no mo, then hit were to suppose that ther shuld not so myche disseyvaball wire be wrought and sold as ther is; Ибо если бы ремесло было разделено так, как сказано выше, то карточные волочиальщики и моидельщики больше всего нуждались бы в проволоке, которую они должны были бы плести из смифира, и если бы карточный волочиальщик был один или несколько раз разделен с одной проволокой, то он бы воевал, и тогда бы он говорил смифиру, у которого он купил эту проволоку: - "Сэр, у меня была от вас плохая проволока. Сэр, исправьте свое достоинство, или, по правде говоря, я больше не буду с вами расставаться". И тогда сметчик, чтобы не потерять своих заказчиков, сделает истинное добро; и тогда, с Божьей милостью, ремесло изменится, и кинги папуллов не будет отсеиваться с онтреве добром".

Интересы ремесленников, или производителей, в целом были противоположны интересам потребителей. Правда, они сотрудничали, как мы видели, с местными властями в поддержании стандартов мастерства, потому что ремесло, которое этого не делало, вскоре оказалось бы "опороченным и потеряло работу" [777], но в их интересах, очевидно, было поддерживать цены путем ограничения конкуренции и выпуска продукции. Их успех в ограничении конкуренции сильно различался в разных ремеслах и местах. В Линкольне, например, ни один плиточник не мог приехать на работу в город, не вступив в гильдию плиточников, [778] в то время как в Вустере это было настолько не так, что плиточникам вообще не разрешалось создавать гильдию. [779] В целом гильдии поддерживали горожан в их противостоянии чужакам. Традиционным отношением англичанина к незнакомцу всегда было "бросить в него полкирпича", и еще в 1421 году власти Ковентри распорядились, "чтобы никто не бросал в чужого человека ни кирпича, ни шкуры". [780] В те времена чувство гражданского или даже приходского патриотизма было более развито, и в целом считалось, что, хотя ремесленники не должны работать на чужаков, если в городе нет работы, с другой стороны, работодатели должны отдавать предпочтение своим соотечественникам и не отправлять работу за пределы города. [781] Что касается поощрения чужаков селиться в их стенах, то в разных местах настроения были разными. В Беверли в 1467 году было принято постановление, что любой человек может приехать и заняться своим ремеслом без какой-либо оплаты в течение первого года, за исключением взноса на освещение церкви и ежегодные представления, проводимые его ремеслом, но после этого он должен ежегодно платить 12 д. в город и 12 д. в свое ремесло, пока не станет бюргершей и членом гильдии. [782] Но позиция Бристоля, где никто не мог ткать, пока не станет бюргершей (и братом гильдии), была более характерна для общего чувства. [783] Однако в Бристоле существовало правило, согласно которому незнакомец, приехавший в город с визитом или в

ожидании корабля, мог работать по своему ремеслу, чтобы прокормиться во время своего пребывания в городе.[784] В Херефорде это правило, по-видимому, не действовало: лондонский портной, которому хозяин разрешил во время эпидемии чумы поехать погостить к родственникам в Херефорд, был заключен в тюрьму надзирателями местной гильдии портных за то, что он немного пошил для кузена, у которого остановился, чтобы заплатить за свое содержание.[785] В Норвиче, согласно постановлениям 1449 года, ни один "иностранный житель" не мог иметь ни подмастерьев, ни даже наемного слугу, если только тот не был абсолютно необходим для его бизнеса, и в этом случае по истечении года он должен был либо "купить себе фримена", либо, если он слишком беден, чтобы купить франшизу, "жить под данью шерифов".[786]

Одно из преимуществ местного производителя перед иностранцем заключалось в том, что его товары поступали на местный рынок без необходимости платить таможенные пошлины или *октрои*. Длинные списки этих пошлин на все мыслимые виды товаров, от медведей и обезьян до перца, можно найти в записях многих городов,[787] особенно морских портов. Правда, бюргеры многих городов и арендаторы многих религиозных домов теоретически были освобождены от уплаты этих пошлин, но вполне вероятно, что задержка и беспокойство, связанные с доказательством такого освобождения, часто считались большей потерей, чем оплата. Что касается иностранного импортера, то, несмотря на отсутствие такого понятия, как защитная пошлина (импорт товаров либо запрещался полностью, либо не ограничивался), он мог оказаться вынужденным платить более высокую, даже двойную, импортную пошлину на все свои товары. Такая дискриминационная политика по отношению к иностранцам в сочетании с постоянными преследованиями несчастных иностранных купцов побудила многих иноземных поселенцев получить письма о натурализации, и длинные списки таких писем в XV веке[788] показывают, насколько многочисленными и распространенными были эти иностранцы. Прибывшие в основном из Фландрии и Низких стран, они селились не только в Лондоне и других крупных городах, но и в более мелких рыночных городах и деревнях по всей стране, занимаясь различными ремеслами, такими как ювелиры, суконщики, кожевники и так далее. В Лондоне, в частности, иностранный элемент был очень велик с раннего времени, и в результате приглашения, выданного Эдуардом III иностранным суконщикам, и их освобождения от контроля гильдии местных суконщиков, мы имеем исключительное явление - гильдию иностранных ткачей. Эта гильдия, сама разделенная соперничеством и ссорами фламандцев и брабантцев,[789] была непопулярна среди местных ткачей, поскольку, конкурируя с ними за торговлю, они не участвовали в ферме или ренте, выплачиваемой гильдией королю, и вообще в Лондоне было сильное чувство против иностранцев, которое разжигалось ремесленными гильдиями и иногда доходило до бунтов, убийства некоторых иностранцев и разграбления их магазинов.

В то время как гильдии постоянно вступали в конфликт с внешними интересами, существовал и внутренний конфликт интересов между мастерами, наемными слугами, или подмастерьями, и промежуточным классом подмастерьев. Это становится более заметным к концу нашего периода. Если до второй половины XIV века между нанимателем и подмастерьем периодически возникали трения, то в последующие два столетия рост капитализма в сочетании с низведением мелких независимых мастеров до положения подмастерьев привел к обострению отношений между этими двумя классами. В более ранний период в большинстве ремесел у любого ремесленника была вполне обоснованная перспектива стать независимым мастером, но с течением времени трудности с достижением независимости возрастали. Растущая привлекательность городской и ремесленной жизни по сравнению с сельским хозяйством увеличивала ряды ремесленников, и гильдии,

управление которыми находилось в руках мастеров, пытались ограничить конкуренцию, повышая вступительные взносы и, в особенности, повышая свои "скидки", то есть плату, которую должен был заплатить ремесленник при устройстве в качестве мастера. Один из самых ранних примеров такого ограничения конкуренции связан с гильдией ткачей Лондона, о которой в 1321 году сообщалось, что за последние тридцать лет они сократили число ткацких станков в городе с 380 до 80.[790] В данном случае целью было извлечение выгоды для всех членов гильдии за счет общества, а не защита существующих мастеров от конкурентов внутри гильдии, и поэтому использовался метод повышения платы за вход в гильдию. Эта же гильдия ткачей настолько опередила свое время, что ввела ограничение выработки, характерное для современных профсоюзов: ни одному члену гильдии не разрешалось ткать полотно менее чем за четыре дня, хотя такое полотно легко можно было соткать за три, а то и за два дня.[791] Но это был исключительный, если не сказать абсолютно уникальный шаг.

Насколько желание ограничить выпуск продукции лежало в основе правил, запрещавших нанимать больше строго ограниченного числа учеников и подмастерьев, и насколько такие запреты были вызваны страхом перед монополизацией труда капиталистами, сказать трудно. Вероятно, страх перед капиталистом был главным стимулом для таких правил, которых очень много; например, сапожники Бристоля были ограничены одним "coveuant hynd"[792], а сапожникам Ковентри разрешалось иметь только двух подмастерьев, ни один из которых не мог быть заменен, если он уходил с разрешения мастера до истечения семилетнего срока.[793] Тот же принцип честной игры между работодателями привел к установлению суровых наказаний за отъем чужого слуги или наем подмастерья, не выполнившего обязательства перед своим предыдущим мастером, а также к строгому запрету платить больше установленной максимальной заработной платы. Поскольку последнее положение иногда обходилось тем, что жена хозяина дарила слугам дополнительные вознаграждения и подарки, в 1408 году в Бристолье эта практика была запрещена, за исключением того, что хозяин мог в конце года оказывать "любезность" в размере 20 д. своему главному слуге.[794] Как запрещалось нечестное привлечение рабочей силы путем предложения высокой зарплаты, так и использование дешевого женского труда, как правило, рассматривалось с пренебрежением. Фуллерам Линкольна было запрещено работать с любой женщиной, которая не была женой или служанкой мастера,[795], а "брейлеры", или изготовители скоб, Лондона в 1355 году постановили, "что никто не должен быть настолько смел, чтобы заставить работать в своем ремесле любую женщину, кроме своей законной жены или дочери".[796] Столетие спустя власти Бристоля пошли еще дальше, обнаружив, что ткачи "нанимали, занимали и нанимают своих вайфов, доутуров и девиц, одних для работы в своих собственных ломбах, а других - для работы с другими людьми, занимающимися этим ремеслом", в результате чего многие "были склонны служить королю в его войне,и достаточно одаренных в этом ремесле... становились бродячими и незанятыми", категорически запретил эту практику в будущем, сделав исключение только в случае жен, уже нанятых таким образом.[797] О детском труде мы слышим очень мало, одно из немногих упоминаний - приказ от их имени, сделанный, как и подобает, Ричардом Уиттингтоном в 1398 году, что, поскольку некоторые "хуреры" (изготовители меховых шапок) посылают своих учеников, подмастерьев и детей нежного возраста на Темзу и другие открытые места, среди ужасных бурь, морозов и снегов, чтобы чистить шапки, к большому сожалению города, эта практика должна быть немедленно прекращена.[798]

Подмастерье с ранних времен было главным, а со временем и единственным путем к мастерству. Ордонансы лондонских кожевников[799], принятые в 1347 году, и ордонансы оловянщиков[800], принятые в следующем году, в качестве альтернативных условий для

приема в ремесло предлагают завершение периода ученичества или предоставление хорошего свидетельства о том, что претендент является компетентным работником. Подобное свидетельство о способностях требовалось от красильщиков в Бристоле,[801] в 1407 году, даже если они были подмастерьями, но, как правило, достаточной квалификацией было прохождение срока ученичества. Этот срок мог значительно варьироваться, но по лондонскому обычаю, который действовал в большинстве английских округов, он составлял не менее семи лет. Часто этот срок превышался, и, например, в 1462 году мы находим четырнадцатилетнего мальчика, поступившего в ученики к галантерейщику на довольно исключительный срок - двенадцать лет; но в этом случае мастер обязался обеспечить ему два года обучения, первые полтора года - для изучения "грамматики", а следующие полгода - для обучения письму.[802] В списке подмастерьев, принесших клятву верности королю и городу в Ковентри в 1494 году, сроки обучения варьируются от пяти до девяти лет, хотя большинство из них были рассчитаны на семь лет; в первые годы обучения они должны были получать номинальную зарплату, обычно 12 д. в год, а в последний год - более существенное вознаграждение, варьирующееся от 6s. 8 д. до 25 с.[803] Клятва подчиняться городским законам служила напоминанием о том, что подмастерье, не являясь полноправным членом гильдии, в определенной степени находился под властью городских властей. Интенденты об ученичестве, как правило, должны были быть зарегистрированы городским клерком,[804] а в Лондоне переход ученика от одного работодателя к другому не был законным, если он не был подтвержден городским камергером.[805] Помимо регистрации договора и уплаты пошлины в гильдию ремесленников, подмастерье, а точнее его друзья, должен был дать залог за свое хорошее поведение. Права подмастерья, с другой стороны, вероятно, всегда защищались правом апелляции к надзирателям его ремесла: так было в Ковентри в 1520 году, мастера-капперы были обязаны раз в год посещать все цеха своего ремесла и вызывать к себе подмастерьев, и если какой-либо подмастерье трижды жаловался на своего мастера за "недостаточное нахождение", они имели право забрать его и отдать другому мастеру.[806] Поскольку доля мастера в ученике могла быть передана другому мастеру, ученик мог выкупить оставшийся срок после того, как он отработал часть срока. Однако он не мог быть принят в свою гильдию в качестве мастера, пока не истечет весь его срок,[807] и хотя, казалось бы, он мог сам начать свое дело,[808] вероятно, он не мог нанимать рабочих, и, как правило, он, несомненно, проводил неистекшую часть своего срока в качестве подмастерья.

Подмастерья, работавшие днем (*journée*) либо у своих мастеров, либо в собственных домах, в отличие от слуг, нанимавшихся на год,[809] и живших в доме своего работодателя, составляли текучий элемент промышленной организации и состояли частично из людей, отслуживших полный курс обучения, но не имевших средств или предприятия для самостоятельной работы, и частично из других людей, либо отслуживших лишь краткий курс обучения, либо получивших знания о ремесле другим путем.[810] Несмотря на большую или меньшую свободу в выборе работодателя, практически все правила гильдий содержали строгое предписание не принимать на работу подмастерьев, нарушивших контракт или покинувших своего покойного мастера без уважительной причины.[811] В отношении работы на дому правила варьировались; подмастерьям волоочильщиков и смежных ремесел в Ковентри в 1435 году разрешалось работать на дому, и их не могли принуждать приходить в дома своих мастеров,[812] а в Лондоне в 1271 году сапожникам не разрешалось выдавать работу, так как подмастерья, как выяснилось, уходили с товаром.[813] Капризы этого сословия, действительно, доставляли немало хлопот их хозяевам. Вместо того чтобы довольствоваться праздниками и мириться с двенадцатичасовым рабочим днем, они имели пагубную привычку уходить в загул на два-три дня и развлекаться игрой в боулз, "озираясь по сторонам, что они должны жить дома"; [814] А работодатели из Ковентри, проявляя ту трогательную заботу о вдовах и сиротах (или, в данном случае, о женах и детях), которая

всегда отличала английских капиталистов, запретили им посещать трактиры в рабочие дни, "так как ежедневно видно, что те, кто беднее других, целый день сидят в питейных заведениях, сушатся, играют в карты и за столами и расточительно тратят все, что могут достать, на себя, к вящему неудовольствию Бога и собственного благополучия, тогда как если бы они тратили это дома, в своих собственных домах, то их жены и дети могли бы получить часть этого." [815] Не имея права голоса в ремесленных гильдиях, подмастерья постоянно создавали "гильдии йоменов", "бачелерии" и другие объединения, которые гильдии мастеров обычно старались подавить. В 1387 году лондонские подмастерья-кордуэйнеры создали братство [816] и попытались заручиться его папской защитой; Девять лет спустя мэр и олдермены подавили братство, созданное старшинами шорников, одновременно приказав мастерам в будущем хорошо обращаться со своими людьми [817], а в 1415 году надзиратели портных пожаловались, что их подмастерья объединились, живя вместе в компаниях в определенных домах, где они проводили собрания и принимали ливреи, после чего совет, учитывая опасность для мира в городе от такого бесконтрольного и безответственного органа, запретил объединение и приказал подмастерьям жить под управлением надзирателей ремесла. [818] Однако братство портных-старшин не было так легко подавлено, и два года спустя мы обнаружили, что они просят разрешения проводить свои ежегодные собрания в церкви Святого Иоанна в Клеркенуэлле. [819] Точно так же в Ковентри, когда в 1420 году была подавлена гильдия подмастерьев портных Святой Анны, они просто сменили своего покровителя и вновь появились как гильдия Святого Георгия, против которой были приняты меры в 1425 году. [820] В 1396 году против шорников-старшин выдвигались обвинения в том, что они настолько повысили заработную плату, что если раньше мастера могли получить работника за 40-5 марок в год и его питание, то теперь им приходилось платить 10-12 марок или даже 10 фунтов стерлингов, а также в том, что бизнес был нарушен из-за того, что бедел приходил и созывал подмастерьев на службу за душу умершего брата. Столкновение религиозных обрядов с бизнесом привело к тому, что в 1528 году в Ковентри был издан приказ, согласно которому подмастерья-красильщики не должны собираться на свадьбах, братствах или погребениях, не должны устраивать никаких "пещер" (то есть сочечаний), а использовать себя в качестве слуг и не заниматься никаким ремеслом. [821] Это было практически исполнением приказа, изданного десятью годами ранее, согласно которому подмастерья не должны создавать "пещеры" без лицензии мэра и мастера своего ремесла. [822] Как правило, такая лицензия не выдавалась, если только мастера не отличались необычайной широтой взглядов или подмастерья не были исключительно сильны. Однако в 1424 году в Ковентри было признано братство подмастерьев-ткачей; их надзиратели платили главному мастеру 12 д. за каждого принятого брата; каждый брат давал 4 д. на расходы по проведению ремесленных праздников, а главный мастер вносил средства на алтарную лампу подмастерьев, в то время как и мастера, и слуги проводили свои праздники вместе. [823] В Бристоле также существовала гильдия подмастерьев, связанная с ремеслом сапожников, которая вместе с гильдией ремесленников участвовала в расходах на церковные светильники и праздники. [824]

Успех лондонских шорников в повышении заработной платы - замечательная дань силе профсоюза; и мы видим, что в XIV веке забастовка была хорошо известна, и когда мастер не мог договориться со своими рабочими, другие ремесленники выходили и прекращали работу, пока спор не был разрешен. [825] Эта практика, конечно, была запрещена, но мы можем сомневаться, с каким успехом. В то же время мастера довольно единодушно запрещали нанимать на работу ремесленника, чей спор с хозяином не был улажен. За задержку причитающейся зарплаты часто назначались наказания в ордонансах гильдий, [826] а в случае других споров дело решалось советом или судом ремесла. [827] Существование ремесленной гильдии практически подразумевало наличие суда, в котором

рассматривались споры между членами ремесла или между ремесленниками и заказчиками.[828] Сначала такие суды подчинялись непосредственно городским властям: мэр или его заместители председательствовали на еженедельных судах ткачей в Лондоне в 1300 году[829] , и хотя они, по-видимому, достигли большей степени независимости, обычно сохранялось право апелляции в городской суд.[830] Возможно, именно для того, чтобы избежать этого, некоторые мастера из Ковентри стали привлекать ремесленников к духовному суду на том основании, что они нарушили свою клятву, не соблюдая правила гильдии.[831]

Не стоит уделять слишком много внимания ссорящейся стороне гильдий, ведь по сути они были дружескими обществами взаимопомощи. Одно из правил лондонских кожевников гласило, что если у одного из членов гильдии будет больше работы, чем он сможет выполнить, и работа окажется под угрозой потери , другие члены должны помочь ему.[832] Так же и каменщик, если он хотел заключить контракт, поручал четверем или шести ответственным членам ремесла гарантировать его способности, а если он не справлялся с работой, они должны были завершить ее.[833] Опять же, если кузнец брался лечить лошадь и боялся, что она умрет, он мог обратиться за советом к надзирателям своей роты, но если он был слишком горд, чтобы сделать это, и лошадь умерла, он должен был отвечать перед владельцем.[834] Правило ткачей в Халле, согласно которому никто не должен позволять своему ученику работать на другого[835] , не было нарушением принципа взаимопомощи, а было призвано предотвратить уклонение от выполнения приказа, согласно которому никто не мог иметь более двух учеников; тот факт, что штраф взимался только в случае, если ученик работал таким образом более тринадцати дней, указывает на то, что временная помощь была разрешена. Хотя помощь оказывалась ремесленнику, когда он был полностью занят, еще более важной особенностью гильдий было предоставление помощи членам, заболевшим или обедневшим не по своей вине.[836] Благотворительность не заканчивалась и после смерти бедного ремесленника: они выплачивали пособие его вдове и совершали мессы за упокой его души. Религиозный элемент в организации гильдий, хотя и очень сильный, не сильно влияет на нас при рассмотрении их производственной стороны, но есть одно косвенное влияние, о котором необходимо упомянуть. Обычай, согласно которому все гильдии и братства в определенные праздничные дни отправлялись процессией к главной церкви своего города, неся свои знамена и символы, постепенно развивался в течение пятнадцатого века, пока каждая гильдия не стала стремиться затмить своих соперников в зрелищности. Плата за участие в представлениях взималась со всех членов ремесла, даже если они не были членами гильдии, но, несмотря на это, расходы были настолько велики, что мелкие гильдии почти разорялись, и поэтому во второй половине XV века мы находим планы по слиянию или, во всяком случае, объединению для поддержки общих представлений многих мелких мистерий или ремесел. Отчет о конкурсе в Норвиче[837] около 1450 года интересен тем, что показывает количество этих мелких ремесел и способ, которым они были объединены. Было представлено двенадцать представлений: (1) Сотворение мира, выполненное торговцами, драпировщиками и галантерейщиками. (2) "Рай" - бакалейщики и лоточники. (3) "Helle Carte", выполненная стекольщиками, малярами, подьячими, парцеминерами, плотниками, граверами, колеровщиками и колесниками. (4) "Авель и Каин", у пастухов, фуллеров, "тикволленвеверов" и изготовителей покрывал, у каменщиков и обжигальщиков. (5) "Ноев ковчег" - пекари, пивовары, трактирщики, повара, мельники, виноградари и куперы. (6) Авраам и Исаак - портные, брадобреи, краснодеревщики и тилеры. (7) Моисей и Аарон с сынами Израиля и фараон со своими рыцарями - кожевники, скороходы и кордельеры. (8) Давид и Голиаф, кузнецы. (9) Рождение Христа - красильщиками, каландрами, ювелирами, золотильщиками, седельщиками, оловянщиками и мангальщиками. (10) Крещение Христа - цирюльниками, воскобойниками, хирургами,

врачами, скобяными мастерами, шляпниками, капперами, скорняками, перчаточниками, пиннерами, остряками, обхватчиками, мурзильщиками, мешочниками, 'sceppers',^[838] волоочьщиками и картоделами. (11) Воскресение - у мясников, рыботорговцев и водников. (12) Святой Дух - у камвольных ткачей.

В некоторых случаях мелкие ремесла, по-видимому, поглощались более крупными, но в Норвичских правилах 1449 года^[839], когда были даны общие распоряжения о присоединении мелких ремесел к более крупным, например, клинковщиков, слесарей и лоримеров к кузнецам, было указано, что те из присоединенных мистерий, в которых было семь или более членов, должны избирать своих собственных надзирателей, и что мэр должен назначать надзирателей для тех, в которых было менее семи членов. Это, что интересно, показывает, насколько малы были некоторые из этих мистерий, и указывает на сохранение контроля над ними. Объединение, несомненно, в основном было связано с расходами на проведение представлений и гильдейских праздников. Последние стали настолько сложными и дорогостоящими, что многие из несчастных членов, выбранных в качестве "пирщиков", разорились, и в 1495 году в Норвиче было отдано распоряжение, что пирщиками должны быть только надзиратели, и что они должны обеспечивать один ужин и один обед в один день, и не более, и это должно быть за общий счет гильдии.^[840] Эти распоряжения пришлось повторить в 1531 году, и довольно интересно прочитать, что в 1547 году^[841] блюда, которые должны были предоставлять пиршественики кордвейнов, были "фрументи, гус, вель, заварной крем, свинина, баранина и тарт. В сопер-колде сут,^[842] горячий сут, мотен, дусет,^[843] и тарт".

С приятной картиной того, как наш ремесленник отдыхает от своих трудов и развлекается в истинно английской манере, мы можем оставить его и его работу.

ПЯТНАДЦАТЬ

[1] Galloway, *Annals of Coal Mining*, 5.

[2] См. "Урикониум" Райта.

[3] Petrie and Sharp, *Mon. Hist.*, i, x.

[4] Напечатано обществом Surtees и, в последнее время, в V. C. H. Durham.

[5] V. C. H. Durham, ii. 293.

[6] *Op. cit.* (Rolls Ser.), 160.

[7] Galloway, *op. cit.*, 18.

[8] Riley, *Mems. of London*, p. xvi.

[9] Galloway, *op. cit.*, 30.

[10] Assize R., 223, m. 4.

[11] Mat. Paris, *Chron.* (Rolls Ser.), vi. 96.

[12] V. C. H. Glouc., ii. 218.

- [13] Pat., 40 Hen. III., m. 21.
- [14] V. C. H. Shrops., i. 449.
- [15] V. C. H. Derby, ii. 349.
- [16] Ann. Mon. (Rolls Ser.), iii. 105.
- [17] Pat., 35 Edw. I., m. 5d. Жалобы были поданы, а следственные комиссии назначены в 1285 (Pat., 13 Edw. I., m. 18d) и 1288 (Pat., 16 Edw. I., m. 12) годах.
- [18] Galloway, *op. cit.*, 23.
- [19] Colman, Hist. of Barwick in Elmet, 205.
- [20] Mins. Accts., bdle. 1040, No. 18.
- [21] Journ. Brit. Arch. Ass., xxix. 174.
- [22] Proc. Soc. of Ant., xx. 262.
- [23] V. C. H. Lancs., ii. 359.
- [24] V. C. H. Derby, ii. 350.
- [25] Add. Ch., 49516.
- [26] V. C. H. Derby, ii. 351.
- [27] *Ibid.*
- [28] V. C. H. Derby, ii. 350.
- [29] *Ibid.*, 351. Ср. упоминание "le dampe" в 1316 году: Hist. MSS. Com. Rep., Middleton MSS., 88. Этот отчет содержит много ценного для ранней истории угледобычи.
- [30] V. C. H. Derby, ii. 350.
- [31] "Coy" упоминается в Коссалле в 1316 г. - Hist. MSS. Com. Rep., Middleton MSS., 88.
- [32] Galloway, *op. cit.*, 53.
- [33] *Ibid.*, 46.
- [34] Finchale Priory (Surt. Soc.), p. cccxci.
- [35] V. C. H. Durham, ii. 322.
- [36] V. C. H. War., ii. 221.
- [37] В 1366 г. в поместье Болсовер 4 фунта 11 шиллингов было выплачено в качестве жалованья "человеку, присматривающему за углями и шахтой в Шутхеде, и ведущему счет копателям и добытчикам тех же углей и камней" - Foreign R., 42 Edw. III., m. 13.
- [38] За исключением того, что угольщики в лесу Дин, благодаря их тесной связи с железными рудокопами там, разделяли привилегии последних.
- [39] V. C. H. Durham, ii. 322.
- [40] Exch. Dep. by Com., 29 Eliz., East. 4.

[41] V. C. H. Derby, ii. 352.

[42] "Штрафы за копание углей в отходах лорда" в XV в. - Galloway, *op. cit.* 76; "Лицензии на копание в XVI в.", *ibid.*, 113.

[43] Exch. Dep. by Com., 21 Eliz., Hil. 8.

[44] См. *например*, V. C. H. War., ii. 219; V. C. H. Derby, ii. 350; De Banco R., 275, m. 163d.

[45] Star Chamber Proc., Hen. VIII., файл 22, № 94.

[46] Star Chamber Proc., Edw. VI., file 6, no. 99.

[47] Rot. Parl., i. 228, 229.

[48] См. V. C. H. War., ii. 219.

[49] Арендная плата иногда выплачивалась частично или полностью натурой, как в Шиппене в 1262 году (Colman, *Hist. of Barwick-in-Elmet*, 205).

[50] V. C. H. Shrops., ii. 454.

[51] V. C. H. Derby, ii. 350.

[52] Такие партнерства не были редкостью; *например*, в 1351 г. У. де Аллесворт потребовал 2s. 10½d. от Джеффри Хардинга, как седьмую часть 20s., выплаченных Джеффри и его партнерам за уголь, полученный в Нунитоне.-Add. Ch. 49532.

[53] Galloway, *op. cit.*, 70.

[54] Add. Ch. 48948.

[55] Гэллоуэй (*указ. соч.*, 113-14) приводит случай конца XVI века в Уэйкфилде, где "головы, столбы и другие работы ... для поддержания земли" были срублены, и земля внезапно провалилась.

[56] Galloway, *op. cit.*, 45.

[57] V. C. H. Durham, ii. 324.

[58] Foreign R., 42 Edw. III., m. E.

[59] Pat., 8 Rich. II.

[60] Rot. Parl., iv. 148.

[61] Galloway, *op. cit.*, 70, 87.

[62] Customs Accts., 106/1.

[63] *Ibid.*, 111/40.

[64] *Ibid.*, 171/26.

[65] Kendall, *Iron Ores*, 15; V. C. H. Sussex, ii. 241.

[66] *Journ. of Brit. Arch. Ass.*, xxix. 121-9.

- [67] V. C. H. Somers., i. 275. В Чичестере также существовал "collegium fabrorum" (Regnum).- Suss. Arch. Coll., vii. 61-3.
- [68] Kemble, Cod. Dipl., no. 30.
- [69] Chron. Evesham (Rolls Ser.), 26. Легенда, вероятно, была придумана для объяснения остатков (римского) города, найденных здесь под землей, но предание о кузнецах, несомненно, имело под собой основание.
- [70] Dom. Bk., i. 162.
- [71] *Ibid.*
- [72] V. C. H. Cumberland, ii. 340.
- [73] Факсимиле хартий в В. М., № 64.
- [74] V. C. H. Derby, ii. 356.
- [75] Pipe Rolls, цитируется в V. C. H. Gloucs., ii. 216.
- [76] V. C. H. Gloucs., ii. 217.
- [77] V. C. H. Sussex, ii. 241.
- [78] См. Exch. K. R. Accts., 467, 7.
- [79] *Ibid.*, 467, 7 (7).
- [80] *Ibid.*, 467, 7 (7).
- [81] Roy. and Hist. Letters (Rolls Ser.), i. 278.
- [82] Furness Coucher (Chetham Soc.), pt. iii., Intro.
- [83] *Ibid.*
- [84] Holinshed, Chron., sub anno.
- [85] V. C. H. Derby, ii. 357.
- [86] Торф смешивали с древесным углем в Ланкашире и, несомненно, в других местах, когда он был доступен - V. C. H. Lancs., ii. 361.
- [87] Этот процесс использовался римлянами в Бофорте, около Батла, в Сассексе, среди прочих мест.- Suss. Arch. Coll., xxix. 173
- [88] Journ. of Brit. Arch. Ass., xxix. 124.
- [89] Даже после введения фугаса "гарь" или шлак содержали около половины исходного железа, согласно Даду Дадли (Metallum Martis), и были достойны повторной плавки в усовершенствованных печах более поздних времен.
- [90] Engl. Hist. Rev., xiv. 513.
- [91] V. C. H. Derby, ii. 358.
- [92] Furness Coucher (Chetham Soc.), pt. iii., Intro., and pp. 261-6.

[93] См. выше, с. 7.

[94] Тот же термин используется в связи с обжигом плитки и, несомненно, происходит от того же корня, что и отжиг.

[95] Этот рассказ о процессе производства составлен из нескольких источников, главные из которых: (1) счета кузницы Тудли, Танбридж, за правление Эдуарда III, в P. R. O.; (2) счета кузницы Бедборн, Дарем, в 1408 г., Engl. Hist. Rev., xiv. 509-29; (3) несколько сассекских счетов, обобщенных настоящим автором в V. C. H. Sussex, ii. 244-5.

[96] Nicholls, Iron Making in the Forest of Dean, 20.

[97] Cal. Chart. R., iii. 95-6.

[98] V. C. H. Glouc., ii. 219, n. 5. Ср. пожалование двенадцатого века монахам Лут-Парка "duas fabricas, id est duos focos ... scilicet unam fabricam blomeriam ... unam operariam."-V. C. H. Derby, ii. 356.

[99] Дата появления молотов, приводимых в движение водой, проблематична: "большой водяной молот" работал в лесу Эшдаун, Сассекс, в 1496 г. -Misc. Bks. Exch. T. R., 8, f. 49.

[100] Необработанный слой назывался "петлей", что, по-видимому, происходит от французского *loup*, волк, немецкий эквивалент, *Stück*, применялся к такой массе железа.- Swank, Iron in All Ages, 80.

[101] В семнадцатом веке печь, однажды зажженную, можно было держать в открытом состоянии иногда до сорока недель, но периоды, обычные в более ранние времена, несомненно, были намного короче.

[102] Engl. Hist. Rev., xiv. 529.

[103] Furness Coucher, pt. iii., Intro. Используется слово "band", но оно, очевидно, эквивалентно "bloom".

[104] Exch. K. R. Accts., 485, № 11.

[105] *Ibid.*, 466, № 20.

[106] Suss. Arch. Coll., ii. 202.

[107] Exch. K. R. Accts., 546, № 16.

[108] V. C. H. Sussex, ii. 246.

[109] Exch. K. R. Accts., 483, no. 19.

[110] V. C. H. Sussex, ii. 245.

[111] Engl. Hist. Rev., xiv. 509-29.

[112] Exch. K. R. Accts., 485, no. 11.

[113] Mins. Accts., 890, № 25.

[114] В одном месте латинизировано как "*anteriores flatores*".

[115] Suss. Arch. Coll., xiii. 128.

[116] На некоторых железных мельницах около Теддесли в Стаффордшире в 1583 г. заливщик и финер были идентичны, и там был молотобоец и основатель. K. R. Accts., 546, № 16.

[117] Nicholls, Ironmaking in the Forest of Dean; V. C. H. Gloucs., ii. 219-23.

[118] В 1280 г. эта ферма стоила 23 фунта стерлингов, так что ежегодный объем экспорта должен был превышать 10 000 грузов.

[119] Поверхностный материал, который необходимо удалить, прежде чем будет достигнута руда.

[120] Arch. Cambr. (S. 3), iii. 418.

[121] V. C. H. Sussex, ii. 247

[122] Exch. Dep. by Com., 22 Eliz., Trin. 4.

[123] Journ. Brit. Arch. Ass., xxxi. 129-42. Список римских свиней, найденных в Англии, см. там же, liv. 272.

[124] *Ibid.*

[125] Birch, Cart. Sax., i. 579.

[126] V. C. H. Glouc., ii. 237.

[127] V. C. H. Derby, ii. 323.

[128] Pipe Rolls of Hen. II.

[129] V. C. H. Durham, ii. 348.

[130] V. C. H. Somers., ii. 363.

[131] Pat., 20 Hen. III., m. 13.

[132] V. C. H. Cumberland, ii. 339.

[133] V. C. H. Derby, ii. 326.

[134] V. C. H. Somers., ii. 367-9.

[135] V. C. H. Cumb., ii. 340.

[136] Pat., 15 Edw. IV., pt. i., m. 22.

[137] Assize R., 143, m. 1. Доминирующие права шотландского короля на Олстон, помимо рудников, были, по-видимому, хорошо закреплены. Вильгельм Лев пожаловал землю в Олстоне "в Тиндейле" Вильгельму де Випону, а затем его сыну Иво де Випону, причем последнее пожалование было подтверждено королем Иоанном в 1210 году. Наконец, после тщательного изучения всего вопроса Эдуард I в 1282 году передал поместье Алстон Николасу де Випону в собственность шотландского короля, сохранив, однако, за ним право владения шахтами.-Assize Rolls, 143, m. 1; 132, m. 34; Chanc. Misc. 53, file 1, nos. 20, 22.

[138] V. C. H. Cumb., ii. 340.

[139] Assize R., 143, m. 1.

[140] Assize R., 132, m. 34; 143, m. 1.

[141] V. C. H. Derby, ii. 339.

[142] Exch. K. R. Accts., 260, no. 19.

[143] *например*, в Эйаме и Литтоне - V. C. H. Derby, ii. 338.

[144] До девятнадцатого века начинающий шахтер должен был установить макет ларя, скрепленный деревянными штырями, а не гвоздями.

[145] *т.е.* вперед и назад по линии жилы.

[146] Не совсем ясно, бросает ли он из старой ямы, в этом случае он, естественно, бросает на очень короткое расстояние, или из своей собственной ямы, в этом случае он может так бросать, чтобы охватить большую часть жилы, которая принадлежала бы старшим кувшинам.

[147] V. C. H. Derby, ii. 328.

[148] Дербиширское стандартное блюдо, изготовленное в 1512 году и до сих пор хранящееся в Вирксворте, содержит около шестидесяти фунтов руды.

[149] Assize R., 132, m. 34.

[150] *Ibid.*

[151] Memo. R., K. R., Mich., 2 Edw. II., no. 55.

[152] V. C. H. Derby, ii. 332.

[153] Memo. R., L. T. R., 25-26 Edw. I., m. 51.

[154] Груз, или *лада* (*lade*), содержал девять блюд (*disci, scutella*).

[155] Exch. K. R. Accts., 260, № 19.

[156] *Ibid.*, 261, № 25.

[157] Memo. R., L. T. R., 25-26 Edw. I., m. 51.

[158] В 1302 г. существовало четыре шахты: Южная, Средняя, Фершулл и Старая. K. R. Accts., 260, № 22.

[159] Кузнецам платили 12-18 д. в неделю.-Там же.

[160] Exch. K. R. Accts., 261, no. 25.

[161] Anct. Corresp., xlviii. 81.

[162] Exch. K. R. Accts., 260, no. 16.

[163] Anct. Corresp., xlviii, 81.

[164] Exch. K. R. Accts., 260, № 22.

[165] Pipe R., 28 Edw. I.

- [166] V. C. H. Durham, ii. 349.
- [167] Pipe R., 28 Edw. I.
- [168] Exch. K. R. Accts., 260, no. 6.
- [169] Pipe R., 28 Edw. I.
- [170] V. C. H. Somers., ii. 373.
- [171] Exch. K. R. Accts., 260, № 22.
- [172] Archæologia, lvij, 113-124.
- [173] *Например*, "In 6510 turbis tannitis emptis ad inde faciendos cineres pro plumbo affinando."- Exch. K. R. Accts., 260, no. 4.
- [174] Memo., L. T. R., 25-26 Edw. I., m. 51.
- [175] Exch. K. R. Accts., 260, no. 7.
- [176] *Ibid.*, no. 19.
- [177] Pipe R., 28 Edw. I.
- [178] V. C. H. Derby, ii. 324.
- [179] Возможно, что "cut" - это кельтское слово "cwt", означающее кусок, и восходит к британским временам.- Там же.
- [180] *Ibid.*
- [181] Pipe R., 28 Edw. I.
- [182] Pat., 27 Edw. I., m. 28.
- [183] Exch. K. R. Accts., 126, № 9.
- [184] Pat., 35 Edw. I., m. 19.
- [185] Mins. Accts., 826, № 12.
- [186] *Ibid.*, no. 11.
- [187] Exch. K. R. Accts., 265, № 9.
- [188] *Ibid.*, no. 10.
- [189] Close 24 Edw. I., m. 11d.
- [190] Pipe R., 28 Edw. I.
- [191] *Ibid.*
- [192] Anct. Corresp., xlviii. 177.
- [193] "Minera" может также иметь значение "руда".
- [194] Close 7 Edw. II., m. 6.

- [195] Anct. Pet., 13552.
- [196] Pat., 17 Edw. II., p. 2, m. 15.
- [197] Assize R., 135, m. 26d.
- [198] Pat., 14 Edw. IV., p. 1, m. 7d.
- [199] Pat., 15 Edw. IV., p. 1, m. 22.
- [200] Pat., 18 Edw. IV., p. 2, m. 30.
- [201] Pat., 2 Edw. IV., p. 1, m. 7.
- [202] Exch. K. R. Accts., 262, no. 2.
- [203] Acts of Privy Council, 1542-7, p. 367.
- [204] Jour. of Brit. Arch. Ass., lxii. 145-60.
- [205] Archæologia, lix. 281-8.
- [206] V. C. H. Cornw., i. 523.
- [207] *Ibid.*
- [208] Том iii. Гарвардских экономических исследований. Этот же автор опубликовал в "V. C. H. Cornwall" ценную статью об оловодобыче.
- [209] Lewis, *op. cit.*, 5.
- [210] Lewis, *op. cit.*, 11.
- [211] Случай изготовления лондонским ювелиром двигателей и инструментов для осушения глубокой оловянной шахты близ Труро относится к первой четверти XVI века - Early Chanc. Proc., 481, no. 46.
- [212] Memo. R., L. T. R., 9 Eliz., Mich., 3.
- [213] Либо канал, по которому подавалась струя, либо канал, подводящий воду к колесу.
- [214] Руду иногда обжигали перед плавкой.
- [215] V. C. H. Cornw., i. 539.
- [216] Lewis, *op. cit.*, 133-4.
- [217] У. де Вротхэм, назначенный начальником станнаров в 1198 году, приказал всем капитанам кораблей в Корнуолле и Девоне поклясться не вывозить из страны олово без марок - Lewis, *op. cit.*, 337.
- [218] Lewis, *op. cit.*, 190.
- [219] *Op. cit.*, 187.
- [220] V. C. H. Cornw., i. 523.
- [221] Lewis, *op. cit.*, 34.
- [222] Выходные данные см. в Lewis, *op. cit.*, App. J.

[223] Lewis, *op. cit.*, App. K.

[224] Там же, приложения. L-T.

[225] Chron. of Battle Abbey, 11.

[226] V. C. H. Northants., ii. 293-5.

[227] *Ibid.*, 295.

[228] Fabric R. of York (Surtees Soc.), *passim*.

[229] например, в Тауэре в 1324 г. "одна лодка эйлсфордского камня, называемого тряпкой, 6 с." -Exch. K. R. Accts., 469, № 7. А в 1362 году "8 лодок с камнем, называемым ragg, с перевозкой из Мейдстона, 10 фунтов 13 шиллингов. 4d."-*Ibid.*, 472, no. 9.

[230] *Ibid.*, 502, № 10.

[231] См. счета Вестминстерского здания, *passim*.

[232] Arch. Cant., ii. 112.

[233] '20 tontightes de peers de Beer.'-Exch. K. R. Accts., 472, № 8.

[234] Exch. K. R. Accts., 491, № 13.

[235] Некоторые упоминания о каменоломнях Хаслебери, относящиеся к XIV и XV векам, см. в The Tropenell Cartulary (Wilts. Arch. Soc.), ii. 148-50.

[236] V. C. H. Dorset, ii. 333.

[237] *Ibid.*, 339.

[238] V. C. H. Sussex, ii. 230.

[239] Exch. K. R. Accts., 305, № 12.

[240] *Ibid.*, 502, no. 3.

[241] Arch. Cant., ii. 112.

[242] "pondus dolii", англоизированный в других записях как "tuntight", кажется, был около 40 кубических футов.

[243] Предположительно, из Йоркширской каменоломни, упомянутой выше; привезен через Лондон.- Там же, 121.

[244] По-видимому, около 440 тонн.-Там же.

[245] Pipe R., 16 Edw. III.

[246] Термин "дамлейд" с неопределенным значением, по-видимому, характерен для Йоркшира. См. Fabric R. of York.

[247] Pipe R., 7 Edw. III.

[248] Misc. Bks., Tr. of R., 4, f. 142.

[249] Exch. K. R. Accts., 476, no. 5.

[250] *Ibid.*, 461, no. 11.

[251] Exch. K. R. Accts., no. 12.

[252] V. C. H. Northants., ii. 296-7.

[253] Подобный метод раскалывания был применен в случае со сланцами Стоунсфилда, в Оксфордшире.- V. C. H. Oxon., ii. 267.

[254] *Ibid.*; V. C. H. Northants., ii. 296.

[255] V. C. H. Sussex, ii. 230.

[256] Exch. K. R. Accts., 476, no. 5.

[257] *Ibid.*, 494, no. 4.

[258] Pipe R., 7 Edw. III.

[259] Exch. K. R. Accts., 502, no. 3.

[260] Fabric R. of York, 19.

[261] В счете пятнадцатого века для Лонсестона упоминается покупка "железного инструмента для разбивания камней в каменоломне, называемого полакс, весом 16½ фунтов, и двух новых клиньев весом 10 фунтов" -Exch. K. R. Accts., 461, № 13.

[262] Более полную историю мраморных карьеров в Пурбеке см. в V. C. H. Dorset, ii. 331-8, откуда взяты приведенные ниже сведения, если другие ссылки не указаны.

[263] См. статьи о "Средневековой фигурной скульптуре в Англии", Architectural Review, 1903.

[264] Liberate R., K. R., 37 Hen. III., m. 13.

[265] Exch. K. R. Accts., 467, № 6 (2).

[266] *Ibid.*, 469, № 8.

[267] *Ibid.*, № 12.

[268] Arch. Journ., x. 116.

[269] Arch. Journ., lxi. 221-40.

[270] См. например, фигуры Флавфорда и Бредсолла, там же; и каталог резьбы по алебастру, выставленный в Обществе антикваров в 1910 году.

[271] Pipe R., 41 Edw. III.

[272] Arch. Journ., lxiv. 32.

[273] *Ibid.*, lxi. 229.

[274] Многочисленные случаи экспорта алебастровой резьбы из Пула делают вероятным, что пурбекские резчики, когда спрос на их мрамор упал, обрабатывали алебастр, имеющийся в округе. C. H. Dorset, ii.

[275] Некоторые из них, несомненно, были проданы во времена Реформации.-Arch. Journ., lxi. 239.

- [276] *Ibid.*, 237-8.
- [277] *Ibid.*, 230.
- [278] Arch. Journ., lxi. 234-5.
- [279] О них см. статью г-на Хоупа в Archæologia, xli.
- [280] Arch. Journ., lxiv. 239.
- [281] *Ibid.*, x. 120.
- [282] Fabric R. of York, 74, 78, 84, 90, 106.
- [283] Fabric R. of York, 15.
- [284] Exch. K. R. Accts., 504, no. 4.
- [285] Hundred R., ii. 56.
- [286] Экз. K. R. Accts., 467, no. 4.
- [287] Customs Accts., 124/30.
- [288] Вероятно, мел можно брать по цене около 4 д. за четверть.
- [289] Brit. Arch. Ass. Journal, lx.
- [290] V. C. H. Sussex, ii. 231.
- [291] Chaffers, Gilda Aurifabrorum, 19.
- [292] *Ibid.*, 23-5.
- [293] Длинный хронологический список английских ювелиров приведен в Chaffers, *op. cit.*
- [294] Beverley Chapter Act Book (Surtees Soc.), ii., p. lxv.
- [295] Cal. of City of London Letter Books, A., p. 180.
- [296] Riley, Mems. of London, 350.
- [297] Foreign R., 4 Hen. V., m. A.
- [298] Camden Soc., xxxvii. 42.
- [299] Chaffers, Gilda Aurifabrorum, 38.
- [300] *Ibid.*, 8, 9.
- [301] Foreign R., 3 Hen. IV., m. E.
- [302] Church Bells of England, by H. B. Walters, опубликованная после выхода этой книги в свет, содержит много ценных сведений.
- [303] Chron. Battle Abbey (ed. Lower), 17.
- [304] Cott. MS. Vesp. A., 22, f. 88.
- [305] Stahlschmidt, London Bell-founders, 72.

[306] *Ibid.*, p. 3.

[307] С другой стороны, Фаньез (Docts. relatifs à l'histoire de l'Industrie, ii. 67) говорит, что "sainterius", титул, примененный к Томасу де Клавилью, который переделал колокол для Нотр-Дам в 1397 году, - это "fait sur le vieux nom français des cloches *saints* ... qui se rattache à *signa*."

[308] Ex. inf. Мистер К. Х. Веллакотт, из Assize Roll.

[309] Большинство лондонских основателей, записанных г-ном Штальшмидтом как известные или возможные создатели колоколов, использовали титул "гончар" - *Loc. cit.*, 72-74.

[310] Early Chanc. Proc., 24, No. 138.

[311] Подробности приведены в книге Raven, Bells of England, на которой основан этот рассказ.

[312] Чтобы предотвратить слипание сердцевины, толщины и обкладок, их обычно посыпали дубильным веществом.

[313] Raven, *op. cit.*, 74.

[314] V. C. H. Berks., ii. 418.

[315] Raven, *op. cit.*, 57.

[316] Early Chanc. Proc., 68, No. 144.

[317] Ch. Ward. Accts. St. Mary-at-Hill (E. E. T. S.).

[318] Raven, *op. cit.*, 47.

[319] *Ibid.*, 319.

[320] Recs. of St. Michael's. См. также Ch. Wardens Accts. (Somerset Rec. Soc.).

[321] V. C. H. Berks., ii. 416. Cp. H. B. Walters, Church Bells of England, ch. xii.

[322] Toulmin Smith, English Gilds, 295.

[323] Raven, *op. cit.*, 69.

[324] London Bell-founders, 3.

[325] *Ibid.*, 45.

[326] Issue R. of Exch., 239.

[327] *Ibid.*, 346.

[328] Glouc. Corporation Recs.

[329] Sacrist Rolls of Ely, ii. 114, 138, где подробно описаны расходы на покупку олова и меди, глины для форм и других необходимых вещей.

[330] Raven, *op. cit.*, 149.

[331] *Ibid.*, 90.

[332] Fabric R. of York (Surtees Soc.), 9. Приводятся подробности.

[333] Raven, *op. cit.*, где приведены иллюстрации трех панелей.

[334] Если колоколообразный объект действительно является ядром, то орнамент на нем должен быть приписан "лицензии художника", так как поверхность ядра в действительности была бы совершенно простой.

[335] *Inq. ad qd. damnum*, файл 108, № 15.

[336] Экз. К. R. Accts., 462, № 16. Среди статей расходов: "За яйца и эль, купленные для изготовления надписи на колоколе 3 д. За воск и сапожный воск (*код*) для того же 5½ д.". Возможно, смесь яиц и эля использовалась для того, чтобы помазать металлические печати для букв и предотвратить их прилипание к глине.

[337] *Early Chanc. Proc.*, 24, No. 138.

[338] *De Banco*, 831, m. 414; и Raven, *op. cit.*, 164-6, цитируя *Year Book 9 Edw. IV.*, Easter Term, case 13.

[339] *V. C. H. Shrops.*, i. 47.

[340] Ryley, *Mem. of London*, 205.

[341] *Enrolled Wardrobe Accts.*, no. 4.

[342] *Enrolled Wardrobe Accts.*, no. 4.

[343] *Foreign R.*, 9 Ric. II., m. A.

[344] *Foreign R.*, 11 Ric. II., m. H.

[345] Эмиссия Р. из Экз., 346.

[346] Иностранный р., 3 Hen. V., m. C.

[347] Иностранный р., 3 Hen. IV., m. G.

[348] *Там же*, m. I.

[349] *Issue R. of Exch.*, 277.

[350] Иллюстрация пушки, стреляющей стрелами, нарисованная, по-видимому, в 1326 году, упоминается в *Proc. Soc. Ant.* (xvi., 225), а в битве при Сент-Олбансе в 1461 г. использовались пушки, стрелявшие "стрелами длиной в эль" - *Gregory's Chron. (Camd. Soc.)*, 213.

[351] *Foreign R.*, 11 Ric. II., m. G.

[352] *Foreign R.*, 3 Hen. V., m. C.

[353] *Issue R. of Exch.*, 332.

[354] *Ibid.*, 307-8.

[355] *Foreign R.*, 3 Hen. V., m. C.

- [356] В шотландской экспедиции 1496 г. пять из тридцати двух "faucons of brasse" и двенадцать из ста восьмидесяти "hakbusses of iren" были сломаны в бою -Exch. Tr. of R., Misc. Bks., 7, f. 140.
- [357] Exch. Tr. of R., Misc. Bks., 8, f. 134.
- [358] Early Chanc. Proc., 78, no. 81.
- [359] Issue R. of Exch., 382.
- [360] Foreign R., 12 Hen. VI., m. D.
- [361] Изображено в Suss. Arch. Coll., xlvi.
- [362] Ему платили по ставке 16 д. за центнер -Exch. Tr. of R., Misc. Bks., 8, f. 139.
- [363] *Ibid.*, f. 34.
- [364] Exch. Tr. of R., Misc. Bks., 8, f. 158.
- [365] Early Chanc. Proc., 222, no. 112.
- [366] Exch. Tr. of R., Misc. Bks., 8, f. 132.
- [367] *Ibid.*, f. 81.
- [368] *Ibid.*, f. 96.
- [369] Early Chanc. Proc., 376, no. 32.
- [370] Exch. Tr. of R., Misc. Bks., 8, f. 136.
- [371] *Ibid.*, f. 149.
- [372] Exch. Tr. of R., Misc. Bks., vol. vii., *passim*, и L. and P. Hen. VIII., vol. i.
- [373] Misc. Bks., vol. i., ff. 32, 78.
- [374] *Ibid.*, ff. 57, 61.
- [375] *Ibid.*, vol. iv., ff. 166, 181.
- [376] См. V. C. H. Sussex, ii. 246-9.
- [377] Arch. Journ., xxx. 319-24.
- [378] См. V. C. H. Northants., i. 206-12.
- [379] *Ibid.*
- [380] Proc. Soc. Ant., xvi. 42.
- [381] Brit. Arch. Ass. Journ., xxxiii.
- [382] Proc. Soc. Ant., xvii. 261-70.
- [383] Somers. Arch. Soc., xiii. (2) 1.
- [384] Темный цвет касторской посуды, по-видимому, был вызван тем, что печь "задушили", закрыв вентиляционное отверстие, до завершения обжига.

- [385] Misc. Accts. 1147, № 23.
- [386] Suss. Arch. Coll., xlv. 128-38.
- [387] Римская печь для обжига глазури была найдена в Касторе -V. C. H. Northants., i. 210.
- [388] Fagniez, Docs. relatifs à l'histoire de l'industrie, no. 133.
- [389] Dom. Bk., 65, 156, 168 ^b.
- [390] Например, "Поттерсфилд" в Хоршеме, в приходе которого было сделано несколько находок зеленых глазурованных сосудов XIII века -V. C. H. Sussex, ii. 251.
- [391] Например, "Джеффри гончар", который встречается в 1314 году в Лимсфилде, где были найдены остатки печей для обжига.-Proc. Soc. Ant., iii.
- [392] Lib. R., 51 Hen. III., m. 10. Саймон "ле Пичермакер" из Корнуолла в XIV веке отправлял свои изделия (предположительно кувшины) в Сассекс.-Anct. Pet., 10357-8.
- [393] Inq. Nonarum, 361. Ср. Сотенные списки по Баксу.
- [394] Mins. Accts., 507, № 8227.
- [395] V. C. H. Sussex, ii. 251.
- [396] *Ibid.*
- [397] Arch. Journ., lix. 1-16.
- [398] Proc. Soc. Ant., xv. 5-11.
- [399] Rec. of Norwich, ii., no. 193.
- [400] Riley, Mem. of London, 254.
- [401] *Ibid.*, 309. Монахи из Боксли получили в этом году за некоторые плитки со своей тилерии до 10 сотен за тысячу. Accts., 1253, № 13.
- [402] Toulmin Smith, English Guilds, 399. В Линкольне, с другой стороны, плиточники создали гильдию в 1346 году, и ни один плиточник, не принадлежащий к гильдии, не мог оставаться в городе.-*Ibid.*, 184.
- [403] V. C. H. Essex, ii. 456.
- [404] Statutes, 17 Edw. IV.
- [405] Thorold Rogers, Hist. of Agriculture and Prices, i. 490.
- [406] Mins. Accts., 899, 900.
- [407] Возможно, от французского *fétu* = солома, так как они были сформованы в виде полых цилиндров.
- [408] Дерн, очевидно, использовался кембриджширскими плиточниками для топлива - Сакрист Роллс оф Эли, ii. 67, 93, 137.

[409] 'Pro luto tredando ad dictos vj furnos pro tegulis inde faciendis.' Значение *tredando* неясно, но поскольку этот процесс всегда упоминается после того, как глина была доставлена в печи, возможно, речь идет о раскатывании глины до нужной толщины для резки из нее черепицы.

[410] Слова, используемые для обжига, или запекания, плитки - *eleare* и *aneleare*, оба связаны с нашим словом "отжиг".

[411] V. C. H. Sussex, ii. 251.

[412] В 1373 г. Питер в Гейте арендовал пастбища в Накхольте, где находилась плиточная мастерская, за низкую арендную плату в 15 с. при условии, что он будет служить "господским работником для изготовления плитки".

[413] V. C. H. Sussex, ii. 252.

[414] De Banco, 407, m. 12.

[415] Harl. Ch., 76 D., 32.

[416] *Ibid.*, B. 50.

[417] Kelle = печь: ср. Anct. D., A 4904, о "тилекелле" в Вулвиче в 1450 году.

[418] Chron. de Melsa (Rolls Ser.), iii. 179-80.

[419] Hist. MSS. Com., Beverley MSS., 15.

[420] *Ibid.*, 62.

[421] Sacrist R. of Ely, ii. 67.

[422] 'Flaunderistyle vocata Breke.'-Exch. K. R. Accts., 503, no. 12.

[423] *Ibid.*, 472, no. 4.

[424] Hist. MSS. Com., Beverley MSS., 62.

[425] Hist. MSS. Com., Beverley MSS., 128.

[426] *Ibid.*, 47. В этих подзаконных актах в одном месте проводится различие между "плиточниками" и "плиточниками", последние - это то, что мы должны называть каменщиками.

[427] Exch. K. R. Accts., 494, no. 4.

[428] *Ibid.*, 467, № 6 (6).

[429] Такими, несомненно, были тротуарные плитки, 185 000 из которых были куплены у Ричарда Грегори в 1357 году для Вестминстерской часовни по цене 6s. 8d. за сотню.-*Ibid.*, 472, no. 4.

[430] Lethaby, Westminster Abbey, 48; Arch. Journal, lxi. 36-73.

[431] V. C. H. Derby, ii. 375. *Ibid.*

[432] V. C. H. Worces., ii. 275.

[433] Suss. Arch. Coll., xi. 230.

[434] V. C. H. Surrey, ii. 295.

[435] Джон из Лондона, "glasyere", и Джон, сын Джона Алемайна из Чиддингфолда, были оправданы по обвинению в краже со взломом в Турвике в 1342 г. - Gaol Delivery R., 129, m. 12.

[436] Exch. K. R. Accts., 471, no. 6.

[437] V. C. H. Surrey, ii. 296.

[438] V. C. H. Surrey, ii. 296.

[439] В 1404 г. у священника Дарема было в запасе "нового цветного стекла 2 *шеффе*, белого стекла и нового 76 *шеффе*" - Durham Acct. R. (Surtees Soc.), ii. 397.

[440] V. C. H. Surrey, ii. 297; V. C. H. Sussex, ii. 254.

[441] Exch. K. R. Accts., 471, no. 6.

[442] Durham Acct. R., ii. 393.

[443] Fabric R. of York, 76.

[444] *Ibid.*, 83.

[445] *Ibid.*, 37.

[446] Cat. of Pat., 1446-52, p. 255. Великолепные окна, которые сейчас находятся в часовне Королевского колледжа, были сделаны между 1515 и 1530 годами четырьмя английскими и двумя фламандскими стекольщиками, все из которых жили в Лондоне.

[447] Fabric R. of York, 69.

[448] *Ibid.*, 104, 108, 109.

[449] Hartshorne, Old Engl. Glass, 129.

[450] В одном месте также говорится, что эль использовался "pro congelacione vitri".

[451] 'Frangentes et conjungentes vitrum super tabulas depictas.'

[452] Краски в некоторых случаях закреплялись нагреванием, и предположительно на это указывает запись в отчете о работах в Гилфордском замке в 1292 году: 'In uno furno faciendo pro vytro comburendo-viiid.' - Exch. K. R. Accts., 492, № 10.

[453] Pipe R., 2 Hen. II.

[454] V. C. H. Lincs., ii. 302.

[455] См. грамоту Стефана, Cal. Chart. R., iii. 378.

[456] Pipe R., 19 Hen. II.

[457] Boldon Book. - V. C. H. Durham, i. 338.

[458] Печатается по Riley, Liber Custumarum (i. 130-1), и, с более ранней копии, по Leach, Beverley Town Documents (Selden Soc.).

[459] Ткачи не были холопами; если бы они были таковыми, то для получения свободы своего города им потребовалось бы разрешение их господ.

[460] Liber Custumarum, i. 33.

[461] *Ibid.*, lxiii.

[462] Например, Ashley, Economic History, i. 193: "Ни одно сукно не производилось на экспорт; и большая часть английского спроса на сукно - более того, весь спрос на тонкие сорта - "удовлетворялся за счет импорта".

[463] Pipe R., 18 Hen. II.

[464] Pipe R., 27 Hen. II., и другие годы.

[465] Pipe R., 28 Hen. II.

[466] "Лист" - это полоска по краю ткани.

[467] Assize R., 358.

[468] Pat., 2 Hen. III., m. 4, 2.

[469] Pat., 9 Hen. III., m. 5.

[470] Lib. R., 30 Hen. III.: несколькими годами ранее ткань для раздачи в Вустере была куплена в Оксфорде.- Lib. R., 17 Hen. III.

[471] Lib. R., 35 Hen. III., m. 17.

[472] Liber Custumarum, i. 124.

[473] Cal. of S. P. Venice, i. 3.

[474] Lib. R., 36 Hen. III., m. 19.

[475] Arch. Journ., ix. 70-1.

[476] Производство этой ткани зародилось в деревне Уорстед, возможно, в каком-то поселении фламандских ткачей, но вскоре распространилось по всему графству.

[477] Rec. of Norwich, ii. 406.

[478] Statutes, 20 Hen. VI.

[479] Rot. Parl. iv. 230, 236.

[480] Customs Accts., 5, no. 7.

[481] Black Book of Admiralty (Rolls Ser.), ii. 197. Блюз из Беверли, алый и зеленый из Линкольна, алый и голубой из Стэмфорда, покрывала из Винчестера и сукно из Тотнесса встречаются в счетах гардероба 1236 года. Pipe R., 19, 20 Henry III.

[482] Black Book of Admiralty (Rolls Ser.), ii. 187, 197.

[483] В драпировке в Норвиче уже в 1288 г. был "омансетероу" - Rec. of Norwich, ii. 8.

[484] Little Red Book of Bristol, ii. 4, 40. Узкие "осетины" также изготавливались в Солсбери.- Exch. K. R. Accts., 344, no. 34.

[485] Liber Custumarum, i. 125; ii. 549.

[486] В Нортгемптоне торговля сукном, в которой во времена Генриха III было занято 300 человек, почти угасла в 1334 г. -Rot. Parl., ii. 85.

[487] Liber Custumarum, i. 424.

[488] Уже в 1331 г. специальная защита была предоставлена Джону Кемпе из Фландрии и любым другим суконщикам, пожелавшим обосноваться в Англии.

[489] Statutes, 11 Edw. III.

[490] Rot. Parl., ii. 449, Close 13 Edw. III., p. 3, m. 11.

[491] Little Red Book of Bristol, ii. 3.

[492] Langland, Piers Plowman.

[493] 'A Concise Poem on ... Shepton Mallet," by Richd. Watts; напечатано в "The Young Man's Looking Glass", 1641. С ним можно сравнить "Приятную историю Джона Уинчкомба (Джека из Ньюбери)" Делони, написанную примерно пятьюдесятью годами ранее -V. C. H. Berks., i. 388-9.

[494]

В другую комнату пришли они.

где были дети, в бедном одеянии,

И каждый сидел, собирая шерсть,

Лучшую от грубой отрывая".

[495]

'Двести человек, правда, так,

Работали у станков, все в ряд;

Возле каждого - хорошенький мальчик

Сидел, делая перья с нескромной радостью".

[496] В обязанности бурильщика входило удаление узлов, свободных концов и других загрязнений.

[497] Производство этих тканей было разрешено в 1390 г. при условии, что качество не улучшалось - Статуты, 13 Ric. II.

[498] Assize R.

[499] Liber Custumarum, ii. 549. Испанская шерсть занимает видное место среди импорта в Саутгемптон в 1310 г. -Customs Accts., 136, no. 8, n.

[500] Statutes, 4 Edw. IV.

[501] Statutes, 7 Edw. IV.

[502] Щелочь, известная как "*cineres*", возможно, разновидность *барилла* или карбоната соды (Rec. of City of Norwich, ii. 209), встречается довольно часто: *например*, налогообложение Колчестера, Rot. Parl., i. 244.

[503] Little Red Book of Bristol, ii. 6.

[504] *например*, Customs Accts., 136/4, 136/12.

[505] Recs. of City of Norwich, ii. 209.

[506] Little Red Book of Bristol, ii. 16-22.

[507] Lands. MS., 121, № 21.

[508] Cf. Rec. Borough of Northampton, i. 121: составитель перепутал "wode" с wood.

[509] Little Red Book of Bristol, ii. 39.

[510] Little Red Book of Bristol, ii. 81-90.

[511] Rot. Parl., iv. 75.

[512] Early Chanc. Proc., 7, No. 23.

[513] Exch. K. R. Accts., 345, № 16.

[514] Плункет, по-видимому, был бледно-голубым, для плункета хватало половины того количества ваты, которое использовалось для лазури, которая, в свою очередь, занимала половину того количества, которое требовалось для синего цвета -V. C. H. Suffolk, ii. 258.

[515] Liber Custumarum, i. 129.

[516] Несомненно, это были "коричневые цвета" из более поздних записей: *например*, суконщик из Бенендена был оштрафован в 1563 году за "коричневый цвет, обманчивый" - Memo. K. R., 7 Eliz., Hil., m. 330.

[517] Liber Custumarum, i. 125.

[518] Алкermес, насекомое, напоминающее кохинею.

[519] Статуты, 24 Hen. VIII.; ср. 4 Edw. IV.

[520] Little Red Book of Bristol, ii. 8, 9.

[521] Rec. of City of Norwich, ii. 119.

[522] Статуты, 4 Edw. IV.; 3 Hen. VIII.

[523] V. C. H. Essex, ii. 255.

[524] V. C. H. Worcs., ii. 286.

[525] V. C. H. Essex, ii. 383-4.

[526] Использование мотка вместо основы было строго запрещено - Liber Custumarum, i. 125; Little Red Book of Bristol, ii. 2. В Вустере в 1497 г. любой, кто привозил пряжу для прядения в ткань, должен был привозить основу и моток отдельно.-V. C. H. Worcs., ii. 285.

[527] Rec. of City of Norwich, ii. 378.

[528] Rot. Parl., iii. 618.

[529] Arch. Journal, ix. 70: cp. Assize R., 787, m. 86.

[530] V. C. H. Notts., ii. 345.

[531] Little Red Book of Bristol, ii. 4.

[532] Liber Custumarum, i. 134.

[533] Arch. Journ., ix. 71.

[534] Приостановка камвольного ткачества на месяц с 15 августа была введена в 1511 году, чтобы избежать нехватки сельскохозяйственной рабочей силы во время сбора урожая - Res. of City of Norwich, ii. 376.

[535] Liber Custumarum, i. 423.

[536] *Ibid.* Кэндлвик-стрит (ныне Кэннон-стрит) была центром производства грубой дешевой ткани, использовавшейся для конских амуниций, а также закупавшейся в больших количествах для королевского алмонера с 1330 по 1380 г. -Enrolled Wardrobe Accts., L. T. R., 2-4.

[537] Little Red Book of Bristol, ii. 40, 123.

[538] Statutes, 8 Hen. VI.

[539] V. C. H. Shrops., i. 428.

[540] Статуты, 3 и 5 Генриха VIII.

[541] Toulmin Smith, Engl. Gilds, 179. Гильдия была основана в 1297 году, но это постановление, вероятно, более позднего времени.

[542] Little Red Book of Bristol, ii. 127.

[543] Liber Custumarum, i. 128-9.

[544] Little Red Book of Bristol, ii. 13.

[545] *Ibid.*, 79.

[546] V. C. H. Notts., ii. 346.

[547] V. C. H. Surrey, ii. 279.

[548] *например*, в Ноттингеме; V. C. H. Notts., ii. 346.

[549] V. C. H. Warw., ii. 252.

[550] *Ibid.*

[551] Statutes, 15 Ric. II.

[552] *например*, V. C. H. Surrey, ii. 344; V. C. H. Sussex, ii. 257.

[553] Exch. Dep. by Com., 41 Eliz., East. 1.

[554] Rot. Parl., i. 243.

[555] Statutes, 4 Edw. IV.

[556] V. C. H. Suffolk, ii. 262.

[557] Exch. K. R. Accts., bdles. 339-345.

[558] Маркус ле Фэйр из Винчестера был единственным суконщиком, не лондонцем, у которого покупали ткани для королевского дома в 1408 г. -Exch. K. R. Accts., 405, № 22.

[559] V. C. H. Berks., i. 388.

[560] V. C. H. Suffolk, ii. 256.

[561] Hist. MSS. Com., Rep. viii. 93.

[562] Vlnage, или aulnage, от aulne = an ell.

[563] Statutes, 2 Edw. III.

[564] Наказание в виде конфискации было отменено в 1354 г. как вредное для торговли; недостающие ткани стали обозначать их реальным размером - Ibid., 27 Edw. III.

[565] Статуты, 7, 8, 10 Hen. IV.

[566] Статуты, 11 Hen. VI.

[567] Rec. of City of Norwich, ii. 407.

[568] Rot. Parl., i. 292.

[569] Статуты, 13 Ric. II.; 11 Hen. IV.

[570] Rot. Parl., iii. 637.

[571] Статуты, 20 Hen. VI.

[572] Statutes, 4 Edw. IV.

[573] Statutes, 18 Hen. VI.

[574] Exch. Dep. by Com., 41 Eliz.

[575] Statutes, 5 Edw. VI., 1 Mary, etc.

[576] См. Memoranda Rolls, K. R., *passim*.

[577] Мемо. R., K. R., Hil. 7 Eliz., m. 329. Как более ранний пример, шестнадцать драпировщиков в Ковентри, тринадцать в Йорке и семь в Линкольне, а также другие в других местах, были оштрафованы в первой четверти 1390 г. за ткани рей, а не асиз -Ibid. 13 Ric. II.

[578] Exch. Dep. by Com., 30 Eliz., Hil., 8.

[579] Статуты, 14-15 Hen. VIII.

[580] Early Chanc. Proc., 141, no. 4.

[581] Statutes, 5 Hen. VIII.

[582] Rot. Parl., i. 292.

[583] Этот же материал был использован в 1323 г. для подушек новых королевских кроватей - Enr. Ward. Accts., 3, m. 2.

[584] *Ibid.*, m. 10.

[585] *Ibid.*, 2, m. 11.

[586] Engl. Hist. Rev., xvi. 289.

[587] Rot. Parl., ii. 347.

[588] Statutes, 4 Edw. IV.

[589] V. C. H. Surrey, ii. 343.

[590] *Ibid.*, 343.

[591] Exch. K. R. Accts., 344, № 10. В Берксе за тот же период было произведено 1747 керси, из которых на Стивентон приходилось 574, а на Ист и Вест Хендред - 520.

[592] Early Chanc. Proc., 140, no. 54.

[593] Statutes, 14-15 Hen. VIII.

[594] Rot. Parl., iv. 361.

[595] Enr. Ward. Accts., 4, m. 3.

[596] V. C. H. Worcs., ii. 284.

[597] V. C. H. Essex, ii. 384.

[598] Hist. MSS. Com., Rep. viii. 93.

[599] Rot. Parl., ii. 278.

[600] Exch. K. R. Accts., 405, № 22.

[601] Rot. Parl., ii. 372.

[602] Enr. Ward. Accts., 5.

[603] Memo. R., K. R., 21 Eliz., East., m. 106.

[604] Rep. Dep. Keeper of Recs., xxxviii. 444; иск о драпировках в Норвиче, 1601 г.

[605] Thorold Rogers, *Six Centuries of Work and Wages*, 46.

[606] Предположение о том, что этот закон привел к появлению торговли в Норвиче (Recs. of Norwich, II. xii.), вряд ли может быть верным, поскольку в Норфолке не было леса.

[607] Примеры нарушения этих и других правил см. в V. C. H. Surrey, ii. 331-5; V. C. H. Sussex, ii. 259.

[608] Lansd. MS., 74, 55.

[609] V. C. H. Oxon., ii. 254.

[610] V. C. H. Essex, ii. 459.

[611] V. C. H. Shrops., i. 433.

[612] Rot. Parl., i. 243-65.

[613] Cott. MS. Vitell., C. vi., f. 239.

[614] Lansd. MS., 74, f. 52.

[615] Add. Chart. 30687.

[616] *Например*, в Колчестере в 1425 г. - V. C. H. Essex, ii. 459; и в Ричмонде в 1280 г. - Assize R., 1064, m. 32. В Лондоне кожевники были частично виновны в блокировании движения флота в 1306 г. - Rot. Parl., i. 200.

[617] Customs Accts., *passim*; *например*, цитируется в V. C. H. Dorset, ii. 327.

[618] Little Red Book of Bristol, ii. 114.

[619] Использование железнодорожного масла вместо талового было запрещено.

[620] V. C. H. Northants., ii. 311.

[621] Riley, Mems. of London, 421.

[622] Lansd. MS., 74, f. 48.

[623] Lansd. MS., 74, f. 53.

[624] Riley, Mems. of London, 364-5.

[625] *Ibid.*, 331.

[626] *Ibid.*, 546-7.

[627] Lansd. MS., 74, f. 49.

[628] *Ibid.*, 60.

[629] *Т.е.* мирт.

[630] Lansd. MS., 74, f. 53.

[631] *Ibid.*, f. 48.

[632] *Ibid.*, f. 58.

[633] В Колчестере в 1425 г. плата за выделку шкуры лошади составляла 14 д., шкуры козла - 8 д., лани - 5 д., теленка - 2 д. - V. C. H. Essex, ii. 459.

[634] Правильные баффы делались из "шкур Elke Skynnes или lland, привезенных из Масковии или из Эста"; подделки были из шкур лошадей, быков и оленей. - Lansd. MS., 74, f. 53.

[635] Цена, указанная для испанских шкур, вероятно, является ошибкой; возможно, стоимость "правильной" и "поддельной" шкуры изменена на противоположную.

[636] В 1347 г. лондонские белые тауеры брали 6s. 8 д. за работу "дайкера [пакета из десяти] оленей Scottes или lrysshe" и 10 с. за "дайкера оленей Spanysshe" - Riley, *Mems. of London*, 234.

[637] Корвейзер - еще более распространенное название сапожника.

[638] Riley, *Mems. of London*, 572-3.

[639] *Liber Albus*, ii. 441-5.

[640] Riley, *Mems. of London*, 136.

[641] *Ibid.*, 391.

[642] *Little Red Book of Bristol*, ii. 108.

[643] *Little Red Book of Bristol*, ii. 43.

[644] *Ibid.*, ii. 105.

[645] *Liber Albus*, ii. 445.

[646] Riley, *Mems. of London*, 547.

[647] V. C. H. Northants., ii. 318.

[648] *Ibid.*

[649] *Liberate R.*, 50 Hen. III., n. 11.

[650] *Pipe R.*, 31 Hen. I.

[651] *Cal. Chart. R.*, ii. 34.

[652] *A Dyetary of Helth* (E. E. T. S.), 256.

[653] *Giraldus Cambs.* (Rolls Ser.), iv. 41.

[654] *Mat. for Hist. of T. Becket* (Rolls Ser.), iii. 30.

[655] *Mon. Franc.* (Rolls Ser.), ii. 8.

[656] *Statutes*, temp. Hen. III.

[657] '[Ассиз пивовара] составляет xij^dhighing и xij^dlowing в цене четверти мальты, и еще больше шиллингов до q^a (= фартингов).-Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 397. Другими словами, эль стоил столько же фартингов за галлон, сколько солод - шиллингов за четверть.

[658] *Little Red Book of Bristol*, 223.

[659] *Assize R.*, 912, m. 49.

[660] *Hundred R.*, ii. 216.

[661] *Cal. Chart. R.*, i. 168.

[662] *Ibid.*

[663] V. C. H. Notts., ii. 364.

[664] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 25, 678, 710.

[665] *Ibid.*, 772.

[666] Beverley Town Docts. (Selden Soc.), liv. В 1413 г. сгорело 260 бочек (30 галлонов) и фиркинов (7½ галлонов), сделанных для Ричарда Бартлота из неочищенного дерева и не по размеру.- Riley, Mems. of London, 597.

[667] *Например*, V. C. H. Sussex, ii. 261.

[668] Riley, Mems. of London, 319.

[669] Из этого следует, что в эль было принято добавлять травы.

[670] Borough Customs (Selden Soc.), i. 185.

[671] Riley, Mems. of London, 386.

[672] Liber Albus, i. 360.

[673] V. C. H. Worcs., ii. 256.

[674] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.). 675. В 1380 году в Оксфорде было не менее тридцати пивоваров -V. C. H. Oxon., ii. 159.

[675] Riley, Mems. of London, 318.

[676] Andrew Borde, Introduction (E. E. T. S.), 123.

[677] *Op. cit.*, 122.

[678] *Например*, V. C. H. Sussex, ii. 262.

[679] Riley, Mems. of London, 225.

[680] Little Red Book of Bristol, ii. 229.

[681] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 584.

[682] V. C. H. Oxon., ii. 260.

[683] Liber Albus, i. 358.

[684] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 25.

[685] Suss. Arch. Coll., vii. 96.

[686] Liber Albus, i. 359.

[687] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 637.

[688] V. C. H. Oxon., ii. 260.

[689] Exch. Dep. by Com., Mich. 18-19, Eliz., no. 10.

[690] Cott. MS. Vesp., A. 22, f. 115.

[691] Recs. of Norwich, ii. 98.

[692] V. C. H. Sussex, ii. 261.

- [693] Dyetary (E. E. T. S.), 256.
- [694] Riley, Mems. of London, 666.
- [695] V. C. H. Sussex, ii. 261.
- [696] V. C. H. Dorset, ii. 367.
- [697] Coram Rege 852, m. 23.
- [698] Recs. of Norwich, ii. 100.
- [699] V. C. H. Shrops., ii. 422.
- [700] V. C. H. Surrey, ii. 382.
- [701] *Ibid.*, 382-4.
- [702] Dyetary (E. E. T. S.), 256.
- [703] V. C. H. Dorset, ii. 369.
- [704] Pipe R., 6 Hen. II., Эссекс; 13 Hen. II., Виндзор.
- [705] Giraldus Cambr. (Rolls Ser.), iv. 41.
- [706] Pipe R., 13 John.
- [707] Mins. Accts., bdl. 899.
- [708] V. C. H. Sussex, ii. 263.
- [709] *Ibid.*
- [710] Mins. Accts., 1128, no. 4.
- [711] V. C. H. Sussex, ii. 263.
- [712] Memo., K. R., 17 Ric. II., Hil.
- [713] A Venetian Relation of the Island of England (Camden Soc.), 9.
- [714] Statutes, 23 Edw. III.
- [715] Six Centuries of Work and Wages, 233.
- [716] Engl. Hist. Rev., xxi. 517.
- [717] Assize R., 773.
- [718] Statutes, 3 Edw. IV.
- [719] Riley, Mems. of London, 163.
- [720] Statutes, 13 Ric. II.
- [721] *Ibid.*, 15 Ric. II.
- [722] Parly. Rolls, iii. 637.
- [723] Statutes, 20 Hen. VI.

[724] Statutes, 4 Edw. IV.

[725] Unwin, Gilds of London, 139.

[726] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 32.

[727] Norwich Recs., ii. 278-310.

[728] Statutes, 28 Edw. III. Является ли железо сырьем? На него было затрачено много труда, прежде чем оно попало на рынок - но то же самое можно сказать и о кукурузе.

[729] *Например*, Riley, Mems. of London, 255.

[730] Statutes, 11 Hen. VI.

[731] Riley, Mems. of London, 308.

[732] Исчерпывающее исследование всего, что касается заработной платы, см. в работах профессора Торольда Роджерса.

[733] С конца пятнадцатого века градация выплат рабочим становится более выраженной, знаменуя собой учреждение современной системы.

[734] В случае плотников и т. д., занятых в сельских районах, по-видимому, существовали значительные различия.

[735] Exch. K. R. Accts., 472, no. 4.

[736] Beverley Town Docts. (Selden Soc.), 50.

[737] Статуты, 11 Hen. VII.

[738] Riley, Mems. of London, 538.

[739] Coventry Leet Bk., 574.

[740] *Ibid.*, 673.

[741] Riley, Mems. of London, 253.

[742] Little Red Book of Bristol, 15.

[743] Exch. K. R. Accts., 467, № 7.

[744] Norwich Recs., ii. 104.

[745] Riley, Mems. of London, 513.

[746] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 185.

[747] Riley, Mems. of London, 227.

[748] Little Red Book of Bristol, ii. 168.

[749] Liber Cust., i. 99.

[750] Exch. K. R. Accts., 467, № 7.

[751] Riley, Mems. of London, 226, 243. Исключительным является тот факт, что в Лестере в 1264 г. ткачам разрешалось работать по ночам.

[752] *Ibid.*, 538.

[753] Borough Recs. of Leicester, i. 547.

[754] *Ibid.*, 226.

[755] Little Red Book of Bristol, 98; Coventry Leet Bk., 302; Beverley MSS. (Hist. MSS. Com.), 47.

[756] Riley, Mems. of London, 532, 246.

[757] *Ibid.*, 226, 239.

[758] Little Red Book of Bristol, ii. 4.

[759] *Ibid.*, 97.

[760] *Ibid.*, 30.

[761] Riley, Mems. of London, 573.

[762] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 638.

[763] Репродукции некоторых клейм, используемых камвольными ткачами, см. в Norwich Recs., ii. 153.

[764] См. карты средневековых Брюгге, Парижа и Лондона в Unwin's Gilds of London, 32-4.

[765] Riley, Mems. of London, 392.

[766] Little Red Book of Bristol, ii. 182.

[767] Norwich Recs., ii. 237.

[768] Ср. Блэквелл Холл в Лондоне, единственный рынок для "иностранного" сукна - Riley, Mems. of London, 550.

[769] Liber Albus, ii. 444.

[770] Statutes, 37 Edw. III.

[771] Little Red Book of Bristol, ii. 117.

[772] Liber Cust., i. 118.

[773] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 180-3.

[774] "Тормозник" превращал прутковое железо в прутья, готовые к вытягиванию в проволоку.

[775] *т.е.* гнуть.

[776] *т.е.* подпруги; середина = талия.

[777] Little Red Book of Bristol, ii. 85.

[778] Toulmin Smith, English Gilds, 184.

[779] *Ibid.*

- [780] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 27.
- [781] Borough Recs. of Leicester, i. 105; Coventry Leet Bk., 95; Little Red Book of Bristol, ii. 7, 8.
- [782] Beverley Town Docts. (Selden Soc.), 53.
- [783] Little Red Book of Bristol, 5.
- [784] *Ibid.*, 98.
- [785] Early Chanc. Proc., 61, no. 478.
- [786] Norwich Recs., ii. 289.
- [787] *Например, Ibid.*, 199, 234; Woodruff, Hist. of Fordwich, 32-5.
- [788] См. *например*, Cal. of Pat. Rolls 1419-36, 537-88.
- [789] Riley, Mems. of London, 346.
- [790] Liber Cust., i. 423.
- [791] Liber Cust., i. 423.
- [792] Слуга, нанятый на год - Little Red Book of Bristol, ii. 43.
- [793] Coventry Leet Bk., 573.
- [794] Little Red Book of Bristol, ii. 106.
- [795] Toulmin Smith, English Gilds, 179.
- [796] Riley, Mems. of London, 278.
- [797] Little Red Book of Bristol, ii. 127.
- [798] Riley, Mems. of London, 549.
- [799] *Ibid.*, 234.
- [800] *Ibid.*, 244.
- [801] Little Red Book of Bristol, ii. 84.
- [802] Early Chanc. Proc., 19, no. 491.
- [803] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 560-1.
- [804] *Например*, Norwich Recs., ii. 290; Little Red Book of Bristol, ii. 125.
- [805] Early Chanc. Proc., 66, № 244.
- [806] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 672.
- [807] Early Chanc. Proc., 66, no. 244.
- [808] *Ibid.*, 38, no. 40.

[809] Ордонанс фуллеров в 1418 году запрещал любому хозяину брать незнакомца в услужение по договору более чем на пятнадцать дней, если он не нанимал его на целый год - Little Red Book of Bristol, ii. 142.

[810] В случае с лондонскими литейщиками будущий подмастерье должен был убедить мастеров в своем мастерстве; если он не мог этого сделать, он должен был либо стать подмастерьем, либо отказаться от ремесла.-Riley, Mems. of London, 514.

[811] Они должны были уведомить и имели право получить уведомление за восемь дней.- Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 573.

[812] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 185.

[813] Liber Albus, ii. 444.

[814] Little Red Book of Bristol, ii. 106; Norwich Recs., ii. 104; Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 656.

[815] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 786.

[816] Riley, Mems. of London, 495.

[817] *Ibid.*, 542.

[818] Riley, Mems. of London, 609-12.

[819] *Ibid.*, 653.

[820] Hist. MSS. Com. Coventry, 117-18.

[821] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 694.

[822] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 656.

[823] *Ibid.*, 95.

[824] Little Red Book of Bristol, ii. 151.

[825] Riley, Mems. of London, 248, 307; cp. Acts of P. C., 1542-7, p. 367.

[826] Riley, Mems. of London, 307, 514; Lambert, Two Thousand Years of Gild Life, 216.

[827] *Например*, Little Red Book of Bristol, ii. 13.

[828] См. материалы суда портных в Эксетере: Toulmin Smith, English Gilds, 299-321.

[829] Liber Cust., i. 122; cp. Borough Recs. of Leicester, i. 89.

[830] Little Red Book of Bristol, ii. 14.

[831] Coventry Leet Bk. (E. E. T. S.), 302.

[832] Riley, Mems. of London, 232.

[833] *Ibid.*, 281.

[834] *Ibid.*, 293.

[835] Lambert, Two Thousand Years of Gild Life, 205.

[836] Toulmin Smith, English Gilds, *passim*.

[837] Norwich Recs., ii. 230.

[838] Изготовители "скепов", или корзин.

[839] Norwich Recs., ii. 280-2.

[840] Norwich Recs., ii. 111.

[841] *Ibid.*, 173.

[842] Sute, вероятно, = курс.

[843] Douset = сладкое блюдо из сливок, яиц и сахара.

Отпечатано Т. и А. Констеблями, печатниками Его Величества
в типографии Эдинбургского университета

ПРИМЕЧАНИЯ ТРАНСКРИПТОРА

Исправлены незначительные пунктуационные и типографские ошибки.